

«ЭТО ОПИСАТЬ НЕВОЗМОЖНО, ЭТО ВСЁ НУЖНО ВИДЕТЬ,
НО НЕ ДАЙ БОГ, ЧТОБЫ ТАКОЕ ПОВТОРИЛОСЬ...»

Этот раздел составлен из воспоминаний участников Великой Отечественной и советско-японской войн или их родных и близких. Одни материалы в своё время были подготовлены как письма в музей в ответ на его запросы или в адрес поисковых отрядов, действовавших при средних школах Петропавловска-Камчатского, другие составлены самостоятельно, например, по случаю юбилейных годовщин былых великих событий. Их авторы являются как камчатскими уроженцами, в том числе и аборигенами, так и людьми, связавшими часть своей жизни с нашим полуостровом уже в послевоенные годы. Изложенное ими передаёт не только личные фронтовые впечатления и переживания, но во многих случаях характеризует повседневную жизнь, шедшую в предвоенные и военные годы в отдельных материковских городах, Петропавловске-Камчатском и некоторых селениях полуострова.

Ряд воспоминаний дополнен нами документами, касающимися военной биографии респондентов. Материалы подвергнуты незначительной стилистической правке и расположены в алфавитном порядке фамилий их авторов.

Арсенов Василий Никифорович

Я родился 3 июля 1924 г. в дер. Дернова Мехотонского района Курганской области. С шестилетнего возраста воспитывался в детском доме имени Дзержинского в г. Шадринске Курганской области. Из детдома ушёл добровольцем на фронт в 1942 г., сразу попал в танковое училище ускоренного типа в г. Тюмени. После шестимесячного обучения получил звание младшего сержанта. 6 августа 1942 г. уже был на фронте в составе 62-й армии под Сталинградом под командованием Василия Ивановича Чуйкова.

Первый бой принял в местечке, вернее, в деревне Малые Россоски в составе бронетанкового батальона. Бой был

очень тяжёлый. Наш батальон уничтожил очень много немецкой техники — танков, бронемашин. В батальоне сначала было тысяча двести человек, а после трёх суток сдерживания натиска немцев осталось только двадцать семь.

В конце Сталинградской битвы я был ранен в правую ногу, но легко. Пролежав в госпитале два месяца, попал в другую часть, на 3-й Украинский фронт, в 5-ю артиллерийскую армию, во взвод конной разведки. Командиром взвода был капитан А. И. Канский. В составе этой части участвовал в боях за города Кривой Рог, Днепропетровск, форсировал Днепр, освобождал Киев, дошёл до польской границы и был легко ранен в левую ногу.

После госпиталя попал по своей учебной специальности в 5-ю танковую армию, которой командовал генерал Берзарин. С ней я дошёл до Берлина. После войны служил в Германии, в г. Шверине, позже перевели в г. Гюстров. Демобилизовался в 1947 г., приехал к фронтовому другу в г. Свердловск, там устроился на Уралмашзавод, учился на электросварщика и после работал. В 1955 г. завербовался на Камчатку, прибыл сюда в мае в Усть-Большерецкий район, в Митогинский рыбокомбинат. После его закрытия в 1960 г. переехал в совхоз «Мильковский» и проработал там тридцать четыре года, в настоящее время не работаю. В 1995 г., 9 мая, буду отмечать два юбилея: пятьдесят лет Победы и сорок лет на Камчатке, если доживу.

Прошу меня извинить за плохую писанину, после второго инфаркта у меня очень дрожат руки. Когда писал, то левой рукой поддерживал правую, да и образование-то всего три класса...

Эпизод из фронтовой жизни «На краю гибели». После взятия Варшавы, продолжая наступать, наши войска успешно продвигались вперёд. В одном бою мой танк был подбит и сгорел, и я опять остался без боевой машины. Но экипаж был готов к боям, бои шли, и превосходство находилось на нашей стороне. Пленных было очень много, рядовые солдаты-немцы не хотели зря погибнуть и сдавались в плен, но их офицеры стреляли в поднявших руки.

После потери танка мы, то есть экипаж, оказались во второй линии обороны. Командир машины уехал в штаб фронта, а нам поручили отвести восемь пленных немецких офицеров. Пункт приёма пленных находился на территории штаба фронта в пятнадцати километрах от передовой. Она постоянно отдалялась во время боёв.

Так как нам их передал взвод полевой разведки, мы их обыскивать и разоружать не стали, надеясь, что это сделали разведчики. Повели их я и мой напарник, старший сержант Ваня Жихарев из г. Нальчика. Прошли около двух километров, дорога тянулась лесом. Вдруг начал отставать офицер в чине майора. До этого он не хромал, а тут начал. Я его предупредил — ткнул автоматом в спину и произнёс: «Шнель, камрад!»

Ваня шёл впереди, а я сзади. Офицер немного поспешил, и я оказался от него в двух-трёх метрах. Его левая рука была в кармане, а правая — за пазухой. Мой автомат висел на шее, палец правой руки находился на спусковом крючке. Я очень внимательно следил за немцем, а он шёл, немного согнувшись.

Вдруг резко выпрямился, обернулся, и я увидел в его руке пистолет. Сразу раздался выстрел, и тут же я его прошил очередью из автомата, но когда он падал, ещё раз выстрелил, по-видимому, машинально. Эта пуля просвистела у меня над ухом, а первая прошла слева под мышкой, прошла мягкие ткани, нанесла небольшую рану. После этого мы положили немцев на живот на землю. Ваня заставил одного пленного перевязать меня. После этого мы сами обыскали остальных пленных, но ничего не нашли. Немцы попросили нас взять убитого с собой и похоронить в польской деревне, мы это разрешили. Они из его шинели соорудили носилки, а я забрал его документы, и мы двинулись дальше. Доставили немцев на пересыльный пункт. Я написал объяснительную, пролежал неделю в полевом госпитале и снова воевал на фронте, и так и дошёл до Берлина.

7 декабря 1994 г.

Бабич Пётр Владимирович

...И вот в августе 1945 г. объявлена война с Японией. На Западе — победа, а на Востоке — война. Тут наши ребята рвались в бой, отбоя не было, чтобы зачислили в десант. Я приложил много усилий, чтобы попасть к командиру нашей части капитану 2-го ранга Нидоткину и убедить его отправить меня на фронт. Он отказал, но я другим путём, через начальника строевой части Зеленкова добился, и так оказался в морском десанте. Там встретил много новых товарищей, хотя у меня имелось множество знакомых. Из них как братья — Саша Водынин и Николай Вилков. Я Колю уважал очень крепко, и он меня. Мы с ним по одной морской специальности: я в ЭПРОНе (Экспедиция подводных работ особого назначения, судоподъёмная организация. — *Ред.*), а он — на плавбазе «Север», оба мы боцмана. Специальность очень интересная, всегда с личным составом...

Я, конечно, всего описать не могу, так как многого видеть не мог, но отдельные эпизоды [отмечу]. Да вот один. Когда мы высадились и углубились поперёк острова, по пути обрезали связь, которая шла с маяка на высоты 165,0 и 171,0. Мы находились в группе: я, Кондрашин, Сочунов, Ударцев, Мышкин и двое незнакомых. Висел туман, была плохая видимость, и вдруг перед нами — самурай! Мы залегли и всматриваемся: а это [оказалось] чучело на плацу для занятий военным делом. Значит, где-то близко должны быть казармы. Ползком, с большой осторожностью перемещаемся, и вдруг почти рядом — крыша из-под земли. Это казарма, только крыша над землёй и стёкла, вроде парника. Дружно врываемся и там у выхода застаём восемь самураев в кальсонах. У них была в руках форма, хотели бежать, но очереди из автоматов прикончили их. И тут я взрываю вход под землю, выскакиваем из укрытия и направляемся в глубь острова.

Рвётся мина. Мы залегли, засекли, откуда бьют, ползком достигли траншеи. Перед нами холм. На вершине — миномёт. Когда подошли близко, оттуда японцы начали бить из

винтовок, и очень метко — одного товарища убили, а Колю Кондрашина чуть-чуть ранили. У него в бушлате в грудном кармане лежали часы, и пуля врага попала в них. А пули японцы применяли разрывные. Коля упал от толчка, но остался жив. Только бушлат ему испортили, да немного тело поцарапали.

Кондрашин — моряк отличный, рулевой, москвич. И если бы не эти часы, Коли бы не было. И вот наш Коля разошёлся. Говорит: «Боцман, оставайся здесь, а я пойду в обход». Решение правильное, мы отвлекаем макака, а Коля — в тыл и гранатами их забросал. Когда мы взобрались на холм, там увидели гнездо смертников. Правда, сколько их было, точно не знаю, но пятерых видели.

Ещё один момент. Когда отбивали линию противника у подножья высоты в рукопашном бою, я разбил свой автомат о голову самурая, но не растерялся, выхватил лопату и трёх самураев зарубил ею. Эта лопата сохраняется у меня до сих пор, она спасла мне жизнь.

Во второй атаке моряки дрались, как львы, со всей злостью. От всей души я возил самураю штык до цевья винтовки, стал падать вместе с ним, а в это время макака вогнал мне штык в бедро и выдернул, хотел нанести второй укол, но меня грудью загородил Петя Уварцев и пристрелил самурая в упор из пистолета «ТТ».

Моряки дрались храбро, не щадя своей жизни. А почему? Да потому что моряки традиции нашего флота несли и хранили высоко. Моряк бесстрашен...

Д 2619. Рукопись

Беликов Григорий Григорьевич
(материал подготовлен его племянницей
Марией Васильевной Черкашиной)

Григорий Григорьевич Беликов — родной брат моей мамы, Елизаветы Григорьевны Демченко, — родился в с. Немтик Усть-Большерецкого района Камчатской области. Мать — Александра Ивановна Кривогорницына, 1892 г. р., ительмен-

ка (по метрике — камчадалка), рождённая в с. Кихчик того же района. Отец — Григорий Петрович Беликов, 1880 г. р., из дер. Воробино Сухобузимской волости Красноярского округа. Он приехал на Камчатку в 1909 г. на заработки в артель Фомова, в Петропавловск-на-Камчатке. В 1910 г. он уже в с. Кихчик у купца Огородникова, участвовал в разведке золота. В этом же году познакомился с самой красивой девушкой Кихчика Александрой Кривогорницыной, дочерью Ионы Венедиктовича. Потом поступил в Петропавловскую почтово-телеграфную контору — тянуть линию по Усть-Большерецкой волости.

Поскольку в Красноярском крае у него осталась семья, жить ему с Александрой Ивановной в селении не разрешили, и они уехали на реку Немтик, где и зимовали одни. Через два часа к ним присоединились ещё три семьи, и так образовалось селение Немтик, где и родились все дети: четыре сестры и два брата, один из них умер маленьким.

После рождения первой дочери Лидии в 1913 г. Григорий Петрович стал охотиться вместе с отцом Александры Ионовны. Добытую пушнину вывозили на собачках в Петропавловск или сдавали приезжавшим приказчикам. В селении Григорий Петрович пользовался уважением как грамотный и справедливый человек.

В 1918 г. он повредил ногу, рана долго не заживала, охотиться он не мог и увёз семью на свою родину. Устроились там хорошо, работали дружно, появился достаток. Скота, лошадей было много, пришлось нанять работника. Но вскоре из-за этого семью причислили к кулацким, лишили права голоса, и они вернулись в Кихчик, где в 1921 г. и родился Гриша.

Жить стало трудно, их ограничили и в правах на получение охотничьих делянок, рыбалок, покосов. Даже мою маму, родившуюся в 1915 г., из-за этого не приняли в комсомол. Поддерживал их семью брат Александры — Павел Ионыч, за что его дети были неоднократно биты ребятами из более зажиточных семей. Позже, после наводнения, Павел Ионыч сильно заболел, стал слепнуть, семья голодала. И тут

уже его отец, Ион Венедиктович, и Григорий Петрович помогали им.

В 1932 г. семье Григория Петровича пришлось совсем туго: его арестовали, судили «тройкой» по статье 58-10 и на три года отправили в концлагерь. Реабилитировали в 1989 г...

Гриша рос высоким, как его отец, мальчиком, окончил школу. Летом, как и все селяне, занимался рыбалкой. Весёлый, с чувством юмора, он нравился девушкам. Одной из них, Варе, он предложил «гулять» с ним. Но она, хоть и нравился он ей, отказалась, так как они были двоюродными братом и сестрой. Она, Кривогорницына Варвара Прокопьевна, 1921 г. р., до сих пор вспоминает его с любовью. Ещё она вспоминает, что часто, возвращаясь с работы, Гриша заводил танцы на дороге под луной.

В 1940 г. семья Беликовых (по переписи 1926 г. дети, наконец, получили фамилию отца) переехала в Быстринский район, где уже жили две его дочери с семьями... Гриша познакомился с красивой девушкой — эвенкой Пелагеей. Они полюбили друг друга, но пришло время Грише идти в армию.

В 1940 г. он был призван, на лошадах добрался до Петропавловска. Направили его в Хабаровск, в школу артиллеристов, откуда он и ушёл на войну. А в марте 1941 г. у него в Эссо родилась дочь Юлия. Её маму, Пелагею, выучили на медсестру и направили работать в фельдшерский пункт с. Тваян. Туда к ним несколько раз зимой на собаках приезжал дедушка Беликов.

В 1943 г. от Гриши перестали приходить письма. Розыск во время войны и после неё принёс только одно: «Пропал без вести». Юлина мама вышла замуж в 1950 г., и девочку удочерил её муж...

Из переписки с Гришей сохранилась только одна фотография, сделанная в августе 1942 г., но память о нём жила. Сёстры Лидия, Елизавета, Аграфена, Клавдия при встречах всегда вспоминали его, но разговоров о его дочери не вели.

В 1976 г. я стала жить со своей семьёй у мамы, и только тогда она попросила меня разыскать что-нибудь о брате Григории... Ответы на запросы были взаимоисключающие.

Пришлось обратиться в Елизовский совет ветеранов. Получив в феврале 1996 г. прилагаемое извещение, я отправила его в Эссо районному военному комиссару. 8 мая автобусом приехала в Эссо, привезла с собой увеличенную копию с фотографии 1942 г. и корзиночку цветов. 9 мая состоялся митинг на площади у обелиска, шёл снег с дождём. Фотографию поставила на выступ обелиска.

Объявляют минуту молчания и... осадки прекращаются. Даже вороны в этот момент не кричали...

После митинга подошла к сидящим на скамейках ветеранам. Все, кроме одного, русские, приезжие. А этот один, эвен Банаканов, смотрит на фото и говорит: «Я его знаю. Это Гриша Беликов, мы вместе призывались». В это время к нему подходят, ведут его в машину. На ходу он нам успел сказать: «Здесь живёт его дочь Юлия Тылканова».

Назавтра мы навестили её, познакомились. Юлия была очень взволнована, обрадована тем, что наконец-то она хоть что-то узнала о родном отце. И теперь её дети знают, что у них есть дедушка Беликов Григорий Григорьевич, который не пришёл с войны.

С Беликовым были призваны и не вернулись с фронта Григорий Гаврилович Кривогорницын, Павел Савельевич Лузынин, Георгий Турушин, Пётр Суворов, Михаил Васильевич Толстихин, Павел Заочный...

КОКМ ОФ 33663. Рукопись

Сведения о смерти и месте захоронения Г. Г. Беликова, сообщенные Центральным ордена Красной Звезды архивом Министерства обороны РФ 25 декабря 1995 г.

Председателю районного совета
ветеранов войны и труда г. Елизово
на № 173 от 26.10.95

По документам учёта безвозвратных потерь сержантов и солдат Советской Армии установлено, что младший сержант Беликов Григорий Григорьевич, год и место рождения, место призыва не указаны, умер 4.03.43 в ЭП-62

(эвакуационный пункт. — *Ред.*), похоронен: дер. Бор Залучского района Ленинградской области (сейчас Новгородской). Сведений о родственниках нет. Запрашиваемый в числе награждённых не значится. Необходимых документов... за январь-март 1943 г. на хранении в ЦАМО нет.

Основание: ЦАМО, донесение № 17061с 1943 г.

Начальник отделения *Прокофьев*

НВФ 3861. Машинопись

Белова Полина Павловна

Родилась 14 июля 1923 г. в с. Никольском Пришекснинского района Ленинградской области (сейчас г. Шексна. — *Ред.*). У родителей нас было трое. Отец умер, когда мне исполнился один год. Мамин брат, мой дядя И. А. Филичев, перевёз нас к себе в Иркутскую область, где он в то время жил. В 1931 г. я пошла в первый класс, то так как училась очень хорошо, то за один год окончила два класса, в то время это разрешалось. В 1938 г. мы с мамой жили вдвоём, а старшие брат и сестра — в других городах. Жить было трудно, поэтому в пятнадцатилетнем возрасте я устроилась работать в милицию, сначала секретарём, затем машинисткой. В июне 1941 г., когда началась война, подала заявление о призыве в армию и отправке на фронт, то так как мне ещё не исполнилось восемнадцать, меня не призвали, а направили на курсы медсестёр, которые я окончила в августе, после чего меня и взяли в армию вместе с другими девушками.

Нас направили в г. Иркутск на пересыльный пункт, но оттуда послали не на фронт, а в Читинскую область, в г. Кяхта, на границу с Монголией. Там меня зачислили на курсы радиотелеграфистов, которые окончила в ноябре 1941 г. и вновь подала заявление об отправке на фронт. Снова в этом было отказано, оставили меня в той же части инструктором-преподавателем по обучению следующих наборов курсантов-радиотелеграфистов. Я подавала ещё несколько рапортов по команде, но только в августе 1943 г. моё желание было удовлетворено.

По прибытии на Волховский фронт была зачислена в 235-й стрелковый полк 54-й армии. В декабре 1943 г. как имевшая гражданскую специальность машинистки переведена в оперативный отдел штаба 54-й армии вместо погибшей. В марте 1944 г. меня направили в разведотдел штаба армии на ту же должность. За время моей службы на фронте наша 54-я армия из состава Волховского фронта переходила в Ленинградский, затем в 3-й Прибалтийский фронты. В ноябре 1944 г., во время бомбёжки и артобстрела г. Мадлиена (Латвия), где располагался штаб армии, я обрабатывала разведданные, поступавшие от дивизий и полков. Наше здание вздрогнуло и пошатнулось. Я успела собрать все секретные документы, вместе с машинкой завернула их в одеяло и выпрыгнула из окошка со второго этажа. Второй взрывной волной здание развалило. Получила лёгкое ранение от осколочной бомбы, обошлась лечением в своей санчасти. За спасение разведданных и документов начальник разведки предоставил мне десятисуточный отпуск, и через час я уже выехала домой. Добиралась туда тяжело и долго, пробыла дома только одну ночь.

Когда возвращалась в часть, при остановке в Москве зашла к военному коменданту при железнодорожном вокзале, чтобы сделать очередную отметку в отпускном удостоверении. Комендант сообщил мне, что 3-й Прибалтийский фронт расформировывается, 54-й армии уже нет. Он с кем-то созвонился и дал мне направление в Минск в распоряжение штаба Белорусско-Литовского военного округа, где я и проходила дальнейшую службу. Дальше Прибалтики продвинуться мне не удалось.

15 мая 1945 г. меня демобилизовали. Вышла замуж и вместе с мужем уехала на Украину, в г. Проскуров (позже — г. Хмельницкий. — *Ред.*). В 1947 г. жизнь с мужем не сложилась, и я вместе с сыном уехала в Иркутскую область, где работала вначале в райкоме партии, затем перешла секретарём в народный суд. Поступила учиться в Иркутскую юридическую школу на заочное отделение. В 1948 г. переехала к сестре в Хабаровск, продолжила учёбу в Хабаровской

юридической школе, которую окончила в 1950 г. Была направлена на Камчатку. Сначала несколько месяцев трудилась стажёром адвоката, а в 1952 г. меня избрали народным судьёй Соболевского района. Потом работала народным судьёй Мильковского района, была на партийной работе, народным судьёй Быстринского района. В 1974 г. ушла на пенсию, уехала в г. Моздок Северной Осетии, в 1991 г. снова вернулась на Камчатку к детям.

Боевых наград не имею, имею юбилейные...

КОКМ ОФ 33448/7. Рукопись

...Я имела две военные специальности: медсестра и радистка, но как бы я не хотела, на передовую линию меня не направляли. Я солдат, а солдату где прикажут, там он и должен служить...

На фронт прибыла в 1943 г. Наша армия вела активное наступление, на одном месте подолгу не задерживались. За передовыми частями двигались вторые эшелоны армии.

Вот один небольшой эпизод, оставшийся в памяти. Служила в оперативном отделе штаба армии, это было в январе или феврале 1944 г., точно не помню. Получила приказ доставить секретный пакет в одно из подразделений. Сопровождал меня солдат с автоматом, у меня оружия не было. Вышли, когда стемнело, к утру должны были вернуться. Расстояние до подразделения, куда должны были прибыть, километра два. Погода стояла пасмурная, падал небольшой снежок. Мы шли больше часа, но до места не добрались. Солдат говорит: «Видимо, сбились с дороги». Остановились, чтобы осмотреться. Он закурил. А когда я оглянулась — он уже лежит на снегу лицом вниз, а на снегу — кровь. Поняла, что он ранен, сильно растерялась, сама побоялась подняться. Поползла, чтобы найти место, где можно было бы укрыться. Увидела воронку от разорвавшегося снаряда, затащила туда солдата, стала осматривать рану, чтобы перевязать, но он оказался уже мёртвым.

Не скрою, страшно испугалась. Темно, где нахожусь и куда идти, не знаю. Так и не узнала, кто же убил моего спутника: наш снайпер или немецкий. Заметить нас было трудно: шёл

снег, стояла непогода, а мы — в маскхалатах. Очевидно, солдата подвёл его огонёк, когда прикуривал. Я решила дожидаться рассвета, и не заметила, как заснула. Вдруг сквозь сон слышу голоса, но не разберу, наши или немецкие. Меня охватила дрожь: что делать? Ведь у меня секретный пакет, а вдруг это немцы? И какова же была моя радость, когда услышала по-русски: «Этот уже готов!» Я тут же поднялась. «А этот живой!» От радости заплакала. «Да это пацанка!» — засмеялись, а потом один из них начал на меня кричать: «Кто такая, как сюда попала?!» Я потребовала, чтобы меня доставили к командиру.

Там выяснилось, что мы шли в противоположную сторону и попали на передовую. Метрах в ста пятидесяти стояло наше оружие. Командир батареи, старший лейтенант, меня выслушал, потом послал со мной своего бойца, который меня немного проводил, показал, куда надо идти, а сам вернулся. Я нашла нужное подразделение, вручила пакет и в сопровождении солдата вернулась в свой штаб. Вот и всё моё похождение.

А вообще-то надо сказать, что на фронте все дни памятные. Не было дня, чтобы нас не бомбили или не обстреливали, а случалось, что и по нескольку раз.

Это описать невозможно, это всё нужно видеть, но не дай бог, чтобы такое повторилось, чтобы наши дети и внуки жили бы спокойно, не зная ужасов войны.

КОКМ ОФ 33448/8. Рукопись

Брюхова-Четыркина Галина Николаевна

Я... родилась 20 апреля 1921 г. в г. Бирске Башкирской АССР, по национальности русская, социальное происхождение — служащая.

В 1929 г. поступила в начальную школу, в 1936 г. окончила семь классов, с 1936 по 1938 г. работала лаборантом в сельскохозяйственной лаборатории. 13 апреля 1938 г. поступила учеником телеграфиста в Бирскую контору связи, через шесть месяцев приступила к самостоятельной работе. 5 августа 1941 г. ушла оттуда добровольцем на фронт —

связисткой. Была комсомолкой, в октябре 1942 г. стала кандидатом ВКП(б), в партию принята в октябре 1943 г. Демобилизована 4 января 1946 г. 1 августа 1946 г. снова поступила на работу в Бирскую контору связи, в 1947 г. была откомандирована в распоряжение Калининградского областного управления связи (бывший г. Кёнигсберг). 24 сентября 1947 г. назначена на должность телеграфистки центрального телеграфа. 9 марта 1951 г. направлена в распоряжение конторы связи г. Балтийска (бывший порт Пиллау) Калининградской области, зачислена телеграфисткой 1-го разряда. 3 сентября 1956 г. уволена в связи с переездом на новое место жительства мужа в г. Петропавловск-Камчатский.

15 октября 1956 г. принята на должность телеграфистки центрального телеграфа Петропавловск-Камчатской конторы связи. 16 мая 1957 г. по семейным обстоятельствам переведена в распоряжение Карагинской конторы связи, зачислена на должность старшей телеграфистки. 7 февраля 1992 г. уволена по собственному желанию в связи с уходом на пенсию по возрасту.

29 февраля 1994 г.

КОКМ ОФ 31390/1. Авторизованная машинопись

...Призывалась 5 августа 1941 г. Бирским военным комиссариатом Башкирской АССР. 22 июня 1941 г. на нашу страну напал ненавистный враг. В небольшом районном городке Бирске, где я жила, по местной трансляции передали о сборе жителей на площади. Секретарь райкома партии выступил с речью, призывая всех к защите родины. На трибуну поднимались пожилые и молодые люди с одними словами: «Я иду на фронт!» Рядом со мной стояла моя мама, слёзы стояли у неё в глазах, поэтому я молчала. Но 25 июня 1941 г. в семь часов утра передала дежурному по военкомату заявление об отправке на фронт. Я была комсомолкой.

7 августа 1941 г. меня направили на подготовку в Точские лагеря (полигон в Приволжско-Уральском военном округе в сорока километрах от г. Бузулука. — *Ред.*). Здесь прошла полное обучение солдата. Научили стрелять, ползать по-

пластунски, окапываться, прокладывать полевой кабель, подключать телефон и оказывать медицинскую помощь. Командиры часто говорили, что связь — это нерв армии, от него зависит победа. После лагерей по железной дороге нас, девушек-связисток, направили в Москву. Находясь там, не раз видела, как жители прятались в убежище на станции метро «Сокольники» во время ночных налётов немецких самолётов. Особенно больно было смотреть на детей, которые молча шли по тёмным улицам города, со страхом прижимаясь к матерям или обхватив своими ручонками материнские шеи.

При распределении меня направили в 800-й отдельный батальон связи. Из Москвы 6 ноября 1941 г. наш батальон прибыл в Сталинград для обеспечения связью 57-й армии. Узел связи разместился в помещении городского отделения связи по ул. Невского, 40, недалеко от железнодорожного вокзала. Командовал армией генерал Д. И. Рябышев, начальником штаба А. Ф. Анисов, заместителем командующего армией — генерал Я. Г. Крейзер, член военного совета — бригадный комиссар А. И. Попенко, начальник связи — полковник Виноградов, помощник начальника связи — майор А. Е. Приходай.

В декабре 1941 г. 57-я армия передислоцировалась на Южный фронт. 1 января 1942 г. батальон связи прибыл в г. Старобельск Ворошиловградской области, а затем через посёлки Боровое и Сватово прибыл в село Александровку. Оттуда 18 января перешли в наступление. По мере продвижения наступавших войск связь работала без перерывов. Во время наступления на г. Барвенково была сильная метель, дороги были перемерзшие, пробились с трудом, простояли здесь почти два месяца. Связь с подчинёнными частями и соединениями работала неустойчиво, не хватало хорошего телефонного кабеля. Командующий армией на переговорах нервничал. Начальника связи Виноградова, командира батальона Богдановского отстранили от занимаемых должностей. Начальником связи назначили Мацкевича, командиром батальона — капитана Константинова. Немецкая авиация часто бомбила, в Барвенково были большие потери.

Вновь назначенным командующим армией стал генерал-лейтенант К. П. Подлас. Заместитель командующего генерал Я. Г. Крейзер убыл на учёбу. Генерал-майор Д. Ф. Анисов был очень обаятельным, часто беседовал с нами, связистами, подчёркивал важность связи, необходимость её устойчивой работы с подчинёнными войсками. Генерал Мехлис всегда был корректен и терпелив при переговорах. Один раз в блиндаже узла связи побывали командующий фронтом генерал-лейтенант Малиновский вместе с помощником начальника политуправления фронта бригадным комиссаром Л. И. Брежневым.

В марте 1942 г. на смену 800-му батальону связи прибыл из г. Кирсанова вновь сформированный 86-й отдельный полк связи. 800-й батальон влился в состав полка. Командиром полка был полковник Терещенко. В результате зимнего наступления 57-й армии образовался так называемый Барвенковский выступ. В апреле армия передала свой участок соседу слева — 9-й армии, а сама передвинулась вправо, в сторону станции Лозовая. Узел связи развернулся в с. Надеждино, полк связи разместился рядом, в дер. Акимовка.

Командование Юго-Западного направления, по согласованию со Ставкой, решило в мае провести наступление и освободить г. Харьков. Наступление наших войск началось 12 мая 1942 г. Успешно прорвали оборону противника, за исключением г. Балаклея, и продвигались вперёд. 16 мая наши войска подошли к Харькову с юга на сорок километров. 57-я армия прочно удерживала свои позиции. 17 мая противник перешёл в наступление против 9-й армии, прорвал оборону, разбомбил пункт управления. 57-й армии было приказано прочно удерживать занимаемые позиции. 17 мая противник занял Барвенково и начал наступать в тыл Барвенковского выступа. Командующий 57-й армией К. П. Подлас бросил резерв — 14-ю стрелковую дивизию для того, чтобы остановить дальнейшее продвижение противника и предотвратить окружение наших войск, но этого оказалось недостаточно. У командования направления не

оказалось должных резервов. С получением известия о прорыве фронта 9-й армии штаб 57-й армии и узел связи переместились в сторону с. Серафимовка.

19 мая прервалась связь со штабом Южного фронта. Контрольный пост с линии сообщил, что линию разрушили немецкие танки, они же напали на радиороту, находившуюся в с. Вейделевка. 19 мая удалось установить связь со штабом Юго-Западного фронта через 6-ю армию. Переговоры продолжались долго, речь шла о подвозке миномётных снарядов. Рано утром прибыл полк связи в с. Смирновка для организации узла связи. Очень много воинов и лошадей было убито во время налёта немецкой авиации. 23 мая 1942 г. 6-я, 57-я армии и часть 9-й армии, оперативная группа генерала Л. В. Бобкина оказались полностью окружены. В этих сражениях погиб командующий 57-й армии генерал К. П. Подлас, начальник опергруппы Л. В. Бобкин. Погиб заместитель командующего фронтом генерал Ф. Я. Костенко.

Из окружённой Смирновки выходили кто как мог. Особенно в тяжёлом положении оказались мы, девушки-связистки, оставшиеся без руководства и транспорта. Я шла вместе с боевыми подругами Олей Клявцевой и Надей Морозовой по полям Украины. Усталые и голодные, присоединились к танкистам, они нам сильно помогли, не бросили нас. В это время шли ожесточённые бои, нас сильно бомбили зажигательными бомбами, на полях горел хлеб. Днём немецкие самолёты гонялись буквально за каждым нашим человеком, строчили из пулемётов. От ужаса мы падали на землю, от грохота она дрожала. Сожмёшься в комочек и ждёшь, что же будет дальше. Я очень боялась попасть в плен.

Ночью подошли мы к берегу реки Северский Донец, она разлилась. Двинулись по воде, где вброд, где вплавь. Река широкая и быстрая. Мы, три боевые подруги, сели на берегу, усталые и обессиленные. Бойцы и девушки стали прыгать в воду с криками «Мама!» Я говорю Оле и Наде, что не переплыву, плохо плаваю, давайте прощаться. Оля бросилась ко мне, обняла, заплакала: «Я не дам тебе утонуть!» Она была казачка из Донецка. Тут раздался крик: «Не прыгайте, есть

мост!» Он оказался полуразрушенным. С большим трудом перебрались на восточный берег, где наши войска встречали нас. Все обнимались и плакали. Из окружения вышли 30 мая 1942 г.

Примерно семьдесят процентов личного состава полка погибло или попало в плен, а Совинформбюро сообщило о потерях наших войск на Изюм-Барвенковском направлении. Семьдесят пять тысяч человек пропали без вести. Наступление наших войск для освобождения Харькова оказалось неудачным.

Возвращение в Сталинград. В г. Сватово полк доукомплектовали людьми из состава 87-го полка связи 6-й армии. Командиром назначили полковника И. Л. Ткаченко. С 25 июня 1942 г. полк две недели стоял на отдыхе в с. Демьяновка Ворошиловградской области. Из Демьяновки переехали под г. Старый Оскол Белгородской области. Был получен приказ о возвращении управления армии в Сталинград. Там остановились в балке около станции Садовой. Командующим 57-й армии был назначен генерал-майор Ф. И. Толбухин, начальником нашего полка — Е. Н. Зайчик.

20 июля развернули узел связи на станции Сарепта. 22 июля на рассвете немецкая авиация подвергла бомбардировке Красноармейск и Сарепту. Войска 57-й и 64-й армий отразили наступление немцев. Был получен приказ наркома обороны № 227 от 28 июля 1942 г. В нём сообщалась суровая правда о тех днях, говорилось о смертельной угрозе, нависшей над нашей Родиной, был выдвинут лозунг «Ни шагу назад!» 25 августа немецкая авиация произвела массированный налёт на Сталинград, город горел. При освобождении наступлении наша армия с боями прошла с. Татьянку между озёрами Цаца и Барманцак. Для обеспечения связью наш полк был размещён в блиндажах в лесу на берегу Волги. Кабельные линии часто выходили из строя, но связисты быстро устраняли повреждения.

Разгром немцев под Сталинградом начался 19 и 20 ноября огнём артиллерии 57-й армии совместно с другими армиями. Великое наступление началось. Было радостно видеть,

как наши танки с десантом на броне устремились вперёд на врага.

Связисты 86-го полка работали с высоким качеством. Перемещения полка при наступлении: Нариман, Рокотино, Верхне-Царицынское. В последнем пункте встретили новый, 1943 г. В конце января вели бой в центре Сталинграда, около железнодорожного вокзала. Напротив стоял универмаг, где находился немецкий командующий Паулюс. 2 февраля капитулировала северная группа немцев.

Наша армия и полк связи готовились к погрузке на станции Заплавное для следования на другой фронт. Военским эшелоном через Москву прибыли на станцию Осташков Калининской области. Автомобилями следовали вдоль озера Селигер, селений Марьино, Залучье в дер. Майлуковые Горки, в шестидесяти километрах юго-восточнее г. Старой Руссы.

57-я армия вошла в Северо-Западный фронт. Был получен приказ: прорвать немецкий фронт, наступать к Балтийскому морю, отрезать Ленинградскую группировку противника. Зима оказалась снежной, дороги перемело. Танки проходили с трудом. Весна наступила рано, всё разлилось, кругом сплошное болото. Дороги были настелены из брёвен, техника тонула. Операция не удалась. Командующий армией генерал Ф. И. Толбухин убыл с повышением на Южный фронт, новым командующим стал генерал-майор Журавлёв.

В начале мая 1943 г. управление 69-й армии и 86-й полк связи убыли к новому месту дислокации. Через Москву 17 мая прибыли в г. Ржев, вскоре переехали в г. Ельню, на Западный фронт.

В августе полк в составе 68-й армии принял участие в Смоленской наступательной операции. Слева шла 10-я гвардейская армия, справа — 5-я армия. Начались тяжёлые кровопролитные бои. Полк развернулся у хутора Сос в немецких блиндажах, они оказались заминированы, мы слышали, как тикал часовой механизм. На наше счастье блиндажи взорвались, когда мы двинулись в наступление и порядно

отошли от них. 30 сентября Смоленск был освобождён. Наш полк и 68-я армия перешли в состав 5-й армии 3-го Белорусского фронта, ею командовал генерал-лейтенант Н. И. Крылов. 13 января 1944 г. полк прибыл в лес вблизи с. Мерзляки, здесь простояли до 22 июля. Несколько раз предпринимали наступление, но успеха не было. Связисты несли обычную службу.

Главная цель Белорусской операции, получившей кодовое название «Багратион», состояла в том, чтобы разгромить группу немецких армий «Центр», освободить Белоруссию и создать условия для освобождения Литвы, Латвии и союзной нам Польши. Западный фронт 24 апреля переименован в 3-й Белорусский, им командовал генерал-полковник И. Д. Черняховский. 5-й армии был дан приказ нанести удар на пос. Богушевск, с. Сенное, Лукомль. 22 июня 1944 г. войска армии успешно прорвали линию фронта. Связисты 86-го полка в сложной обстановке обеспечивали непрерывную связь во время прорыва. Наш полк в числе других стал именоваться «Витебским». Успешному продвижению армии помогали партизаны. Они были проводниками, показывали броды на реках и громили немцев с тыла. Связь работала хорошо, что способствовало управлению войсками при окружении Минской группировки противника.

Необходимо было не позднее 12 июля овладеть городами Вильнюс, Лида, Каунас. Войска армии, в том числе и мы, связисты, за две недели прошли триста километров. Устали, нуждались в отдыхе, но отдыхать было нельзя, надо было не дать противнику укрепиться.

7 июля завязались сильные бои, и 8 июля Вильнюс был окружён. Бои за его освобождение продолжались до 13 июля. А мы, связисты, 12 июля прибыли в лес западнее Вильнюса и развернули узел связи на берегу реки Вилия. Вскоре оказалось, что близко от нас находятся немецкие танки. По приказу представителя штаба армии узел связи был свёрнут. Побыв некоторое время в безопасном месте, вернулись на прежнее. Связь с северным берегом реки Вилия была прервана, на устранение повреждения вышли самые опыт-

ные связисты — Борис Чаусов и М. П. Ростовцев. На одном контрольном пункте они увидели прерванную связь и разбитый телефон, на втором — то же самое. Связистов охранял выделенный стрелковый взвод, связь была восстановлена. Вдруг на месте расположения узла связи появился немецкий солдат, мы его пленили и направили в разведотдел.

13 июля я охраняла узел. Вдруг началась ружейно-пулемётная стрельба: на нас наткнулась группа немцев, пробиравшаяся из Вильнюса. Совместными действиями с охраной штаба немцы были рассеяны.

13 июля 1944 г. Вильнюс был освобождён, Москва салтовала войскам 3-го Белорусского фронта. 86-й полк связи за чёткое обеспечение связи при освобождении Вильнюса был награждён орденом Красного Знамени.

Впереди лежали река Неман и город Каунас. Переправы через реку хорошо прикрывали с воздуха лётчики 1-й воздушной армии генерала М. М. Громова и эскадрилья «Нормандия-Неман» из французских лётчиков. 1 августа Каунас был освобождён.

Боевые действия полка связи в Восточной Пруссии. При нанесении удара 3-го Белорусского фронта на города Гумбиннен и Инстербург (ныне г. Черняховск. — *Ред.*) 5-я армия снова оказалась на главном направлении. Наступление началось 16 октября. За десять дней мы продвинулись на пятнадцать-двадцать километров. В конце октября узел связи и штаб армии переехали в г. Раджен. Это на расстоянии одного километра от Государственной границы СССР. Узел связи развернули в жилом доме. Здесь простояли до 14 января 1945 г., до нового наступления для прорыва Гумбинненского укрепленного района немцев. Раджен часто обстреливался немецкой дальнобойной артиллерией. 14 января при благоприятных погодных условиях началось наступление. После ожесточённых шестидневных боёв укрепрайон был прорван. После взятия Инстербурга, Велау, Цинтене взяли Кройцбург и стояли в нём. За успешный прорыв Хайльсберского укрепленного района, около Мазурских болот,

Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин объявил войскам 3-го Белорусского фронта благодарность.

Теперь предстояло выйти к берегу Балтийского моря, отрезать Кёнигсбергскую группировку противника от Центральной Германии. Наши соединения армии были малочисленны, но обрели бесстрашие и опыт. 18 февраля пришла горестная весть — погиб И. Д. Черняховский. Он был на нашем командном пункте, уехал в 3-ю армию генерала А. В. Горбатова. Его жизнь оборвал осколок вражеского снаряда.

30 марта 1945 г. все войска армии перешли на Земландский полуостров, севернее Кёнигсберга, совершив марш в сто двадцать километров. 5-я армия и 86-й полк связи сосредоточились между гг. Шпальвиттен и Барвинiken. 9 апреля в результате героического штурма пал город и крепость Кёнигсберг. В боях на Земландском полуострове погибли смертью храбрых наши связисты — командир взвода лейтенант В. Г. Баев, лейтенанты Григорий Бондаренко и П. Ф. Полторакипко.

Завершив бои вблизи побережья Балтийского моря, части 5-й армии и 86-й армии были выведены в тыл. Радостно было на душе от осознания того, что долг перед Родиной мы исполнили. За хорошее обеспечение связью в Восточной Пруссии полк был награждён орденом Александра Невского.

После короткого отдыха войска армии и наш полк были погружены в эшелоны, идущие на восток. 9 мая 1945 г. наш эшелон находился в Москве. По вагонам полетела радостная весть — Победа! Враг разбит! Германия капитулировала! Всю ночь Москва шумела от радости, а мы не спали, понимали, что едем на Дальний Восток, чтобы окончательно погасить пожар войны на Земле. Проследовали Хабаровск. Эшелон разгрузился на станции Мучная, недалеко от Уссурийска. Под одной из сопок был заранее построен узел связи, но блиндаж залила вода. Пришлось строить новый около дер. Лунза.

В Москве прошёл Парад Победы, а мы занимались боевой подготовкой. От нас требовалось прорвать японские

укрепления. Для этого выделили 5-ю армию и наш 86-й полк связи. В полк влились связисты, прибывшие с Карельского фронта, они участвовали в освобождении городов в Норвегии.

В первых числах августа, скрытно, при потушенных фарах, мы переехали поближе к границе в районе Духовщина. Шоссейная дорога, шедшая к линии будущего фронта, на всём протяжении была покрыта маскировочной сеткой. Наша армия должна была прорвать оборону японцев на двенадцатикилометровой участке, нанеся главный удар на узел сопротивления пограничного укрепрайона. Нашим правым соседом была 1-я Краснознамённая армия генерала А. П. Белобородова, слева — армия генерала И. М. Чистякова. Армия была усилена стрелковым корпусом генерала А. Р. Копычева. Для разрушения дотов противника сосредоточили мощную артиллерию. Началась четырёхчасовая артподготовка. Наша связь работала на полную нагрузку, обеспечивая чёткое управление наступающими войсками. Они, прорвав пограничные укрепления, устремились вперёд для взятия города Муданьцзян. 16 августа армия очистила его от японцев и двинулась на г. Нинъянь, Дуньхуа, Гирин. Японское командование потеряло управление войсками, которые несли большие потери. 18 августа японца был отдан приказ о капитуляции.

Когда мы стояли в г. Мулин Южный, произошла досадная ошибка. Наши самолёты бомбили город, погибли и наши воины. Было очень обидно за такую ошибку.

2 сентября на американском линкоре «Миссури» около Токио Япония подписала безоговорочную капитуляцию. Вторая мировая война завершилась. Наши войска свою задачу выполнили, покидали Китай. В конце декабря мы переехали на станцию Эхо, это русский посёлок на КВЖД. Оттуда переехали на нашу территорию в г. Гродеково. 5 января 1946 г. я демобилизовалась. Вернулась на родину...

С 1980 г. я побывала на встречах однополчан семь раз: в Харькове, Волгограде, Витебске, четырёхжды в Москве.

На этих встречах мы работали над воспоминаниями о военных годах. Мой материал подготовлен вместе с генералом Приходай и капитаном в отставке Солганским.

25 декабря 1994 г.

КОКМ ОФ 31390/2. Авторизованная машинопись

Письмо Г. Н. Брюховой-Четыркиной с фронта бывшим
сослуживцам в контору связи г. Бирска
Башкирской АССР

Дорогие товарищи! Шлю вам горячий фронтовой привет. С большой радостью читаю ваши восторженные письма о героических подвигах Красной Армии и вашем стахановском труде в тылу.

Мне вспоминается день отъезда. Я оставила дома старенькую мать и, не размышляя, ушла защищать свою Родину. Я поклялась тогда, что буду до последней капли крови бороться за счастье нашего народа, за нашу свободу и независимость.

Своё слово я с честью выполняю, за что дважды получила правительственную награду.

Меня очень радует, что и вы в тылу своим упорным трудом помогаете Красной Армии завоёвывать победу, которая теперь уже совсем близка.

Дорогие товарищи! Сейчас у вас уже начался сев. Это очень ответственный период. Чтобы получить высокий урожай, нужно работать, не покладая рук. Первый помощник колхозов в этом важном деле — связист. Доставить вовремя на поле газеты, прочесть их, рассказать колхозникам о тех величайших событиях, которые происходят в стране, — вот благородная задача работников наших почтовых отделений.

Я уверена, что вы будете обслуживать колхозы с чувством ответственности, осозная, что и вы в известной степени решаете успех посевной.

Без даты

НВФ 3340/8. Ксерокопия авторизованной машинописи

Партийная характеристика на члена ВКП(б) Брюхову
Галину Николаевну, партстаж с октября 1943 г.,
партбилет № 5771073

Товарищ Брюхова в борьбе против немецких и японских империалистов показала образцы выполнения боевых заданий по обеспечению действующих частей связью. В боевой обстановке вела себя стойко. Как коммунист работала группарторгом взвода, с работой справлялась хорошо. За образцовое выполнение боевых заданий награждена правительственными наградами: медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За взятие Кёнигсберга», «За победу над Германией», «За победу над Японией».

Морально устойчива, политически развита, предана делу Ленина — Сталина и социалистической Родине.

Парторг 86-го отдельного Витебского
ордена Александра Невского полка связи
майор *Медведев*.
5 января 1946 г.

НВФ 3340/7. Машинопись

Власов Сергей Александрович

Я... родился 14 октября 1925 г. в дер. Борок Крестницкого района Новгородской области. В 1941 г. окончил семь классов. В Красную Армию призвали 4 января 1943 г. и направили в 431-й запасной стрелковый полк в г. Волхов. В апреле нас перевели в Ленинград, где я продолжил службу в запасном полку до августа. Это были кошмарные месяцы моей службы. Ежедневные артобстрелы, ночные бомбардировки города доводили нас до иступления. Ежедневно пачки рапортов с просьбами отправить на фронт лежали у командира на столе. Только 20 августа 1943 г. многие, в том числе и я, были направлены пополнением в вышедший из боёв 863-й стрелковый полк. Я попал в роту противотанковых ружей. С 14 января 1944 г. непосредственно

участвовал в боях под Ленинградом, освобождал Красное Село, Гатчину и многие другие деревни и сёла области.

20 февраля 1944 г. меня тяжело ранило в ногу с переломом кости. Был отправлен в тыл, находился на излечении в г. Сокол Вологодской области до 20 августа 1944 г. После выздоровления был направлен на 1-й Белорусский фронт в 451-й стрелковый полк, участвовал в освобождении Варшавы. Войну завершил в Берлине. После войны служил в Германии в Группе оккупационных войск, стояли на демаркационной линии с американцами. Демобилизовался 4 апреля 1949 г. С июня 1949 до апреля 1950 г. заведовал сельским клубом. В апреле 1950 г. райисполкомом был направлен в Москву на восстановление Всесоюзной выставки достижений народного хозяйства, где и проработал до декабря 1950 г., затем по оргнабору мы выехали на Камчатку на три года. На полуостров прибыли в январе 1951 г., с 26 февраля 1951 г. по настоящее время живу в с. Мильково.

Награждён двумя медалями «За отвагу», медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией», в честь 40-летия Победы награждён орденом Отечественной войны 2-й степени, также всеми юбилейными медалями.

В день празднования 31-й годовщины Советской Армии сфотографирован у развёрнутого знамени полка, копию высылаю.

Вот что могу сказать про свою жизнь...

КОКМ ОФ 34348/2. Рукопись

Волчанский Андрей Андреевич

Родился 14 марта 1912 г. в Москве и в ней вырос. После окончания средней школы в 1930 г. пошёл на военный завод и стал работать у станка. Активно занимался общественной и военной работой.

В комсомол вступил в шестнадцать лет и в мае 1933 г. по комсомольскому набору был направлен на учёбу в военно-

морское артиллерийское училище имени Ленинского коммунистического Союза молодёжи Украины. После его окончания в 1937 г. мне присвоили звание лейтенанта и направили на Тихоокеанский флот, где сначала служил помощником, затем командиром одного из подразделений береговой артиллерии Резерва Главного Командования.

В 1940 г. вступил в ВКП(б). В январе 1934 г. приказом главкома был отозван на курсы усовершенствования командного состава и в июле этого же года был назначен начальником артиллерийской разведки железнодорожного арtdивизиона под Владивостоком.

Весной 1944 г. был направлен на Камчатку офицером по артиллерийской разведке береговой обороны Петропавловской военно-морской базы (ПВМБ). После упразднения в базе должности коменданта береговой обороны со штабом и введением должности оператора по береговой обороне я был назначен на эту должность, то есть выполнял обязанности ранее существовавшего органа управления в несколько ограниченном объёме.

С увеличением объёма работ в оперативной морской части базы, внезапным её пополнением новыми кораблями, на меня возложили чисто морские оперативные функции, то есть я стал оператором базы и продолжал обеспечивать оперативно-тактическое взаимодействие между ПВМБ и войсками Камчатского оборонительного района. На моё место оператора по береговой обороне был назначен майор Почтарёв.

В Курильской десантной операции он был командиром морского батальона, а я — представителем командования во втором эшелоне главных сил.

После десантной операции успешно выполнял обязанности коменданта береговой обороны северной части островов Курильской гряды при нашей новой военно-морской базе Катаока, временно возложенные на меня командованием вновь созданной Камчатской военной флотилии. Затем был офицером по оперативным вопросам морского отдела во вновь созданном Камчатском стрелковом корпусе, где

служил до перехода корпуса на штаты мирного времени, то есть до упразднения этой должности.

Вспоминая туманное пасмурное утро 18 августа 1945 г., представляю высадку на берег Шумшу под ураганным огнём противника, из-под которого совершенно случайно вышел живым. Затем вспоминается злополучная бомба японского лётчика, не пожалевшего израсходовать её на одного человека, и только потому, что он с небольшой высоты заметил на нём офицерские погоны.

Всё это произошло именно в то время, когда надо было срочно снять с горящего корабля крайне нужную нам переносную радиостанцию. В этот момент внезапно из-за низкой облачности появился самолёт. Помню завывающий свист авиабомбы, заставивший, падая, крикнуть находящегося в десяти метрах от меня радисту: «Ложись!» Затем бомба углубилась в песок пляжа и разорвалась рядом со мной. Её осколки пошли веером вверх, не причинив нам вреда, но фугасное её действие сделало своё дело — я был контужен.

Последующее помню только урывками, приходил в сознание и терял его, тело отказывалось повиноваться. Наконец сознание вернулось, стало понятно, что сложившаяся обстановка требует немедленных действий. Сделал нечеловеческое усилие. Голос как-то странно и резко выкрикнул «Вперёд!», и непривычное оцепенение с тела постепенно спало. Вначале движения были какие-то странные, скачкообразные, с подёргиванием, но постепенно они стали приближаться к нормальным.

С этого момента началась у меня вторая, несколько необычная жизнь с постоянным жёстким самоконтролем, самолечением и лечением контузии головного мозга. Безусловно, помогла систематическая закалка воли и нервной системы купанием в снегу.

Этот выработанный в организме иммунитет, видимо, и сыграл решающую роль в том, что я чуть ли не от клинической смерти вернулся почти к нормальной жизнедеятельности, смог активно участвовать не только в боевых дей-

ствиях десанта, но и в становлении нужной для нас обороны Шумшу и других островов Курильской гряды. И потом продолжал работать...

10 ноября 1971 г.

ККМГИ 18884. Авторизованная машинопись

...С тех пор прошло более четверти века, но хорошо помню, как с передовыми частями вышли в военно-морскую базу Катаока на острове Шумшу, как подняли всех, чтобы достать японские морские карты. Они были нам крайне нужны, так как без них нашим кораблям с десантом было рискованно подходить и производить высадку на другие острова Курильской гряды. Но в Катаоке карты нигде не удалось обнаружить. Видимо, перед нашим приходом японское командование уничтожило их. Оставалась единственная возможность — немедленно высадиться на один из ответственных участков обороны острова Парамушир и, используя внезапность, изъять оттуда требуемое нам, что я и сделал.

Ночью прибыл на корабль (как будто это был сторожевой корабль «Киров», а не минный заградитель «Охотск». Повторяю «как будто», потому что моя память под тяжестью времени уже притупилась). Медлить было нельзя. А командир высадки десанта капитан 1-го ранга Пономарёв в это время спал. Тогда я решил на свой риск, без его ведома, взять находящийся в его распоряжении корабельный катер и с ведома командира корабля — группу матросов с автоматами.

На рассвете вышел с ними из Второго Курильского пролива в сторону океана на один из предполагаемых мною главных участков обороны Парамушира. Однако выполнить мой план оказалось значительно сложнее, чем я предполагал, а потому с матросами задержался до позднего вечера. В это время не только командир корабля, но и весь его личный состав ждал нас с большим нетерпением и волнением.

А часов в двенадцать дня капитану 1-го ранга Пономарёву потребовался катер, и тут-то начались «гром и молнии» в мой адрес и в адрес рядом стоявшего с ним командира корабля. Но примерно часа через два он всё же организовал поиск,

специально выделив для этой цели какой-то корабль, который нас так и не обнаружил. Об этом командир корабля успел шепнуть мне, как только после возвращения я по трапу поднялся на верхнюю палубу.

После появления капитана 1-го ранга Пономарёва собравшийся здесь почти весь личный состав корабля расступился, и я коротко доложил о цели и результате похода. И сразу же на его лице можно было заметить, как быстро рассеивается большая грозовая туча. После же вручения ему японских карт он крепко пожал мне руку, горячо поблагодарив за них и проявленную при этом смелость, высокую воинскую сообразительность и инициативу.

Все присутствующие вряд ли когда-нибудь забудут это событие, потому что вручение командиру высадки десанта карт открывало путь нашим кораблям и делало безопасным их подход ко всем островам Курильской гряды. Тем самым обеспечивалось успешное окончание Курильской десантной операции...

10 апреля 1973 г., г. Москва

ККМГИ 18882. Рукопись

Выборнов Михаил Андреевич

...Сообщаю некоторые данные о своём участии в боевых действиях против японских империалистов в августе 1945 г. В то время я командовал 1-м стрелковым взводом (он использовался как взвод разведки батальона) 5-й стрелковой роты 2-го стрелкового батальона 373-го стрелкового полка 101-й стрелковой дивизии Камчатского оборонительного района (в г. Петропавловске-Камчатском).

Камчатским оборонительным районом командовал генерал-майор Гнечко, 101-й стрелковой дивизией — генерал-майор Дьяков, 373-м стрелковым полком — подполковник Губайдуллин.

18 августа 1945 г. при подготовке десанта к высадке на Курильские острова была сформирована группа захвата полка, в которую входили: стрелковая рота, пулемётная рота,

миномётная рота, взвод химзащиты и два взвода разведки (полка и мой). Группа захвата на десантных судах из морского порта Петропавловска-Камчатского отправилась на самый северный остров Курильской гряды — Симусю, куда мы и высадились 18 августа с кровопролитными боями. Принимал капитуляцию японского гарнизона на острове Парамушир.

После капитуляции наше соединение (101-я стрелковая дивизия) осталось на Курильских островах: Симусю, Парамушир и Онекотан. 373-й стрелковый полк размещался на Парамушире и Онекотане. Я находился на Парамушире, на мысе Васильева, где проходил службу до 1948 г., затем в порядке замены был переведён в Северо-Кавказский военный округ. В 1961 г. уволен в запас. Имею награды: ордена Красного Знамени, Красной Звезды, медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Японией» и другие...

18 июня 1979 г., г. Краснодар

КОКМ ОФ 31391/3. Рукопись

...101-я стрелковая дивизия, которая входила в состав Камчатского оборонительного района, в своём составе имела: четыре стрелковых полка, артиллерийский полк и другие подразделения. Все части размещались в разных местах: 138-й стрелковый полк — у посёлка Халактырка в направлении к морю; 373-й стрелковый полк — в районе озера Синичкино (семь километров от Петропавловска); 302-й стрелковый полк — в Усть-Камчатске; стрелковый полк, точно номера не помню, но кажется, что 198-й, — в Усть-Больше-репке, а 345-й артиллерийский полк — недалеко от Петропавловска, в направлении Елизово.

Обстоятельства сложились таким образом, что все части дивизии были рассредоточены в нескольких местах, да и занимались в это время (при объявлении войны Японии. — *Ред.*) заготовкой сена на зиму.

2-й батальон 373-го полка в составе 5-й и 6-й стрелковых рот пребывал в отдалении от Петропавловска, где-то за Елизово, 4-я стрелковая рота, а также я со своим взводом

находились ближе к городу, 1-й и 3-й стрелковые батальоны — в других местах. Вместе с тем, все части и подразделения были готовы по первому сигналу прибыть в места, куда будет необходимо, потому что чувствовалась напряжённость обстановки.

Уместно напомнить такой эпизод. Незадолго до войны с Японией части Камчатского оборонительного района, в том числе и 101-я дивизия, проводили многодневные учения. И вот перед их окончанием пошёл сильный дождь. Личный состав, конечно, устал, и тут состоялся разговор командира дивизии с командующим Камчатским оборонительным районом. Командир дивизии говорил, что надо продолжать учения, а командующий приказал отбой, выразив при этом такую мысль: «Мне с ними придётся ещё воевать».

Во время заготовки сена, 17 августа 1945 г., к нам прибыл посыльный из штаба полка и передал такое приказание командования: всем срочным порядком прибыть в порт Петропавловска. По всему этому мы уже догадывались, для какой цели.

Я со своим взводом срочно свернул работу и пешим порядком направился в город. Когда подходили к нему, было видно, как со всех направлений части и подразделения шли в порт.

Прибыв туда, я своего 2-го стрелкового батальона не увидел. Его в порту не было. Как выяснилось потом, батальон пришёл на второй день, когда мы уже высаживались на остров Симусю.

В порту мне поставили задачу: с взводом на правах разведывательного войти в состав группы захвата вместе с 1-й стрелковой, пулемётной, миномётной ротами, взводами химзащиты и пешей разведки полка.

Указанную группу посадили на десантное судно, на нём разместились все. В порту проводилась посадка других подразделений и частей на десантные суда, одновременно грузились на транспорты боеприпасы, продовольствие, тяжёлое оружие. К вечеру все десантные суда отправились в море, а их было где-то шестнадцать.

Когда мы вышли из порта в море, нам объяснили задачу и конкретно каждому подразделению, что оно должно делать при высадке на берег противника. Взводам пешей разведки полка и моему требовалось первыми высадиться, как можно быстрее углубиться на территорию противника и вести разведку, если придётся, то принять бой.

Десантное судно имело на своём вооружении крупнокалиберные пулемёты («Эрликоны», 20 мм).

Помню, как командир взвода пешей разведки старший лейтенант Николай Соколов ещё на судне сказал: «Ну, ребята, только поддерживайте меня, я вырвусь вперёд!» Я ему тогда ответил: «Николай, смотри, не горячись. Надо тщательно разведать всё, а затем уже рваться вперёд». Опережая события, скажу, что так оно и получилось. Товарищ Соколов с взводом слишком далеко оторвался от своих подразделений. Как результат: японцы танками их всех подавили, осталось только три бойца. Сам Соколов погиб.

Во время следования морем, а это было ночью, мы, конечно, спать не могли, всё обменивались мнениями, как будем действовать. Помню такой случай. У нас имелась гармонь, и бойцы играли. Подошёл старшина судна и попросил продать ему инструмент. Я ему сказал, вот, мол, нас высадишь, возмёшь бесплатно. Но старшине не пришлось пользоваться ею — он погиб во время высадки.

Впереди наших десантных судов шли малые морские охотники с задачей разведки и охраны каравана.

В четыре часа утра охотники, находясь впереди, открыли огонь. Нам стало ясно, что завязался бой. Получили команду — приготовиться к высадке. Установка была такая: десантное судно должно подойти к берегу. Тут с ходу выбирается автоматический трап (аппарель. — *Ред.*), и мы высаживаемся. Конечно, планировать можно одно, но на практике получается совершенно по-другому.

Высадку мы производили на остров Симусю, самый северный в Курильской гряде. Как раз в этом месте была вроде бы небольшая бухточка, где и берег пологий, и место для высадки более удобное. Однако японцы тоже это

предусмотрели, укрепили его. С правого фланга у них находился морской маяк. Там был небольшой гарнизон и автоматическая пушка, притом укрытая. С левого фланга находилось транспортное судно, ещё ранее прибитое к берегу морским прибоем. Японцы там установили крупнокалиберный пулемёт (имеется в виду танкер «Мариуполь». — С. Г.). Таким образом, место высадки оказалось под перекрёстным огнём противника.

Десантное судно с ходу подошло к берегу примерно на сто метров, остановилось, наткнувшись на мель. Противник сразу открыл ураганный огонь с маяка и с левого фланга пулемётный огонь с судна. Наши бойцы, не ожидая такого сопротивления, несколько оробели, находясь в трюмах судна, боялись выходить наверх. Пришлось повести вперёд их самому, выйти первому и командовать «За мной!», тогда и они пошли. На палубе уже лежали убитые и раненые, трапы были оторваны. Пришлось бросаться через борт и плыть до берега под огнём.

Помню, как командир судна, капитан, фамилию его не знаю, на мостике командовал и руководил высадкой. В это время вражеский снаряд снёс капитанский мостик и командира с ним, командование принял помощник. Однако и ему не пришлось долго руководить, он тоже погиб. Тогда командование принял старшина, но и он был убит. В результате сильного огня противника судно, подбитое снарядами, загорелось, стало отходить от берега, но не успело, полыхнуло и взорвалось. Личный состав, находившийся на нём, в основном высадился, но несколько человек остались и погибли.

Дальше события развивались так. Попад на берег, мы перемешались, приходилось собирать людей из других подразделений. Внезапная высадка десанта несколько ошеломила противника, он в беспорядке, в ночном белье, стал отходить в глубь острова.

Захватив плацдарм и углубившись на пять-шесть километров от места высадки, продвигаясь вперёд, мы встретились с такой естественной преградой, да ещё укрепленной:

почти по всему острову проходила возвышенность (мы её называли «высота с радиостанцией»), имевшая подземные ходы сообщений и огневые точки. За ней японцы держали танки. Подойдя к высоте, мы остановились с тем, чтобы подтянуть подразделения, собраться с силами. К тому времени уже начали высаживаться главные силы дивизии. И тут японцы направили из-за высоты на нас свои танки, было их примерно восемь-десять, а у нас не имелось противотанковых средств. Правда, стали подходить другие подразделения с противотанковыми ружьями. Мы начали их применять, подбили несколько танков. Теперь у нас появилась уверенность, что можем справиться с танками.

Помню, один танк мы взяли почти исправный. Танкистов уничтожили прямо в нём, потому что они не хотели выходить. Затем наш боец, фамилию его не знаю, сел в машину, и мы хотели посадить на неё своих солдат и двигаться вперёд. Командир взвода старший лейтенант Копысов, увидев меня, сказал: «Давай твой взвод посадим, и вперёд, а мы за вами». Однако танк оказался неисправным, и мы отказались от этой мысли.

Во время сражения с танками бойцы проявили мужество, смелость и героизм, не дрогнули перед ними и, как результат, подбили несколько машин.

Подтянув свои силы, мы готовились к атаке на высоту с радиостанцией. В этом бою я встретил командира пулемётной роты 2-го батальона лейтенанта Локтева, подошли уже и другие подразделения 3-го батальона, командир Горшков. Провели подготовку, открыли огонь из всех видов оружия и атаковали высоту.

Поднимая свой взвод, я первым встал и скомандовал: «Вперёд! В атаку! За мной!» Тут передо мной в траншее оказались два японца, у которых были тяжёлые ранения в ноги, и они не могли двигаться. Оба направили на меня свои винтовки, пришлось быстро залечь, но рядом идущий в атаку мой солдат получил ранение в грудь. Затем японцы были уничтожены, атака прошла успешно, высота нами была взята к вечеру.

На левом фланге действовала группа захвата дивизии, возглавлял её заместитель командира 138-го стрелкового полка майор Шутов, а заместителем по политчасти был старший лейтенант Кот — инструктор политотдела дивизии. Во время атаки высоты с радиостанцией майор был тяжело ранен. Когда его уносили на носилках в тыл, он успел сказать: «Высоту взять!» Сразу же скажу, что за этот подвиг майор Шутов и старший лейтенант Кот были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Звание Героя был удостоен командир КОР генерал-майор Гнечко. Посмертно звание Героя присвоили начальнику физической подготовки дивизии старшему лейтенанту Савушкину, а после войны на острове Симусю назвали его именем посёлок.

Одновременно с частями и подразделениями дивизии и полков в десантной операции участвовала морская пехота. С ней я встретился во время атаки высоты. Моряки — храбрые воины. Командовал ими майор, фамилию я его не знаю, но после войны выяснил, что ему также присвоено звание Героя Советского Союза.

После взятия высоты с радиостанцией стало уже темно. Все подразделения, в том числе и я со своим взводом, закрепились на высоте. Ночью активных боевых действий не было, случались отдельные небольшие столкновения. В это время шла высадка главных сил и артиллерии с транспортных судов. Противник применял огневые налёты с острова и бомбил место высадки. Был тяжело ранен заместитель командира 373-го стрелкового полка майор Борисов, которого я знал мало, потому что он прибыл в полк недавно, один раз до войны я встречался с ним на учениях батальона, он руководил ими. Как офицер он был очень скромным, вежливым в обращении, но в то же время требовательным к подчинённым. Дальнейшая его судьба мне неизвестна, так как в полк он не возвратился.

При высадке погиб заместитель командира 2-го батальона по политчасти старший лейтенант Бодров, принципиальный политработник, чистой души человек. Очень много

помогал нам, особенно моему взводу, который в батальоне выносил основную тяжесть всех учений.

После первого дня боёв на острове на передовые позиции стали подходить главные силы наших частей и артиллерия, они размещались на боевых позициях. В это время начались переговоры с японским командованием, продолжавшиеся несколько дней. Мы тогда вели разведывательное наблюдение за противником. Затем японцы согласились на капитуляцию.

Наши части и подразделения стали перебрасывать на другие острова Курильской гряды. Я со своим взводом прибыл в порт на Симусю, находившийся в проливе между ним и Парамуширом, где наши войска грузились на транспортные суда для дальнейшего следования. Здесь встретил свои 5-ю роту и 2-й батальон. Меня с взводом погрузили на транспорт, где находился весь батальон. Мы шли на Парамушир. На подходе к мысу Васильева меня вызвали к командиру батальона майору Яковлеву и его заместителю по политической части старшему лейтенанту Косареву. Они поставили задачу: на катере, шедшем на буксире судна, направиться на берег, разведать, что там делается, есть ли противник и сколько его. Отправились на катере к берегу, там никого не было видно.

Когда стали подходить ближе, на пирс вышли три японских офицера в морской форме. Их я увидел в бинокль. Мы пришвартовались к пирсу, взвод быстро вышел на берег. Я подошёл к офицерам, объяснились с ними, конечно, на пальцах и мимикой, установили, что гарнизон состоит из семидесяти семи человек. Оружие они сложили в ангаре, что мы и проверили. Выяснил, кто из них старший, взяли двоих на катер. Кроме того, у них здесь находилось пять самоходных барж. Я приказал завести их моторы. Японцы взяли белый флаг, и мы направились к своему судну для переговоров и для высадки на берег всего личного состава батальона. После переговоров на японских баржах мы сразу и начали высаживаться, но дальше всем занималось командование батальона.

На этом острове и месте мы остались на постоянное расположение, затем сюда прибыл штаб полка и полковые подразделения. 1-й батальон находился на Онекотане, 3-й — на Парамушире, только с другой стороны.

Сообщаю фамилии некоторых офицеров: командир Камчатского оборонительного района — генерал-майор Гнечко; командир 101-й стрелковой дивизии — генерал-майор Дьяков; командир 373-го стрелкового полка — Губайдуллин; начальник штаба полка капитан Бочкарёв; заместитель командира полка по политической части майор Моргослепенко; командир 2-го батальона Яковлев; начальник штаба батальона капитан Козлов; заместитель по политчасти вначале старший лейтенант Бодров (погиб при высадке), затем старший лейтенант Косырев; командир 5-й роты старший лейтенант Грибанов. Я в то время командовал взводом, имел звание старшего лейтенанта. Награждён медалью «За отвагу»...

Коротко мои биографические сведения. Родился 26 ноября 1917 г. в Маршанском районе Тамбовской области. До 1934 г. учился в школе, после чего начал трудиться. Работал в колхозе и на ряде предприятий. В 1938 г. был призван в Красную Армию, отправлен в г. Комсомольск-на-Амуре, в строительный батальон. Сразу же попал в учебный батальон для подготовки младших командиров. Проучившись девять месяцев, получил звание отделенного командира, затем сержанта и старшего сержанта. С началом войны в 1941 г. переведён в Хабаровск на военный склад. В декабре этого же года меня в числе трёх сержантов направили в запасной полк в город Бикин Хабаровского края, где в то время формировались маршевые роты для отправки на фронт. Однако попасть туда не пришлось. Встретили в этом полку бывшего командира роты учебного батальона из Комсомольска. Он нас узнал и взял к себе в роту командирами отделений, а вскоре передал нас на курсы младших лейтенантов, которые были при этом полку. В январе 1942 г. лейтенантские курсы в полном составе были переведены во вновь сформированное Шкотовское военное пехотное учи-

лице. Первый набор состоял в основном из старослужащих сержантов и сверхсрочников. Окончил училище в 1942 г. и был направлен на Камчатку в 373-й стрелковый полк 101-й стрелковой дивизии, в составе которой и участвовал в боях против Японии.

После окончания войны наш полк остался на острове Парамушир, где я служил командиром взвода. В 1947 г. был назначен командиром стрелковой роты 138-го полка той же дивизии, но по прибытии к месту назначения командованием дивизии был направлен на должность командира отдельной моторизированной разведывательной роты дивизии в г. Северо-Курильске. Весной 1948 г. роту расформировали, и меня назначили помощником отделения кадров дивизии, которым служил до декабря 1948 г. Потом в порядке замены был переведён в Северо-Кавказский военный округ на должность помощника начальника отдела кадров корпуса, где и служил до 1961 г., затем был уволен в запас в звании майора. После демобилизации работал в Северо-Кавказском объединении сахарной промышленности старшим инженером отдела кадров...

КОКМ ОФ 31391/5. Рукопись

Гнечко Алексей Романович

Ниже воспроизводится очерк бывшего командующего Камчатским оборонительным районом генерал-лейтенанта Героя Советского Союза А. Р. Гнечко «Тридцатилетие освобождения советскими десантными войсками Курильских островов в 1945 г.», подготовленный им в 1977 г.

В августе 1945 г. Советский Союз вступил в войну против Японии. «Кампания советских Вооружённых Сил против империалистической Японии включает стратегическую наступательную операцию в Маньчжурии, Южно-Сахалинскую наступательную и Курильскую десантную операции».

В 07.40 15 августа 1945 г. командующий Камчатским оборонительным районом получил директиву Военного совета

2-го Дальневосточного фронта, в которой говорилось об ожидании капитуляции Японии. «Используя благоприятную обстановку, необходимо провести десантную операцию по освобождению и занятию островов Шумшу, Парамушир, Онекотан. Операцию возглавить лично Вам. Для проведения десантной операции использовать войска Камчатского оборонительного района, корабли, плавсредства и бригаду морской пехоты Петропавловской военно-морской базы, наличные суда торгового флота, корабли Камчатского погранотряда и 128-й смешанной авиадивизии. Ваш заместитель — командир Петропавловской военно-морской базы капитан 1-го ранга Пономарёв. Ближайшая задача — овладеть островами Шумшу и Парамушир, последующая — островом Онекотан. Вам надлежит определить пункты высадки, объекты захвата на каждом острове. Готовность войск к высадке и материальных средств к погрузке на суда и транспорты — 18.00 15 августа 1945 г. Ваше решение на операцию и принятый ордер на переход морем представить шифром 16 августа 1945 г. *Пуркаев, Леонов, Шевченко*».

Просьба командующего Камчатским оборонительным районом о продлении срока на подготовку операции к исходу 16 августа 1945 г. военным советом 2-го Дальневосточного фронта была удовлетворена.

Приказ военного совета 2-го Дальневосточного фронта и Тихоокеанского флота о проведении Курильской десантной операции войсками Камчатского оборонительного района, Петропавловской военно-морской базы, 128-й смешанной авиационной дивизии был воспринят с огромным воодушевлением. Весь личный состав горел одним желанием — разгромить ненавистного врага — японские войска, оккупировавшие исконно русские земли Курильских островов.

К исходу 16 августа 1945 г. посадка войск, погрузка боевой техники и материального обеспечения были закончены. Десантные войска были в готовности для перехода морем из Авачинской губы в район боевых действий на остров Шумшу.

В период с 04.00 17 августа по 04.00 18 августа был совершён переход десанта морем в обстановке сплошного тумана, что, естественно, обеспечивало скрытность перехода, но создавались очень трудные условия для управления кораблями и транспортами. К рассвету 18 августа 1945 г. десант подошёл к району боевых действий, не замеченный обороной японских войск на острове Шумшу.

В 04.00 18 августа началась высадка передового отряда десанта на остров Шумшу. Появление советского десанта явилось для японской стороны не только неожиданным, но и ошеломляющим. Первые часы боя передового отряда за захват плацдарма на острове Шумшу обратили в бегство передовые подразделения японцев.

Однако через некоторое время оборонявшиеся японские войска 91-й дивизии были приведены в порядок и с подошедшими резервами из глубины организовали упорное сопротивление с переходом в контратаки.

Десантные войска продолжали высаживаться на захваченный плацдарм передового отряда десанта, но уже под сильным артиллерийским и пулемётным огнём обороны противника.

Бои за овладение островом Шумшу 18 августа принимали всё более ожесточённый характер. Противник подбрасывал новые резервы с острова Парамушир, поставил перед собой задачу — сбросить десантные части в море. Героические действия наших десантных частей, захвативших основные высоты острова Шумшу на рубеже высот 171,0 и 165,0, успешно отразили многочисленные контратаки противника.

В течение трёх суток велись ожесточённые бои десанта с японской обороной за овладение острова Шумшу. В этих боях особенно отличились подразделения передового отряда под командованием [майора П. И.] Шутова и его заместителя, [командира] батальона морской бригады Петропавловской военно-морской базы майора Т. А. Почтарёва, заместителя по политчасти капитана В. А. Кот (получивших звания Героев Советского Союза). Особенно умело и инициативно

управлял боем командир второго эшелона десанта полковник Пётр Алексеевич Артюшин. Умело и инициативно действовали некоторые командиры десантных судов и высадочных средств.

Трудно перечислить многочисленные героические подвиги десантников — солдат и матросов, старшин и офицеров. Командир сводного батальона старший лейтенант А. Г. Иноземцев со своими подразделениями автоматчиков и противотанковых ружей неоднократно отражал контратаки пехоты и танков противника, героически погиб при овладении высотой 171,0. Командир передового отряда П. И. Шутов и майор Т. А. Почтарёв, будучи дважды ранеными, продолжали руководить боем.

Прошло более тридцати лет с того дня, когда 31 августа 1945 г. командующий Курильской морской десантной операцией генерал-майор А. Р. Гнечко в своём донесении военному совету 2-го Дальневосточного фронта, командующему генералу армии М. А. Пуркаеву, члену военного совета генерал-лейтенанту Д. С. Леонову и начальнику штаба генерал-лейтенанту Ф. И. Шевченко доложил: «Поставленная задача перед войсками Курильской десантной операцией выполнена: все острова Курильской гряды от острова Шумшу до острова Урупа включительно освобождены от японских оккупантов и возвращены нашей Родине — Союзу Советских Социалистических Республик.

На всех островах высажены и дислоцированы соединения и части войск Камчатского оборонительного района, Петропавловской военно-морской базы, 128-й смешанной авиадивизии и погранокруга. Отныне земли русских Курильских островов воссоединены с территорией СССР и на них теперь реют советские флаги. Из числа разгромленных вражеских войск взяты японские военнопленные свыше 43 000 человек солдат, унтер-офицеров, офицеров и генералов, эвакуированы в Магадан, на Камчатку и во Владивосток. Десятки тысяч единиц стрелкового, миномётного и артиллерийского вооружения, основная масса военной техники капитулировавших японских войск погружена

на военные транспорты и отправлены в Петропавловск-Камчатский.

Предприятия рыбной промышленности бывшей японской компании “Ничиро” переданы представителям советских рыбных организаций на Камчатке и Сахалине. Дислоцированные наши советские войска на освобождённых Курильских островах приступили в организации их обороны. Командующий десантной Курильской операцией генерал-майор А. Гнечко. 18.00, 31 августа 1945 г., флагманский корабль ТШ-АМ-149. Рейд у острова Урупа».

Так была успешно завершена столь необычная и сложная Курильская морская десантная операция войсками Камчатского оборонительного района, Петропавловской военно-морской базы, её кораблями, морской пехотой, 128-й смешанной авиадивизией, кораблями и пехотными подразделениями Камчатского погранокруга по разгрому японских войск на Курильских островах и возвращение их нашей Родине.

Решающим условием успешного разгрома оборонявшихся вражеских японских войск на северной гряде Курильских островов и ускорения их капитуляции на всех островах явился блестящий успех военных действий советских Вооружённых Сил в войне против империалистической Японии в Забайкалье, Приморье войсками Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов.

Курильская десантная операция явилась составной частью стратегической наступательной операции советских Вооружённых Сил в войне против Японии на Дальнем Востоке и Тихом океане. В то же время операция проводилась на отдельном операционном направлении в отрыве от войск 2-го Дальневосточного фронта и Тихоокеанского флота на тысячи километров.

Поэтому в интересах исторической точности и объективности следует указать те особенности и важнейшие факторы успешного проведения десантной операции, которые были специфическими и необходимыми для успеха выполнения боевой задачи. В этом коротком изложении я остановился

только на важнейших и поучительных примерах подготовки и проведения десантной операции.

Первый. Несмотря на весьма ограниченный срок, данный военным советом 2-го Дальневосточного фронта (менее двух суток) на подготовку десятитысячного состава десантных войск, 54 единицы вымпелов кораблей и боевых транспортов, десант были тщательно подготовлены для перехода океаном более ста восьмидесяти миль и к захвату островов Шумшу, Парамушир, Онекотан, а в последующем — захвата всей гряды до острова Урупа включительно на глубину до тысячи двухсот километров.

Второй. Войска десантной операции, зная коварство японской военщины, готовились к решительным боям с обороняющимися войсками, даже в условиях, возможно, ожидаемой капитуляции Квантунской армии. Действительность подтвердила: японская оборона на северных островах в течение более трёх суток вела ожесточённые бои.

Третий. Боевые действия десантных войск заранее планировались в расчёте на собственные силы и средства, так как район десантных действий от плацдарма боевых действий 2-го Дальневосточного фронта отделялся тысячами километров. Это требовало от десантных войск огромных моральных и физических напряжений, инициативы, мужества, героизма. Для всех был священен лозунг: «Впереди победа, позади океан и морские глубины, соседей нет!»

Четвёртый. Все десантники — от солдата и матроса до генерала — хорошо понимали и чётко осуществляли все намеченные мероприятия по обеспечению скрытности и внезапности перехода морем, захвата плацдарма на Шумшу. Для каждого десантника был обязательным лозунг: «Внезапность — наш верный союзник победы».

Пятый. Все командиры, политработники, коммунисты и комсомольцы всей системой партийно-политической работы обеспечили высокое политико-моральное состояние десантных войск, их высокий патриотизм и ненависть к врагу. Поэтому главным условием успешного разгрома врага явились: высокие политико-моральные качества советских

десантников, их духовное превосходство над противником, высокая боевая выучка, строжайшая дисциплина, боевое содружество наземных, морских и авиационных войск. Вся работа политорганов и коммунистов строилась по ленинскому завету: побеждает в бою более сильная своим духом армия. Коммунисты и комсомольцы в ходе подготовки операции и ведения боёв были в авангарде десантников, проявляя мужество, храбрость и героизм. Тысячи солдат, сержантов, матросов, старшин, офицеров были награждены орденами и медалями Советского Союза. Одиннадцать человек удостоены высшей правительственной награды — присвоения звания Героя Советского Союза.

Курильская десантная операция характерна, прежде всего, как совместная операция, в которой по единому плану и замыслу участвовали сухопутные, военно-морские, пограничные и авиационные войска. Как выше было сказано, ограниченный срок на подготовку и проведение операции требовал исключительной мобильности и чёткости в работе командования, штабов, политорганов и тылов всех степеней. Выход был найден в поучительном примере — за счёт всех штабов был создан единый объединённый штаб командующего, который готовил десантную операцию, а затем оставался и на весь период её проведения до полного завершения.

Были поучительные недостатки в ходе подготовки и проведения самой операции. К ним, прежде всего, следует отнести малую обеспеченность баржами для выгрузки тяжёлых систем артиллерии и лошадей, большую удалённость оперативных аэродромов, недостаточную рассредоточенность радиостанций. В итоге при повреждении боевого транспорта, на котором находился батальон связи 101-й стрелковой дивизии, большинство радиостанций были подмочены и вышли из строя, что затрудняло командиру десанта своевременно организовать управление войсками на плацдарме острова Шумшу.

Серьёзным недочётом явилась медлительность и излишняя осторожность ряда командиров десантных судов при

подходе к берегу и высадке десантных подразделений, что приводило к неоправданным жертвам.

Преодолевая все трудности подготовки и ведения боёв в десантной операции, поставленная задача по освобождению Курильских островов была успешно выполнена. И сегодня, через тридцать с лишним лет со дня победы над империалистической Японией, с большой признательностью вспоминаю своих замечательных ближайших помощников-однополчан по Курильской десантной операции, а также доблестных воинов-десантников, которые своим героизмом, храбростью прославили нашу родину — Союз Советских Социалистических Республик — в войне с империалистической Японией.

Позволю себе назвать хотя бы тех однополчан, кто непосредственно помогал готовить и проводить десантную операцию:

1. Начальник штаба [под]полковник Воронов Рустав [Рустик] Борисович.

2. Начальник политотдела полковник Володко Виталий Вячеславович.

3. Заместитель по тылу полковник Удов... (не читается. — *Ред.*) Евгений Петрович.

4. Командир высадки — командир Петропавловской военно-морской базы капитан 1-го ранга Пономарёв Дмитрий Георгиевич.

5. Начальник политотдела Петропавловской военно-морской базы полковник Смирнов [Пётр Иванович].

6. Командующий артиллерией полковник Колпачев [Фёдор Петрович], ныне генерал-майор.

7. Начальник оперативного отдела майор Родужанов Леонид Георгиевич, ныне полковник.

8. Начальник штаба высадки капитан 3-го ранга Саватчев, ныне капитан 1-го ранга.

9. Командир отряда высадочных средств капитан 2-го ранга Богородский [Г. В.].

10. Командир передового отряда подполковник Шутов Пётр Иванович, Герой Советского Союза.

11. Начальник штаба передового отряда капитан Дайн [Т. Б.].

12. Командир сводного отряда автоматчиков капитан Иноземцев [Александр Григорьевич].

13. Заместитель по политчасти командира передового отряда старший лейтенант Кот [Василий Андреевич], Герой Советского Союза.

14. Командир 101-й СД генерал-майор Дьяков П. И.

15. Командир 128-й смешанной авиадивизии полковник Ерёмин [Михаил Алексеевич].

16. Заместитель командира 101-й стрелковой дивизии по политчасти полковник Алентьев [Михаил Андреевич].

17. Командир второго эшелона высадки десанта полковник Артюшин Пётр Алексеевич
и многие, многие другие однополчане наземных, морских и авиационных войск...

Ноябрь 1977 г.,

Москва

БН. Авторизованная машинопись

Голованов Пётр Николаевич
(Письмо супруги Полины Максимовны)

Извините, я неграмотная, но прошу письмо прочесть... Я пишу за своего мужа, с которым прожила тридцать лет. Сейчас у меня он очень болен, ходит потихоньку, но жизнь его протекает неинтересно: вот уже и годы, восемьдесят четыре, и болезнь. Врачи говорят, неизлечима...

Что касается войны, он не хочет даже и говорить. Станем вспоминать или кино смотреть, поднимется и ложится в постель. Я стану говорить: «Смотри, чего ушёл?» Он отвечает: «Я уже насмотрелся, сердце сжимается, вот и всё!» Ранен он в голову, на левой руке нет всех пальцев, на правой есть, но они все согнутые, не разжимаются. Что касается фронтовых фотографий, он сказал, что было несколько, когда уехали на Камчатку, они остались жене, да и не до фотографий тогда было.

Родился он в Ленинграде, а на фронт взят в городе Луховицы Московской области. После войны вернулся в Луховицы, работал трактористом, сажал картофель и [был] комбайнёром...

Когда он работал в Ильпире на большой самоходной барже, то тонул. С трудом спасли, и вот у него с собой были все документы, всё пропало, раскисло... Одежды с фронта никакой нет, столько лет прошло, нельзя сохранить.

Дмитрий Михайлович (Дорофеев, научный сотрудник отдела истории музея. — *Ред.*), вот я вышлю вам в музей на память от ветерана войны и труда немного благодарностей, из газет статьи, почитайте. Мы с ним вдвоём сидим, это ему было восемьдесят лет.

Я решила, если с мужем что случится, я его медали перешлю к вам в музей. Они там будут всю жизнь и будут напоминать о ветеране. Возвращать нам ничего не надо, не беспокойтесь.

Пусть всё у вас, если считаете нужным. Я оставила и для внуков. Чего они у нас лежат? Будут там, хоть люди посмотрят.

Да, другая фотка: Петя выступает, он был у меня раньше депутатом. А это ветераны сидят: кто уехал на материк, кого уже в живых нет. Я её тоже в музей высылаю, потому что этих людей ильпыряне знают. Если кому доведётся побывать в вашем музее, они их сразу узнают.

Но вот у меня и всё, с тем и до свидания. Жена Петра Николаевича Голованова. Спасибо, что вы не забываете своих ветеранов, да их уже осталось не очень много.

Петя... привык к Камчатке и к своему морю. Он любит Камчатку и любил свою работу. Потом мы встретились, и так он остался на Камчатке. Я тоже полюбила Камчатку. Есть у меня одна родина в сердце, я сама со Ставрополя, а Камчатка тоже в сердце. Я не собираюсь менять Камчатку на свою родину, где я родилась.

Я живу на Камчатке вот уже тридцать лет, Петя — сорок лет, даже больше...

КОКМ ОФ 31398/11. Рукопись

PARIS BEFREIT!

Voller Zusammenbruch der deutschen Front in Frankreich

Am 23. August befreite das aufständische Pariser Volk nach viertägigen Straßenkämpfen Frankreichs Hauptstadt von den deutschen Eindringlingen.

Ganz Frankreich ist von der Flamme des Volksbefreiungskrieges erfaßt. Mehr als ein Drittel des französischen Raumes, darunter solche Großstädte wie Toulouse und Limoges, sind durch die Truppen der französischen inneren Front befreit worden.

Gleichzeitig brechen die anglo-amerikanischen und französischen Truppen den letzten organisierten Widerstand der zerschlagenen deutschen Wehrmachtteile. Die im Raum Argentan-Falaise eingekesselten 14 deutschen Divisionen wurden vollständig liquidiert. Von den 100 000 Deutschen ergab sich die eine Hälfte, die zweite ging zugrunde. Insgesamt verloren die Deutschen in Nordwestfrankreich mehr als die Hälfte ihrer dort eingesetzten 750 000 Mann. 150 000 davon gaben sich gefangen.

Die Amerikaner haben die Seine nördlich und südlich Paris überschritten und die Hauptstadt von beiden Flanken umgangen.

In Südfrankreich haben die Amerikaner das 240 km von

Листовка-пропуск немецким солдатам и офицерам для сдачи
в плен частям Красной Армии [НВФ 2089]

der Küste entfernte Grenoble genommen; die Franzosen haben Toulon erstürmt und kämpfen um Marseilles.

Die Anzahl der in Südfrankreich gefangenen Deutschen übersteigt bereits 14 000.

Deutsche Soldaten!

Die Hitlerfront bricht unter den Hieben von Osten und Westen her zusammen. Hitler erleidet eine Katastrophe nach der anderen. Seine Tage sind gezählt. Er zerzt auch Euch mit in den Abgrund. Wollt Ihr leben, wollt Ihr Deutschland vor der Zerstörung retten — **dann unverzüglich los von Hitler:**

|| Gebt Euch gefangen oder verlaßt die Armee und taucht im Hinterlande unter. Jeder Tag der Verzögerung und des Schwankens kostet Tausenden von Euch das Leben.

Dieses Flugblatt gilt als Passierschein für deutsche Soldaten und Offiziere, die sich der Roten Armee gefangengeben

---

Эта листовка служит пропуском для немецких солдат и офицеров при сдаче в плен Красной Армии

LESEN UND WEITERGEBEN!

Nur wer sich gefangengibt, rettet sich

An die deutschen Truppen der Heeresgruppe Mitte und Nord!

Deutsche Offiziere und Soldaten! Jeder von Euch sollte aus dem Kriegsgeschehen im Süden Rußlands eine Lehre ziehen.

Die ganze deutsche Heeresgruppe Süd ist zertrümmert.

Nach Einbuße von Zehntausenden an Toten und Gefangenen sowie auch fast ihres ganzen Kriegsgeräts gehen die restlichen Teile der deutschen Divisionen nach Rumänien zurück. Doch die Rote Armee verfolgt sie auch in Rumänien und vernichtet alle, die nicht die Waffen strecken. Nur wer den Widerstand einstellt und sich den Russen gefangengibt, rettet sich.

So war es bei Stalingrad, wo 91 000 Soldaten und Offiziere sich in die russische Gefangenschaft retteten, während 240 000 Widerstand leisteten und vernichtet wurden.

So war es während des neuen Stalingrad bei Korsun, westlich Tscherkassy, im Februar d. J., wo 18 200 Soldaten und Offiziere sich in die russische Gefangenschaft retteten, während 55 000 Widerstand leisteten und vernichtet wurden.

So war es bei der Zertrümmerung der neuen 6. Armee der Deutschen am unteren Lauf des Dnjepr und des Bug im März d. J., wo 13 859 Soldaten und Offiziere sich in die russische Gefangenschaft retteten, während 36 000 Widerstand leisteten und vernichtet wurden.

Листовка-пропуск немецким солдатам и офицерам для сдачи
в плен частям Красной Армии [НВФ 2090]

So war es auch im Raum Winniza—Tarnopol—Czernowitz, wo in der Zeit vom 4. bis zum 31. März d. J. in den Kämpfen 24 950 Soldaten und Offiziere sich in die russische Gefangenschaft retteten, während 183 310 Widerstand leisteten und vernichtet wurden.

Deutsche Offiziere und Soldaten!

Das Schicksal der Heeresgruppe Süd mag Euch als Warnung dienen. Glaubt ja nicht, daß es Euch gelingen wird, um die Schläge rumzukommen! O nein! Noch niemals war die Lage der deutschen Wehrmacht an der ganzen Ostfront so hoffnungslos wie jetzt. Euer Widerstand ist sinnlos. Die völlige Zerschmetterung der Hitlerarmee und der Untergang aller, die auch weiterhin Widerstand leisten, ist besiegelt. Nur wer sich **FREIWillig** gefangengibt, ist gerettet.

Das OKW schreckt Euch nach wie vor mit den „Greueln“ der russischen Gefangenschaft, um Euch zu zwingen, bis zuletzt für die verlorene Sache Hitlers zu kämpfen und zugrunde zu gehen. Glaubt nicht den Lügen des OKW!

Marschall Stalin erklärte in seinem Befehl Nr. 55 vom 23. Februar 1942:

„Die Rote Armee nimmt deutsche Soldaten und Offiziere, wenn sie sich ergeben, gefangen und schont ihr Leben. Die Rote Armee vernichtet deutsche Soldaten und Offiziere, wenn sie sich weigern, die Waffen zu strecken.“

Die Rote Armee erfüllt den Befehl ihres Führers aufs genaueste. Wer Widerstand leistet, den vernichtet sie. Sie schont aber das Leben derjenigen, die die Waffen strecken.

Den deutschen Offizieren und Soldaten, die sich **freiwillig** gefangengeben, gewährt das Oberkommando der Roten Armee gemäß Befehl Nr. 1470 vom 11. Juni 1943 besondere

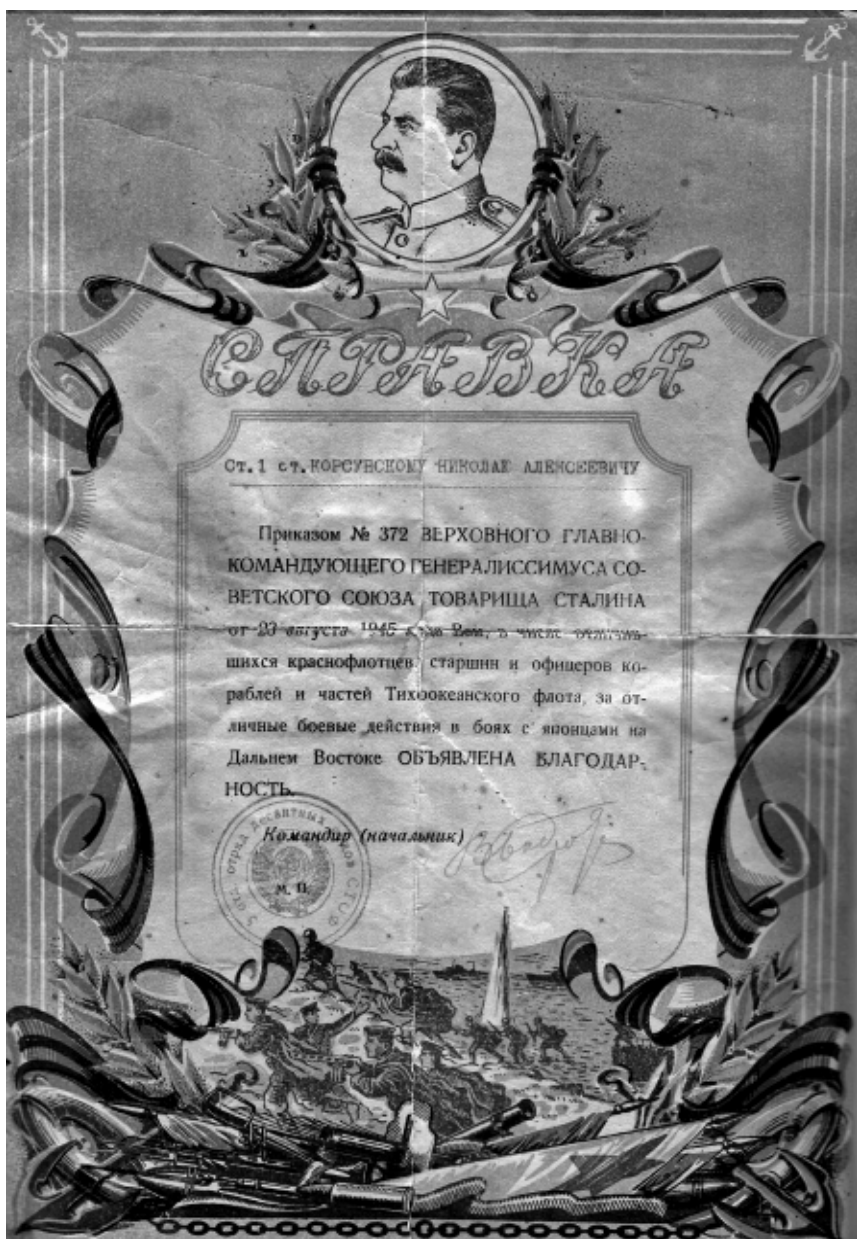
Vergünstigungen und Vorrechte.

Dieses Flugblatt gilt als Pässerschein für deutsche Soldaten und Offiziere, die sich der Roten Armee gefangengeben

Эта листовка служит пропуском для немецких солдат и офицеров при сдаче в плен Красной Армии

4944

Листовка-пропуск немецким солдатам и офицерам для сдачи в плен частям Красной Армии (оборот) [НВФ 2090]

Справка об объявлении благодарности Верховного Главнокомандующего старшине 1-й статьи Н. А. Корсунскому, 1945 г. [ЖКМГИ 5954]

*Лейтенанту
тов. Стрельцову
Владимиру Васильевичу*

Приказом Верховного Главнокомандующего
Генералиссимуса Советского Союза товарища
СТАЛИНА от 23 августа 1945 года № 372 за овла-
дение островами Сюмусю и Парамушир из группы
Курильских островов всему личному составу нашего
соединения, в том числе и **Вам**, принимавшему
участие в боях, объявлена благодарность.

Капитан 1 ранга

М. П.

Пономарев (ПОНОМАРЕВ).

29 " сентября 1945 года.

Справка об объявлении благодарности Верховного Главнокомандующего
лейтенанту В. В. Стрельцову, 1945 г. [ККМГИ 18886]

Справка об объявлении благодарности Верховного Главнокомандующего
К. А. Заярному, 1945 г. [ККМГИ 5964]

Поздравление П. И. Елизарьевой с окончанием войны от командования
13-й армии, 1945 г. [ККМГИ 7673]

За нашу Советскую Родину

★ УДОСТОВЕРЕНИЕ ★

За участие в героической обороне
СТАЛИНГРАДА

Писнон шен
Елизарьева Татьяна Ивановна

Указом ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
от 22 декабря 1942 г. награжден
медалью

«ЗА ОБОРОНУ СТАЛИНГРАДА»

★
От имени ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
медаль «За оборону Сталинграда»
вручена „10“ Ма^я 1947 г.

Удостоверение № 34390

Красноярского Приказа
Подполковник зап. с. Сурков

(должность, воинское звание и подпись лица, вручившего медаль)

Удостоверение о награждении П. И. Елизарьевой медалью «За оборону Сталинграда», 1947 г. [КОКМ ОФ 31414]

Справка командования 1008-го отдельного Борисовского ордена Красной Звезды батальона связи об объявлении благодарностей Верховного Главнокомандующего Б. М. Притову, 1945 г. [ККМГИ 7686]

Справка командования 39-й армии об объявлении благодарностей
Верховного Главнокомандующего воину 1008-го отдельного
Борисовского ордена Красной Звезды батальона связи
Б. М. Пригову, 1945 г. [ЖКМГИ 7684]

Из газетной статьи «Жил, как позволяла совесть»

Неполных тридцать пять было Петру Николаевичу Голованову, когда он приехал в Ильпырский, а точнее в Анапку, чтобы начать свою камчатскую биографию. И вот уже в первых числах января ему исполняется восемьдесят.

Сейчас ветеран войны и труда живёт в Оссоре, но до знакомства с Камчаткой, куда он приехал в пятидесятых годах, в его жизни была ещё и война. Не стал Пётр Николаевич теревить воспоминаниями прошлое. Но сказал, что закончил её на правом берегу Днепра, где его тяжело ранило. А до этого была выиграна главная битва — оборона Москвы, где, по словам ветерана, ему не раз приходилось смотреть в глаза смерти...

В Ильпырском основная работа Петра Николаевича была связана с морем. Долгое время капитанил на грузовой барже, которую таскал буксирный катер «Храбрый». Эта баржа принимала на борт четыреста тонн груза и в те времена была незаменима. Грузы доставляли в основном из Петропавловска.

— Я стала супругой Петра Николаевича в начале шестидесятых годов, — дополняет Полина Максимовна, — могу искренне заверить, что муж всю жизнь трудился честно и добросовестно. Он ведь только последние два года не работает.

Кстати, сама хозяйка также большую часть жизни жила и трудилась в Ильпырском. Там они познакомились, там и поженились. О своём муже она рассказывает с душевной теплотой.

— Один раз сердце буквально оборвалось, — продолжает вспоминать Полина Максимовна, — как-то из очередного рейса Пётр Николаевич вернулся совершенно седой со словами «Живой я». Тогда буксирный трос лопнул, зацепил его и выбросил далеко в море...

Можно сказать, из лап самой смерти вытащили. Подобных моментов в жизни ветерана было много. О них он не любит вспоминать. Главной целью была работа. Только в ней он

находил смысл. Об этом говорят его многочисленные грамоты, благодарности, рассказы жены. Хотя память хранит многое из прожитых долгих лет, Пётр Николаевич немногословен. Но не в силах промолчать, когда речь заходит о войне. «Больше войны не будет», — твёрдо убеждён ветеран. Так говорит его внутренний голос. «И дай бы бог», — поддерживает его супруга.

Вот так и живут супруги Головановы. Довольны своей пенсией, хотя и не собираются отказываться, если добавят ещё. Ведь заработали своим трудом. И оба удобней присаживаются, чтобы сфотографироваться на память. А у старого моряка позванивают медали на лацкане пиджака. У человека, родившегося за шесть лет до революции в Петрограде, ныне Санкт-Петербурге.

В. Витальев

КОКМ ОФ 31389/12. Фрагмент газетной публикации

Горбунова Г. Г.

Из воспоминаний о первых днях войны. В 1941 г. мы жили в г. Брест-Литовске, в химическом городке под г. Брестом, у Южного форта крепости. Отец — Пётр Филиппович Безруков — был капитаном в 204-м гаубичном артполку 6-й стрелковой Краснознамённой дивизии, начальником связи полка.

Наш многоэтажный дом был самым крайним в левом порядке домов. Из окон был виден лесок, через который папа каждое утро уходил в полк. В доме жили офицерские семьи. Рядом было озеро, сосновый лес, где мы играли в самые разные игры.

Граница чувствовалась тревожными разговорами взрослых, да и мы — дети, заигравшись в лесу, часто неожиданно видели перед собой пограничников, которые напоминали нам, что мы далеко зашли, или нам пора на обед. Появлялись они из кустов, и мы часто пугались их такому появлению.

Перед самым началом войны разговоры взрослых носили тревожный характер. Мама просила отвезти нас — меня

и сестрёнку — к бабушке в Рязанскую область, так как всё чаще стали [отмечаться] случаи отравления собак, сигналы с соседних крыш и из чердачных окон, предупреждения польских жителей, переходивших границу. Но папа говорил, что жена командира — пример для других, и не надо паники...

Лето 1941 г. было жарким, ночи душными, и мы спали с открытыми окнами, затянутыми марлей (потом это спасло стёкла от выпадения). Вечером в субботу [21 июня 1941 г.] папа обещал, что мы поедем на машине в лес на отдых и на рыбалку, и мама напекла целую корзинку вкусных пирожков. Всё было с вечера уложено около нас на стульчиках в спальне.

Проснулась я от непонятного грохота. Папа уже одевался, хватался за телефон, но тот молчал, и через несколько минут он уже кричал с лестницы, чтобы мы одевались и не боялись: «Это учения!» Окна дребезжали, на лестнице и в других квартирах стёкла уже вылетели. Дом наполнился шумом, криками, плачем детей.

Мама уже сбегала вниз, вернувшись, схватила сестрёнку на руки, мне приказала бежать следом в подвал, где уже собрались семьи с первого и второго этажей. Удары и грохот приближались к дому, стены дрожали, а в подвал стала поступать вода. Мы оказались прижаты к подвальному окну. Кто-то сказал, что перебили водопровод, а снаряды уже бьют между домами...

Мама успокаивала нас, сбегала за тёплыми вещами и документами. Вода доходила уже до щиколоток, я начала дрожать и тут увидела ноги в сапогах у окна. Боец кричал в окно, чтобы все выходили, так как через пятнадцать минут, как только смолкнет обстрел (немцы били с перерывами в пятнадцать минут), все быстро должны разместиться в машинах-грузовиках.

Началась давка. Нас толпа вытолкнула на улицу. Её было не узнать: воронки, кучи щебня, ухабы, бугры...

Бойцы сбрасывали с машин чемоданы и узлы тех, кто уже залез в кузов, чтобы расчистить место другим. Мы попали

в последнюю машину и помчались в город, и за нами начались грохот, взрывы.

Улицы Бреста — дома с настежь открытыми воротами. По улицам летал пух от выброшенных подушек, у домов валялись брошенные чемоданы, ящики, в окнах виднелись бледные лица людей.

И вот мы уже за городом, в лесу, где должны ждать другие машины. Под деревьями — женщины и дети, многие полуодетые. Возвращаются машины, они уже не могут проехать в наш городок. Кругом паника, погрузка...

Гул самолётов над лесом, не слышны даже крики бойцов, помогающих погрузке.

Мама знала многих шофёров, так как руководила кружками художественной самодеятельности в части. Вот она просит одного из них взять нас наверх, в машину, полную снарядов. Шофер говорит, что это — смерть, а мама уже закидывает туда сестру. И вдруг с криком: «Что ты, Тоня, делаешь!», — перед нами возник папа со связной машиной. Нас усаживают в кузов с закрытой будкой, где стол с рацией и пулемётом, боец и две лавки по краям, на которых сидит жена начальника штаба тётя Вера. И мы мчимся по дороге, объезжаем воронки, в которых смешались песок и кровь людей, а на деревьях — платья, руки и тела тех, кто уехал раньше нас!

2000 г.

КОКМ ОФ 34467/30. Рукопись

Грибков Павел Фёдорович

Я родился в дер. Жиливки Алексинского района Тульской области 20 июня 1922 г., но детство и годы учёбы в основном прошли в Москве. Трудовую деятельность начал рано в Москве в 1938 г. учеником, а затем токарем на Первом государственном подшипниковом заводе и продолжил учёбу в вечерней школе рабочей молодёжи. Затем перешёл на работу на завод Центрального научно-исследовательского института экспериментального машиностроения.

В 1941 г. был призван в Красную Армию и зачислен в Краснознамённый учебный отряд подводного плавания им. С. М. Кирова. В октябре 1941 г., когда на фронте под Москвой сложилась тяжёлая обстановка, из учебного отряда были сформированы две отдельных морских бригады. Меня направили в 75-ю отдельную морскую бригаду, которой командовал капитан 1-го ранга Сухиашвили. Бригада входила в состав 3-го корпуса генерал-майора Героя Советского Союза А. И. Лизюкова.

Первое боевое крещение бригада получила под Москвой в конце 1941 г. на Можайском направлении. Затем наша часть перебрасывается на Северо-Западный фронт. Ночью выгружаемся на станции Бологое и форсированным маршем следуем к фронту. Ночью вступаем в бой с противником и в тяжелейших условиях с наступательными боями проходим около трёхсот километров, освобождая большое количество населённых пунктов. В г. Холм окружили крупную группировку врага и в Проненском лесу против дер. Таракановка заняли «жёсткую» оборону, оседлав большак Локня — Холм. Начались длительные оборонительные бои. Отбивали атаку за атакой рвущихся к городу врагов. С февраля по 12 апреля 1942 г. в непрерывных боях от нашего батальона осталось всего тридцать шесть человек. В марте нашей 75-й отдельной морской бригаде присвоили звание гвардейской и переименовали в 3-ю Гвардейскую стрелковую бригаду.

За эти бои я был представлен к награде — медали «За отвагу», которую получил уже после войны. А здесь, 12 апреля 1942 г., был ранен в левое бедро. При эвакуации в г. Осташков заболел сыпным тифом. До сентября 1942 г. находился на излечении в различных госпиталях. Последний был в г. Горьком (современный Нижний Новгород. — *Ред.*), отсюда попал в 36-й отдельный танковый полк, где был назначен командиром 1-го отделения взвода разведки. Полк в октябре и ноябре прибыл на Северо-Западный фронт и вступил в бой под пос. Демянском, затем наступал в направлении г. Великие Луки, освободил город ряд

населённых пунктов, далее двигался на Новосокольники и прочие пункты.

В 1943 г. наш полк был переброшен на Орловско-Курскую дугу, держал жёсткую оборону на крохотном плацдарме реки Оки против дер. Карагашинка, отбивая многочисленные атаки врага.

С началом общего наступления войск этого участка фронта наш 36-й отдельный танковый полк наступал без прикрытия пехоты в направлении конезавод № 15 — дер. Большое и Малое Пальчиково — г. Болхов. Освободили большое количество деревень и Болхов. Дальнейшее продвижение полка шло по северу Орловской и Брянской областей. Форсировав многочисленные реки, осенью вышли к реке Друть, к границам Белоруссии. С наступлением следующего года освободили г. Рогачёв, Бобруйск, Минск. За эти бои нашему танковому полку присвоено наименование «Рогачёвский», а затем и звание гвардейского. Он стал именоваться «77-й гвардейский тяжёлый танковый Рогачёвский полк», был награждён многими орденами. С большими боями полк прошёл Польшу до г. Сокулки. Отсюда полк передислоцировали в Литовскую ССР. Освобождали западную часть этой республики, и у 136-го пограничного столба — против бывшей немецкой дер. Акмолинен пересекли границу Восточной Пруссии. Полк с боями взял города Пруссии — Гумбиннен, Тильзит и другие. Штурмом вместе с другими частями взяли г. Кёнигсберг. Здесь мы и встретили День Победы.

За боевые действия в Великой Отечественной войне награждён: орденом Славы 3-й степени, пятью медалями «За отвагу», одиннадцатью памятными и юбилейными медалями.

В 1947 г. после демобилизации работал на московской фабрике «Красный Октябрь» и занимался в вечерней школе рабочей молодёжи. В 1948 г. поступил в Московский пушно-меховой институт на дневное отделение. По окончании его в 1953 г. прибыл на Камчатку, стал научным сотрудником и исполняющим обязанности заведующего Камчатским отделением Всесоюзного научно-исследовательского институ-

та охотничьего промысла. В 1956 г. Камчатский облисполком пригласил меня на должность главного государственного охотинспектора. Пребывая в ней, поставил вопрос перед руководством области о возобновлении работы Кроноцкого государственного заповедника. Готовил обоснование, проект решения облисполкома и описание новых границ заповедника. Собранный материал облисполком направил в Совет Министров РСФСР. В результате было принято постановление о возобновлении заповедника, ликвидированного в 1952 г.

Для усиления борьбы с браконьерством и ликвидации стихийного любительского охотничьего промысла поднимал вопрос и непосредственно участвовал в организации на Камчатке областного добровольного общества охотников, а затем и общества охраны природы. Все организационные вопросы и практическая деятельность по созданию этих обществ легла на Госохотинспекцию.

В 1961 г. в связи с падением заготовок промысловой пушнины, кожевенного и мехового сырья созрела необходимость организации на Камчатке госпромхозов. В это время Госохотинспекция, состоявшая из двух человек, готовила технико-экономические обоснования по районам создания госпромхозов и принимала непосредственное участие в подборе необходимых кадров, а также оказывала практическую помощь районам по этим вопросам.

В связи с организацией госпромхозов Госохотинспекция преобразуется в Управление охотничье-промыслового хозяйства при Камчатском облисполкоме. Облисполком утвердил меня в должности начальника этого управления. За это время опубликовал около полутора десятков научных статей в книгах и журналах СССР.

С 1965 г. — замначальника управления, а с 1970 г. — государственный инспектор по закупкам и качеству сельхозпродуктов по Камчатской области.

В 1972 г. на собрании ветеранов войны города избран на общественную работу — председателем городского совета ветеранов партии, войны и труда, которую исполняю до

сего времени. Примерно с этих же лет являюсь членом партийной комиссии Ленинского райкома КПСС. В 1983 г. на 30-й городской партийной конференции избран членом Петропавловск-Камчатского горкома КПСС.

БН. Машинопись

От редактора. П. Ф. Грибков заведовал музеем боевой и трудовой славы при Петропавловском Совете ветеранов. В 2005 г. избран почётным гражданином г. Петропавловска-Камчатского. Скончался 10 июня 2015 г.

Григорьев Михаил Михайлович

Я... родился в октябре 1921 г. в селе Толбачик Мильковского района Камчатской области. Наш отец построил дом в селении Средне-Камчатск, и мы все переехали туда в 1925 г. Жили, работали, учились, как будто устроились неплохо. 15 сентября 1937 г. нашего отца Михаила и его брата Захара Иннокентьевича забрали органы сталинской репрессии, и с концом, слуха больше не было.

Погоревали мы и стали жить с мамой, работать и воспитывать младших. У нашей мамы было одиннадцать детей, три старшие сестры от другого отца, наш отец их удочерил. Я у М. И. Григорьева был самым старшим, у нас — четыре брата и четыре сестры, младшие. В июне 1938 г. мы посоветовались и решили переехать в Усть-Камчатск на Первый завод, где можно устроиться на работу. Учились и работали, время шло. Брат Александр, 1923 года рождения, окончил десять классов и в 1940 г. поехал учиться в Петропавловск, завершил учёбу в 1943 г., был призван в армию и отправлен на Курскую дугу в качестве фельдшера. Маме пришла бумага, что он пропал без вести.

Запрашивали о нём безрезультатно. Я в 1940 г. был призван в армию, попал в г. Биробиджан, проходил службу на артиллерийском полигоне 15-й армии. 22 июня 1941 г. началась война с немецким фашизмом, все рвались на фронт, но нас не отпускали ни в какую, держали на границе с Японией. В 1944 г. меня перевели в 218-й артполк 351-й стрел-

ковой дивизии. В августе 1945 г. мы перешли границу Маньчжурии, началась война с Японией. Демобилизовался в 1946 г. БН. Рукопись

Давыдов Павел Иванович

Я родился 22 июня 1916 г. в семье крестьянина-середняка в дер. Маковицы Пушкинского района Псковской области. В 1930 г. мои родители переехали жить в г. Ленинград, где отец работал на заводе «Пролетарий» упаковщиком. В 1935 г. отец умер. Мать — домохозяйка, после его смерти жила у моего старшего брата, а затем у сестры. В 1942 г., в период блокады Ленинграда, мать умерла.

В 1931 г. я поступил на завод «Пирометр» учеником в бухгалтерию, где потом был счетоводом, бухгалтером. В 1935 г. уволился в связи с переходом на Металлический завод, где работал бухгалтером-финансистом до апреля 1937 г. Затем до июня 1938 г. был заместителем главного бухгалтера на заводе «Производство знаков». В это время, то есть с 1931 по 1938 г., я окончил вечернюю среднюю школу и двухгодичные курсы бухгалтеров-финансистов.

В 1938 г. выехал на Дальний Восток. С июня 1938 г. по сентябрь 1939 г. трудился старшим бухгалтером Колпаковского рыбокомбината АКО, с сентября 1939 г. в этом же комбинате был помощником начальника политотдела по комсомолу и секретарём комсомольской организации. После упразднения политотделов меня направили на работу в Камчатский обком ВЛКСМ, где стал заведующим военно-физкультурным отделом, являлся членом бюро.

9 июня 1941 г. был призван в ряды Красной Армии, служил красноармейцем — секретарём военного трибунала 101-й стрелковой дивизии, а в июле 1942 г. по направлению политотдела дивизии был назначен политруком роты автоматчиков 198-го стрелкового полка этой же дивизии. После упразднения института политруков рот и батарей с октября 1942 по июнь 1943 г. служил заместителем командира роты по политчасти. С июня 1943 по июль 1944 г. был парторгом 1-го стрелкового батальона 198-го полка.

В июле 1944 г. политуправлением Дальневосточного фронта был назначен парторгом вышеуказанного стрелкового полка, где служил до сентября 1945 г. В августе 1945 г. наш полк участвовал в десантной операции по овладению и освобождению от японских империалистов островов Парамушир и Шумшу из группы Курильских. В этой операции участвовал и я. С сентября 1945 по ноябрь 1946 г. я был парторгом 198-го стрелкового Курильского полка 255-й стрелковой дивизии. В ноябре 1946 г. меня избрали ответственным секретарём партбюро этой же части, и я был им до мая 1949 г. С 1944 г. одновременно исполнял должность заместителя секретаря парткомиссии 101-й, а затем 255-й стрелковой дивизии по Усть-Большерецкому гарнизону.

В связи с избранием меня секретарём Усть-Большерецкого райкома ВКП(б) в апреле 1949 г. я был демобилизован. В райкоме трудился вторым, а с ноября 1951 г. — первым секретарём. С сентября 1953 по август 1956 г. учился в Хабаровской краевой партийной школе, по окончании которой работал инструктором Камчатского обкома КПСС, а в октябре 1956 г. избран первым секретарём Карагинского райкома КПСС Корякского национального округа. Затем был отозван в обком в Петропавловск, где с 4 января 1961 г. трудился заведующим отделом парторганов, был им до марта 1969 г., а потом стал председателем партийной комиссии обкома КПСС.

В сентябре 1979 г. ушёл на пенсию, но продолжил работать в должности заведующего Камчатским консультационным пунктом Хабаровской высшей партийной школы, где проработал до сентября 1983 г...

20 апреля 2000 г.

КОКМ ОФ 34421/1. Рукопись

Дорошко Борис Яковлевич

Я... родился 8 октября 1927 г. в станице Надёжной Спокойненского района Краснодарского края. Мой отец — Яков Иванович Дорошко, 1895 года рождения, потомствен-

ный кубанский казак, участник Первой мировой войны, воевал на Кавказском (русско-турецком. — *Ред.*) фронте, был тяжело ранен, длительное время лечился в г. Баку. Я пацаном подолгу разглядывал его раны: пуля вошла под соском левой груди, а вышла в спине, в желобке, где расположен позвоночник. Не знаю, как он выжил после такого ранения! Он был награждён Георгиевским крестом 3-й степени. Я видел его фотографии, где он с другим молодым казаком лежит на траве, оба в казачьей форме: черкески, сапоги, кинжалы. На юнкерских погонах вензель «Н II», так как над их училищем шефствовал сам царь Николай II. Значит, отец был казачьим офицером, хотя об этом никогда не говорил.

В 1919 г. он женился на моей матери. Мать — Нина Венедиктовна Разумовская, 1900 года рождения, родилась около г. Казани в семье священника. Она окончила духовную семинарию и всю жизнь работала преподавателем в школах.

В 1920 г. родился мой старший брат Ростислав.

Наша семья очень много ездила по Советскому Союзу. Себя я начал помнить с того времени, когда мы жили в Дагестане, в ауле Тлярата. Потом, где-то в 1934—1935 гг., родители переехали в Туркмению в г. Керки на реке Амударье. Там я пошёл в первый класс. Дом, в котором мы жили, стоял рядом с казармами и плацем, где располагалась манёвренная группа войск — конники. И мы, пацаны, сидели на заборе и смотрели, как они скакали на конях, рубили лозу и выполняли различные боевые приёмы. Не раз видели, как манёвренная группа возвращалась из походов в пустыню Каракумы и пригоняла толпы басмачей.

В 1938 г. наша семья переехала на родину мамы, в г. Казань, где отец стал работать бухгалтером в университете им. Ленина, в котором в своё время учился Володя Ульянов. В то время по призыву партии шло освоение Сибири и Дальнего Востока. Отец писал, чтобы его перевели работать на Дальний Восток, в 1939 г. получил согласие на это, и мы поехали в Хабаровск. Там отца назначили в финансовый отдел г. Петропавловска-Камчатского.

Из Владивостока на Камчатку мы шли на пароходе «Ильич», который впереди нёс бушприт и имел крен на правый борт. Во время этого рейса с нами в каюте ехал Николай Герасимович Трубников, назначенный директором Кроноцкого заповедника. Они с отцом подружились, Трубников упрасивал отца идти к нему старшим бухгалтером. Не знаю, как они договорились, но отец некоторое время трудился в финотделе в Петропавловске. Мы тогда жили в АКОпосёлке около обрыва к Авачинской губе на улице Мишенной.

В это время, в 1940 г., старший брат окончил десятый класс и уехал в Ленинград, где поступил в Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта. Сразу после этого наша семья переехала в Кроноцкий заповедник на берег Кроноцкого залива, где стояла центральная база, а рядом — погранзаезда. Школы там не было, и я два года не учился. Но там в то время были такие замечательные люди, как зоолог Юрий Викторович Аверин, его жена геолог Татьяна Ивановна Устинова, которые привили мне любовь к природе и радость жизни среди дикой тайги, вулканов и диких зверей на берегу бескрайнего моря. Это место стало моей второй родиной.

Я часто бывал в доме, где жили наши научные сотрудники, разглядывал их огромные коллекции диких зверей и минералов, был свидетелем открытия камчатских гейзеров, нефти на реке Богачёвке.

У меня имелись широкие лыжи, подбитые нерпой, мне дали «мелкашку», и я один целыми днями ходил по тайге, по сопкам и ущельям, познавая мир. Мне разрешали отстреливать для научной коллекции отдельные экземпляры птиц и зверей.

Всё складывалось хорошо, и сколько бы мы там прожили, не знаю, но грянула война. Летом 1941 г. из Ленинграда на каникулы к нам в Кроноки должен был приехать мой брат, который хотел забрать меня с собой, чтобы устроить в фабрично-заводское училище при их институте. Но он не приехал: с началом войны ушёл в ополчение и погиб зимой с 1941 на 1942 г.

Когда мы получили извещение о смерти Славика, мама взбунтовалась. Она сказала, что не может жить здесь, обжираться, в то время как в Ленинграде люди гибнут и умирают от голода. Она потребовала, чтобы мы уехали из Кронок. Отец уволился, поехал в Петропавловск, где получил назначение на должность контролёра-ревизора в финотдел Усть-Большерецкого района, после чего вызвал нас.

Осенью 1942 г. на катере «Соболь» нас из Кронок доставили в Жупаново. Там мы прожили несколько месяцев, ждали попутного транспорта. В это время в Жупаново пришёл с продовольствием пароход из Америки, мы — все жители Жупаново, в том числе и я, разгружали муку и другое. Потом пришёл траулер «Топорок», на котором мы добрались до Усть-Большерецка. Там я пошёл в школу, вступил в комсомол.

Осенью 1944 г. мне исполнилось семнадцать лет, и меня призвали в Красную Армию. Для прохождения службы направили в 198-й стрелковый полк, где стал наводчиком ручного пулемёта в 3-м отделении 2-го взвода 4-й стрелковой роты 2-го батальона.

Командирами были: отделения — Иван Дурнев, взвода — старший лейтенант Жулич, роты — капитан Сазонов.

В зиму с 1944 на 1945 г. мы в порядке учебной подготовки сооружали оборонительную линию на побережье Охотского моря, отрабатывали приёмы оборонительных и наступательных боёв, готовились воевать. Многие солдаты и офицеры нашего полка, исключая, конечно, нас, «салажат», писали рапорты с просьбой направить их на фронт, но им отказывали.

Но наступило и наше время. В августе 1945 г. была объявлена война Японии. Нас по тревоге вызвали на берег Охотского моря на боевые участки, где мы жили в окопах, блиндажах и дзотах, несли боевую вахту. Вскоре узнали, что наша группа захвата из Петропавловского гарнизона высадилась в четыре часа ночи без выстрела на остров Симусю и захватила полосу берега, потом с боем высадился первый эшелон десанта. Уже стали известны имена первых

героев: Шутова, Ильичёва, Вилкова, а мы всё стояли и ждали команды. Наконец пришёл корабль-товарняк. Мы с песнями погрузились в кунгасы и пошли к судну. Пели «Прощай, любимый город». Утром следующего дня высалились без боя на Симусю в порту Катаока, что расположен в проливе между островами Симусю и Парамушир. В этот же день мы на десантных судах, тоже без боя, высадились в порту Касивабара на Парамушире (теперь это Северо-Курильск). Японских войск тут уже не было, а мирное население японцы эвакуировали ещё в июле. Если бы пришлось брать Парамушир, то это были бы жестокие бои, и многие из нас сложили бы головы.

Представьте себе, что Касивабара со стороны открытого океана, а не пролива, отгорожена отвесными скалами, обрывающимися в воду. На узкой прибрежной полосе в районе этих скал тянется пять рядов колючей проволоки, уходящей с берега в море. Их ой как трудно было бы преодолеть! А в отвесных скалах, выходящих на эту сторону, смотрят выбитые амбразуры дотов, где сидят солдаты-смертники, прикованные к пулемётам и пушкам. Вход в эти боевые катакомбы с обратной стороны этих сопков, со стороны плато, где находился японский аэродром. Уже после окончания боёв нам приходилось выжигать из этих пещер смертников, не хотевших сдаваться. Шли разговоры, что среди них были белогвардейцы атамана Семёнова, но насколько это точно, не знаю. Говорили также, что эти укрепления строили пленные китайцы и американцы, и что когда мы объявили войну Японии, их японцы вывезли на кунгасах в море и утопили.

В первый же день высадки на Парамушир мы разоружили гарнизон аэродрома, вышли к берегу острова, обращённому к Тихому океану.

По окончании боевых действий на аэродроме был организован лагерь для военнопленных, и наша часть охраняли его. Вскоре были уволены в запас старшие возраста, наш полк и другие части убыли в места своей дислокации, а нас, примерно батальон, оставили на Парамушире охра-

нять военнопленных до прибытия судов и эвакуации их на материк.

В это время мы выводили команды пленных в сопки на заготовку кедрача на дрова. Водили их и в эти катакомбы, где они выбивали брёвна крепёжки, тоже на дрова. Общаясь с военнопленными, мы учились японскому языку, а они учили русский. Японцы говорили, что с американцами они бы воевали ещё лет пятнадцать, и неизвестно, кто бы победил. Говорили, что американцы прилетали и сбрасывали бомбы, где придётся, а то просто в море. А русский Иван летит низко и бьёт в точку, от него не уйти. В общем, они нас, русских, ценили высоко. Отношения с ними складывались мирно, не было ни одного конфликта.

В декабре 1945 г. за пленными пришёл корабль. В трюмы их поместили пять тысяч человек. Каждый наш взвод сопровождал тысячу японцев — батальон. Среди них был офицерский батальон, в котором имелись и моряки. Офицерам сохранили холодное оружие — самурайские мечи. На корме судна в каюте расположился японский генерал Сато с двумя офицерами-адъютантами.

Декабрь — время зимних штормов. Мы стояли на своих постах по два часа. Охраняли люки из трюмов, из которых непрерывно, днём и ночью, как тараканы, пленные вылезали на верхнюю палубу в туалеты, вынесенные за борт. Мой пост располагался на корме, как раз над каютой генерала. Одеты мы были в трофейные японские шубы, на ногах — ботинки с обмотками. Чтобы ноги не мёрзли, становились на паровые трубы, тянувшиеся к лебёдкам. Эти два часа давались тяжело из-за качки и ветра. На посту стояли вдвоём: я с ручным пулемётом, мой второй номер — Лёня Гусев.

Наш корабль подошёл к проливу Лаперуза, он оказался забит льдом. Связались по радио с командованием, нам дали добро идти через Японию по проливу между островами Хоккайдо и Хонсю. В это время там уже были американцы. Нас собрали в кают-компаний, и капитан корабля сказал: «Ребята, не трусьте! Ваше дело, если взбунтуются, держать люки, не дать им вырваться на палубу». Объяснил,

что раньше он на Балтике возил пленных немцев, и у него от котлов в трюмы проведены трубы. Если пленные зашебутятся, то он откроет пар и сварит их. «Ваше дело — держать трюмы!»

Через Японию шли днём, в туалеты пленных не выпускали, берега были совсем рядом, а над нами всё время барражировали американские самолёты, чуть мачты не задевали, хорошо были видны лица лётчиков.

Благополучно прибыли во Владивосток. Генерала и офицеров повезли в Хабаровск, а наш взвод свою тысячу сдал в лагерь на станции Океанской, рядом с Владивостоком. Во Владивостоке пробыли до февраля 1946 г., ждали корабля, чтобы вернуться в свою часть. Когда вернулись, я попал в учебную роту. За время нахождения в ней два раза пешком пересёк Камчатку из Усть-Большерецка в Петропавловск и обратно через Апачу и Начики.

По окончании полковой школы остался в ней на должности помощника командира миномётного взвода. Дослужился до звания старшины. В 1951 г. наш год призыва демобилизовали, но я остался на сверхсрочную. Прослужил до 1954 г. командиром взвода ротных пулемётов. В это время не хватало офицеров, а я был по специальности миномётчиком-артиллеристом, и меня поставили на должность командира взвода станковых и противотанковых гранатомётов в первой батарее. Тогда это было новое оружие. Находясь на сверхсрочной службе, в 1952 г. женился, в 1953 г. родилась дочь Светлана. Моя жена работала зоотехником в сельскохозяйственном отделе Усть-Большерецкого райисполкома. В 1953 г. вступил в КПСС, в конце 1954 г. демобилизовался, два года пробыл на «гражданке», был каильщиком на авиационном заводе в Казани, затем по набору уехал в Бурят-Монголию — строить металлургический комбинат.

В феврале 1956 г. меня вызвали в горком КПСС и направили на укрепление в городской отдел милиции. Год был участковым, затем старшим уполномоченным уголовного розыска, работал до 1960 г. За это время окончил общеоб-

разовательную школу и заочную среднюю школу милиции, получил звание лейтенанта, перевёлся в Краснодарский край, поступил на заочное отделение Высшей школы МВД. В 1964 г. с семьёй переехал на Сахалин, в г. Поронайск, на должность начальника уголовного розыска. В 1971 г. ушёл на пенсию, уехал в г. Армавир...

22 апреля 2003 г.

КГОМ ОФ 35710/2. Рукопись

Жульев Н. С.

(письмо школьникам-следопытам)

Дорогие ребята!

...Минный заградитель «Охотск» был построен в г. Ленинграде в 1936 г. как судно ледового гидрографического типа, то есть для изучения и составления морских карт тихоокеанского побережья нашей страны. Таких кораблей в СССР было построено три: «Охотск», «Океан» и «Мурман».

Приближалась война, правительство, военно-морское командование об этом знало, и «Охотск» переделали в минный заградитель. Оборудовали под мины трюм, наварили на палубу рельсы, по которым катали мины на корму, а каждая мина весила три тонны, и поставили три пушки шестого калибра, то есть дальнбойные. Они стреляли на расстояние сто тридцать девять кабельтовых (двадцать пять километров). Две пушки поставили на носу (на полубаке), одну на корме (на юте). Делали они четырнадцать выстрелов в минуту. Пушки были в башне. Имелось, по-моему, четыре зенитных пушки и четыре пулемёта ДШК. Перед самым десантом поставили ещё четыре пушки «Эрликон», американские, скорострельные, автоматические.

Команда на корабле была очень сплочённая, боеспособная, с большой выучкой, до автоматизма. Матросы могли всё делать в полной темноте. Если я не ошибаюсь, команда состояла из ста восьмидесяти человек.

Я служил на корабле с 1941 г. сигнальщиком. На мостике вместе с командиром корабля был в походах, находился

на мостике при переходе к Курилам и во время десанта. Так что я видел все события во время десантной операции.

16 августа в восемнадцать часов от пирса, что у «Сопки Любви» (Никольской. — *Ред.*) минный заградитель «Охотск» отвалил под звуки духового оркестра, игравшего «Прощай, любимый город». Эта музыка раздирала душу, ведь мы шли в бой. Но настроение было удивительно боевое, хорошее. К этому мы готовились четыре года. Трусов и паникёров не было. При заходе солнца «Охотск» пошёл во главе судов десанта. Пока суда строились в кильватерную колонну и выходили из Авачинской губы, наступила темнота, спустился туман. 18 августа днём двигались в сплошном тумане, он был настолько густой, что следующий за нами корабль было не видно. Только слышались переговоры по радиотелеграфу: «Ты кто?» «Я — ТЩ-155» или «Я — “Веха”» и подобные. Сутки прошли без происшествий. Скорость хода каравана была восемь узлов, так как в нём имелось много судов с малой скоростью, и мы их поджидали.

Перед рассветом, то есть в пять часов, 18 августа начали выбрасывать первый морской батальон в составе около тысячи человек. Японцы сопротивления не оказывали, они нас ждали, ждали и, не дождавшись, легли спать. Но как только морской батальон занял полосу побережья острова Шумшу, он даже достиг высоты 171,0, японцы опомнились и начали бить из пушек по нашим кораблям. Открыла огонь японская батарея с танкера «Мариуполь». Он в феврале 1943 г. вёз из США нефть и в пургу, при плохой видимости, выбросился на берег острова. Японцы разрешили снять команду, а танкер стянуть с камней не дали. Вот на нём они и оборудовали батарею.

Японские пушки стреляли прицельно. Загорелись наши десантные суда, десантники прыгали в воду в шинелях, с автоматами, продпайком, в сапогах. Многие из них тонули, хотя до берега было по десять-пятнадцать метров.

«Охотску» приказали расстрелять батарею на «Мариуполе», и наши артиллеристы её подавили за две-три мину-

ты. Особенно метко стреляла пушка Кузьмы Шабалова и Павла Громова.

Днём уже, часа в два, я заметил, как высоты перевалили японские танки. Они шли на наш десант. Тут же, не медля, доложил командиру корабля, бывшему рядом. Тот приказал открыть огонь по танкам, они были быстро разбиты. Но пехоту и артиллерию высаживать было не на чем: все десантные суда и баржи были перебиты. Одно десантное судно горело кабельтовых в десяти от нас. Командир Петропавловской военно-морской базы Пономарёв приказал нам снять экипаж.

Судно горит, на палубе лежат убитые, огонь подбирается к противолодочным минам. Вот-вот произойдёт взрыв, но наш командир приказал подойти к борту. Боцман бросил на судно швартовый конец. Его подобрал и потянул на себя какой-то солдат. Как сейчас на него гляжу: живот распорот, кишки висят до колен, а он тянет швартов и... упал без сознания. Страшно!

Пришвартовались и быстро сняли команду. На этом судне оторвало ногу командиру дивизиона десантных судов. Я видел, как его несли на наш корабль. Всё это заняло одну-две минуты, быстро-быстро. Отошли, и раздался взрыв...

Японцы начали теснить наш морской батальон. Вечером, в темноте, я заметил передаваемую фонариком морзянку. С. А. Шпак, радист «Охотска», был высажен с батальоном для связи, но его станцию разбил осколок, и связь нарушилась. И вот в темноте он передал: «Патроны кончаются, отбиваться нечем, японцы нас теснят к морю, помогите боеприпасами». Я тут же передал это командиру. Высадка прекратилась, все десантные суда были перебиты. Только через два дня пришли с восточного побережья Камчатки из рыбокомбинатов, то ли Микояновского, то ли Большерецкого, то ли Озерновского, забыл, как они именовались (именно так и именовались. — *Ред.*) кавасаки с кунгасами и начали высадку.

20 августа мы пошли. Впереди с тралом двигался тральщик ТЩ-525, за ним «Охотск», сторожевые корабли

«Дзержинский», «Киров». Только вошли в узкость пролива, японцы с обоих берегов открыли артиллерийский огонь по нашему кораблю. В него попали четыре снаряда: в артиллерийскую рубку, котельную надстройку (этот снаряд не разорвался), в грот-мачту (кормовую) и в борт. От осколков погиб у третьего орудия Федя Марков, рядом со мной убило Колю Бушевца, третьего не помню. Человек пятнадцать ранило. Алексея Конгина и других отправили на госпитальный корабль «Менжинский».

Как только японцы начали стрелять по «Охотску», наши артиллеристы открыли ответный огонь, одну батарею сразу же подавили. Но мы этого не видели. Стреляли так, что загорелась краска на пушках. С боем развернулись и стали выходить из Второго Курильского пролива. Тут налетели самолёты и сбросили торпеды. Одна летела на нас, остальные на «Дзержинский» и «Киров», но мы её хорошо видели, и командир дал команду «Право на борт!» Торпеда прошла метрах в пятнадцати за кормой.

«Охотск» пошёл к мысу Лопатка. По-морскому похоронили ребят, начали штопать дыры. По-моему, 23 августа японцы капитулировали, и мы вошли в порт Катаока. Бои закончились.

В феврале 1946 г. меня направили освобождённым комсоргом отдельного дивизиона торпедных катеров. «Охотск» передали гидрографам. В 1966 г. его разрезали на металл. В 1947 г. я демобилизовался, послали работать секретарём райкома ВЛКСМ. В 1952—1954 гг. учился в областной партшколе. С августа 1954 г. трудился секретарём райкома КПСС по Сергиевской зоне машинно-тракторных станций в Томской области. С февраля 1956 г. — председатель колхоза «Маяк». Награждён орденом Трудового Красного Знамени. С 1967 по 1969 г. заведовал отделом Томского облисполкома по использованию трудовых ресурсов.

Меня тянуло на практическую работу. В августе 1969 г. начали строить тепличный комбинат в г. Томске, закончили в 1973 г., создали на его основе областное объединение овощеводства. Я стал генеральным директором, туда вхо-

дило шесть совхозов. В 1977 г. меня послали строить новый тепличный комбинат площадью тридцать гектаров с производительностью семь тысяч тонн овощей. За первый тепличный комбинат награждён орденом Ленина, за второй — орденом Дружбы народов, за Курилы — орденом Красной Звезды...

В 1984 г. ушёл на пенсию, написал книжку «Радуюсь хлебу»...

Желаю вам успехов в учёбе, здоровья и беречь нашу родину от экологического загрязнения. Не сбережём — погибнем. Вам беречь — вам жить...

7 декабря 1988 г.

БН. Рукопись

Захаров Владимир Фёдорович

Родился 15 апреля 1928 г. в г. Минусинске Красноярского края в семье рабочего. До 1943 г. жил и учился в г. Абакане Красноярского края, где окончил семь классов средней школы. 15 июня 1943 г. ушёл добровольцем в Красную Армию, был зачислен в учебный отряд электромеханической школы Тихоокеанского флота на острове Русском по специальности моториста-дизелиста надводных и подводных кораблей. Окончил школу в июне 1944 г. с отличием, имел возможность выбора места службы на любом флоте СССР, но был направлен на лучший корабль Тихоокеанского флота — базовый тральщик «Веха».

В 1944 г. «Веха» перешла из Владивостока через Татарский пролив в Петропавловск-Камчатский, имея на борту командующего флотом адмирала И. С. Юмашева. В Петропавловске заменили корабли, уходившие во Владивосток, — базовый тральщик «Капсюль» и сторожевик «Воровский».

Я продолжал службу на «Вехе» до 1945 г. Во время формирования батальона морской пехоты на корабле набирали добровольцев, изъявил желание и был зачислен в группу захвата. После высадки на острове Шумшу штурмовал высоту 171,0.

По окончании боевых действий был оставлен служить на катерах по охране водного района Тихоокеанского флота, прослужил до 1951 г. За Курильскую операцию имею награды.

После демобилизации в 1956 г. окончил Томский строительный техникум, работал в Томском облисполкоме, в отделе народного образования. В 1958 г. переехал в Бийск, трудился на стройке до 1969 г. в качестве прораба, затем перешёл в СПТУ-43, где и работаю в настоящее время.

Являюсь членом городского комитета ветеранов войны с Японией, состою в совете юнг города. Отличник профтехобразования РСФСР, ветеран профтехобразования СССР, ветеран Краснознамённого Тихоокеанского флота, юнга огненных рейсов. Женат, имею трёх сыновей.

Впечатления о Камчатке в годы войны. Свою службу я начал в г. Владивостоке в бухте Золотой Рог. В конце лета 1944 г. на корабле БТЩ «Вега» под командованием капитан-лейтенанта П. П. Олейника был сделан переход из Владивостока в Петропавловск-Камчатский. На борту корабля был командующий флотом И. С. Юмашев. Через Татарский пролив, Охотское море, прошли Первым Курильским проливом, вошли в Авачинскую губу. В Петропавловске сделали замену кораблей, которые ушли во Владивосток. Началась служба на новом месте.

В то время Петропавловск-Камчатский выглядел небольшим портовым городом, даже не было пирса, к которому бы могли подойти и пришвартоваться. Приходилось стоять на растяжках. Стояли возле сопки Любви. Петропавловск строился. Подвозились шпунты, швеллера, которые забивались в грунт, делали отсыпку и укрепление берега, строили причал. Во время увольнения мы ходили в кинотеатр «Полярная звезда».

После перехода ремонтировались на местном судоремонтном заводе, доковались в плавучем доке, осмотрели подводную часть корабля, винты, покрасились и отремонтировали машины.

В доке стояли рядом с подводной лодкой. На берегу приходилось бывать мало. Большую часть времени проводили в море: встречали и сопровождали торговые пароходы типа «Либерти», идущие из США с народнохозяйственными грузами, участвовали в прокладке трансатлантического кабеля связи, проводили подводные лодки на Запад под прощальные звуки сирены. Приходилось ставить минные заграждения, выполнять боевые траления. Однажды во время боевого траления зимой или где-то ближе к весне 1945 г. на нас напали два американских самолёта, которые фотографировали минные поля. Один мы подбили, он загорелся. Наши самолёты вынудили его совершить посадку в Петропавловске. За это команда корабля получила денежное вознаграждение и благодарность. Лётчик же подбитого самолёта ругался и грозился сделать второй заход на нас. А в Охотском море, недалеко от мыса Лопатка, на нас напал торпедоносец без опознавательных знаков и выпустил торпеду. Но благодаря действиям командира нам удалось уйти от неё. Много было разных нападений.

Приходилось снимать одиннадцать американских лётчиков с самолёта Б-29. Их подбили японцы при бомбёжке Курильских островов, и они посадили свой самолёт на мысе Лопатка.

Моя служба в Петропавловске была связана с постоянной борьбой с японскими интервентами по охране водных рубежей СССР. Так, 7 августа 1945 г. японские самолёты расстреляли наши пограничные катера № 7 и 10 в районе мыса Лопатка. А Советский Союз объявил войну Японии только 9 августа. Так что и до объявления мы были уже в состоянии войны и постоянно находились в боевой готовности.

Курильский десант. Подготовка к военным действиям состояла в постоянных учениях по высадке десанта и по ликвидации десанта противника. 16 августа на корабле прошёл митинг. Мы, пятеро матросов, изъявили желание добровольно влиться в сводный батальон морской пехоты передового отряда. После обеда нам дали автоматы, и вперёд. На катере

нас доставили на десантное судно (ДС-672) американского производства. В ночь ушли к японским берегам. Мне довелось стоять на зенитном пулемёте «Эрликон». Хотя в книге В. Акшинского [«Курильский десант»] сказано, что десантники отдыхали, мне пришлось нести ходовую вату всю ночь, до самой высадки.

18 августа ранним утром в четыре часа пятнадцать минут (время я знал потому, что у рубки стояла радиостанция и радист вёл переговоры) мы вошли в Первый Курильский пролив. Было ещё темно. С мыса Лопатка начали стрелять из дальнобойных орудий по прибрежной полосе острова Шумшу, где мы должны были высадиться. Японская сторона молчала. Десантные суда развернулись под углом девяносто градусов и быстро пошли к берегу. Обстрел из наших орудий был прекращён. Мы начали высадку. А так как десантное судно к берегу не подошло, то нам пришлось добираться до него вплавь, имея при себе автомат, два диска, лопатку и вещмешок. В нём было четыреста патронов, гранаты, продовольствие на первый случай. И со всем этим грузом пришлось прыгать в воду одетым и плыть до берега.

Крепко штормило. К этому времени японцы по десантным судам открыли огонь из орудий и вывели из строя правый трап. Каждому десантнику было дано задание: попасть на берег и углубиться на пять-шесть километров, подавить огневые точки противника для создания плацдарма для высадки основных сил.

Высавившись, мы двигались в глубь острова, подавляя огневые точки противника, уничтожая связь. Японцы отошли в глубь острова и сосредоточились на высоте 171,0, где и завязался ожесточённый бой, длившийся с раннего утра до наступления темноты. Японцы бросали в контратаку пехоту при поддержке танков. На пути к высоте имелся дот, прижавший морскую пехоту к земле, не дававший поднимать головы.

Николай Вилков забросал дот гранатами, и мы снова поднялись в атаку, но пулемёт опять заработал. И тогда он

закрыл своим телом амбразуру. Его подвиг повторил Пётр Ильичёв.

Высота 171,0 несколько раз переходила из рук в руки. К вечеру при помощи сигнальщиков мы вызвали огонь с кораблей по высоте, а сами отошли вниз. Высоту взяли. Японцы пошли на перемирие. Приезжали их парламентёры на машине. Наступило затишье. Японские войска отошли от высоты на порядочное расстояние, где и укрепились. Нас, десантников, бросили вперёд, но боя не последовало, японцы вновь пошли на переговоры, отвели свои танки и артиллерию на морскую базу Катаока (посёлок Байково). Морской батальон последовал за отступающим противником. На подходе к озеру Беттобу нам преградила путь морская пехота противника, но боя не последовало, так как японцы договаривались о перемирии.

Мы расположились на ночлег у озера. За всё время один раз закусили рыбными консервами без хлеба. Выставили посты, расположились на отдых. Утром опять двинулись в путь. К вечеру прибыли на базу Катаока. Горело нефтехранилище. Японские танки стояли на пирсе и в долине. Меня и ряд других матросов вызвали к командованию морского десанта, посадили на катера, и мы пошли на Парамушир в военно-морскую базу Касивабара (ныне Северо-Курильск).

Особенно ярко мне запомнилось яркое, слегка туманное, тихое утро после боя. Хоронили погибших десантников в братской могиле у подножия высоты 171,0.

Моя дальнейшая служба на Курильских островах прошла на катерах по охране водного района Тихоокеанского флота до самой демобилизации в начале 1951 г.

Р. С. Высота 171,0 несколько раз переходила из рук в руки. Самураи до того обнаглели, что на высоту загнали танк. Из танка вышла женщина-танкист (об этом никогда не упоминали другие участники этих боёв. — *Ред.*), взяла флаг с восходящим солнцем и стала размахивать из стороны в сторону. Потом влезла в танк и ринулась на наши

передовые ряды. Через некоторое время танк загорелся, так как мы его подбили. Ни один самурай не ушёл живым. Перед этим мне пришлось тянуть связь от оврага на высоту 171,0 под массированным огнём противника. Потом мы вступили в борьбу с танком, хотя при себе у нас были гранаты наступательного характера.

г. Бийск Алтайского края

КОКМ ОФ 34349/10. Рукопись

Звездова Алиса Николаевна

Родилась в июле 1921 г. в г. Козельске Калужской области. В 1938 г. поступила в Козельское медицинское училище, окончила его в 1940 г. и была направлена в г. Читу. Там облздравотдел послал меня в г. Нерчинск Читинской области. В мае 1941 г. командирована в противочумный отряд на станцию Борзя. С мая по начало августа работала там, а 7 августа получила повестку из военкомата — призывали в армию. Приехала в Читу в областной военкомат, оттуда направили в военный госпиталь медсестрой. Принимали раненых с фронта. В 1942 г. нас, несколько медсестёр, направили в эвакогоспиталь, в пос. Песчанку, там я познакомилась с Николаем Петровичем. Дружили с ним год, а потом решили пожениться. В 1944 г. его направили в другую часть, а я год его ждала. В 1945 г. написала рапорт, и меня перевели в его часть на должность санинструктора.

Нашу часть, то есть артдивизион, в июле передвинули к границе, к г. Хайлару (Внутренняя Монголия, японский заслон на пути к Хинганскому перевалу. — *Ред.*). Там начались бои, потом мы перешли границу и передвигались, дошли до г. Чанчуня, и японцы капитулировали. Это мы узнали позже.

Когда доехали на машинах до границы станции Харанор, перешли границу в Хайларе. Там у японцев был укреплённый район, все дзоты в горах. Там мы пробыли две недели, японцы нас обстреливали. Потом выдвигались степью до г. Джеланбул (так в тексте. — *Ред.*), там было немного

потиху, а далее поездом ехали до Чанчуня. Когда остановились, то ребята нам не велели выходить из теплушек, потому что японцы в Чанчуне не знали, что акт о капитуляции уже подписан. Самых японцев я не видела, только когда ехали на машинах по Большому Хингану. А домой ехали в конце октября, тоже поездом через Харбин. Там мы стояли неделю, потом погрузили свои пушки и прибыли в часть на станцию Борзя. Годовщину Октябрьской революции праздновали в Борзе. Много я уже забыла, больше ничего не могу добавить...

В ноябре 1945 г. мужа перевели в Читу, в полк связи. Меня демобилизовали по беременности. В 1946 г. и мужа демобилизовали, мы с дочкой переехали на его родину в г. Вольск Саратовской области. Так и нажили четверых детей, воспитали и выучили, теперь у нас восемь внучат и пять правнуков, и мы стали старенькие и больные.

На Камчатку приехали в 1971 г. Дочь работала в Усть-Камчатске воспитателем детсада.

Так полюбили Камчатку, что Петрович мой не хочет уезжать...

КОКМ ОФ 34348/11

Звездов Николай Петрович

Родился в 1920 г. в г. Вольске Саратовской области. Призван в армию в октябре 1940 г. Службу проходил в войсках Забайкальского фронта в подразделениях связи в Монголии. Первые дни в отдельном учебном 473-м армейском батальоне остались в памяти как дни строительства казарм в районе «Долины смерти» в г. Баянь-Тумень, а также сооружения в суровых условиях противотанкового рва в радиусе двенадцати-пятнадцати километров от города. Можете представить себе бесснежную, морозную, а летом с палящим солнцем маловодную Монголию с ежедневными утренними бросками с катушкой связи на спине и армейской выкладкой в тридцать два килограмма на двенадцать километров. Затем быстро устанавливали связь, и в обратный путь.

Так по три-четыре месяца готовились кадры на Востоке. Мне же пришлось заниматься этим два года: окончил шестимесячные курсы Иркутского училища, и из взвода двое были возвращены в своё учебное подразделение, в том числе и я.

Вся служба проходила на Востоке, от г. Чойбалсана до пос. Отпор через г. Соловьёвск, станции Борзя, Харанор, Даурия, Билитуй, 84-й разъезд. Пришлось служить в зенитной артиллерии у станции Отпор, в укрепленном районе, откуда 9 августа 1944 г. и тронулись в путь через тридцатикилометровую тундру на г. Хайлар. Двигались своим ходом по ночам, отдыхали днём среди сопок и барханов. Двигались по щитовым настилам, так как нагрузка на почву «Студебеккеров» и буксируемых зениток была велика.

Трое суток бились за г. Хайлар, крови было пролито немало. Укрепленный район Хайлара был кольцевым, двухъярусным, где находилась Квантунская армия, даже с семьями. По рассказам китайцев, призванные на строительство назад не возвращались.

Далее наш путь шёл к железной дороге и своим ходом через Малый и Большой Хинган. Путь был нелёгкий, преодолевали завалы трассы среди бамбуковых лесов. Всякое бывало. Точно не помню, под Цицикаром или Мукденом, нам была организована встреча на коврах с угощением, но боевое охранение помогло из колодца извлечь другое «угощение», вместе с пулемётом. Такое было.

В Харбине охраняли вокзал, далее в Чанчуне тоже охраняли и вывозили армейский арсенал. Каких только запасов там не было! Всё необходимое для войны можно было увидеть. В Чанчуне находились около месяца. Город был очень чистым, весь в зелени, цветах, позавидовать можно.

В обратный путь на зимние квартиры вернулись по железной дороге. Вот и вся моя армейская служба. Демобилизовался в ноябре 1945 г., особых наград не имею. Признан медицинской комиссией инвалидом третьей группы общего заболевания. Это — свидетельство тяжёлых климатических

условий, сухой пищи, концентратов при очень ограниченных возможностях с водой.

Демобилизовался из г. Читы, где служил в должности комсорга отдельного полка связи 36-й армии. После возвращения два года не работал — болел. Поправив здоровье, тринадцать лет работал на мясокомбинате, затем десять лет на мебельной фабрике. Столяр 5-го разряда. На Камчатке с 1970 г., три года трудился в Усть-Камчатке, в Варгановском строительно-монтажном управлении, далее болезнь и переезд в пос. Мильково...

22 ноября 1994 г.

КОКМ ОФ 34348/10. Рукопись

Зверев Павел Александрович

Уважаемые товарищи поисковики группы 10-го класса «А» школы № 29! Получил я ваше письмо, большое вам спасибо.

В августе 1941 г. я приехал на Камчатку в 138-й стрелковый полк, стал командиром взвода конно-горной артиллерийской батареи. Осенью 1944 г. была сформирована учебная истребительно-противотанковая батарея, меня назначили её командиром. Осенью того же 1944 г. были призваны на службу в Красную Армию юноши 1923 года рождения из Петропавловска. В мою батарею пришли курсанты Анатолий Смирнов, Геннадий Прокопьев, Николай Кузнецов из совхоза «Дальний», Володя Белый оттуда же, Кириченко, Корниенко, Праскин, их имён не помню, Алик Бейтраш, Слава Прусаков.

Ранее были призваны и служили в батарее братья Зорины — Иван и Тимофей из Сероглазки, Иван Свистунов из Авачи, Терёшин из Елизово. Эти ребята оканчивали учебное подразделение (уже учебный дивизион на острове Парамушир) после окончания победоносной войны с Японией.

Войну за освобождение Курильских островов мои ребята завершили удачно: все остались живы и здоровы, только случайно был ранен Кузнецов. По-другому сложились судьбы

сверстников моих курсантов, служивших в роте автоматчиков. Там были очень большие потери, погиб и командир роты старший лейтенант Иван Сиволапов.

Живёт ли кто из моих бывших курсантов в настоящее время на Камчатке, как сложились их судьбы? Если что знаете о них, напишите.

После Курил служил я в Московском округе, в Заполярье. Сейчас на пенсии, но ещё работаю. Очень, очень хочется побывать на Камчатке, посмотреть те места, где прошла военная молодость...

Фотокарточек военных нет у меня, почти нет. Некогда, да и негде было фотографироваться, но одну пришло...

Д 2634. Рукопись

Игнатьев Дмитрий Ефимович

Родился я 22 октября 1917 г. в с. Верх-Каргат Здвинского района Новосибирский области. Отец мой — Игнатьев Ефим Платонович — был инвалидом Первой мировой войны, в 1919 г. погиб от рук колчаковских карателей. Тяжёлая доля досталась матери: нас было четверо, старшему брату исполнилось шестнадцать лет, а мне только полтора годика. В 1930 г. вступили в колхоз. После окончания семилетки я работал в нём, а в 1936 г. уехал учиться в Барабинское железнодорожное училище, в 1937 г. окончил его и был слесарем в депо, а потом — помощником машиниста паровоза.

В конце июля 1938 г. началась война с Японией у озера Хасан, и вскоре — в августе — меня призвали в армию. И вот с августа 1938 г. по июль 1946 г. мне довелось служить в Камчатском 60-м ордена Ленина морском пограничном отряде. После окончания школы младших командиров в г. Петропавловске-Камчатском служил в манёвренной группе при штабе отряда. В 1940—1944 гг. служил на сторожевом корабле «Воровский».

В связи с капитальным ремонтом команду корабля расформировали, и меня взяли в штаб отряда, а в январе 1945 г.

отправили на погранзаставу мыса Лопатка, где я пребывал до начала войны с Японией.

Участвовал в Курильской десантной операции в составе сводной роты пограничников, которой командовал капитан Н. И. Лашманов. С ним вместе работал в штабе отряда. Я командовал отделением при командире роты. Наша рота первой высадилась на берег и вела кровопролитные бои за овладение высотами 165,0 и 171,0.

Особенно запомнился мне случай, когда мы окружили японскую миномётную батарею, обстреливавшую наши боевые порядки. Пробившись к батарее, пограничники забросали её гранатами и захватили. На душе стало легче, почувствовали уверенность в себе. В этих боях погибли одиннадцать пограничников, в том числе заместитель командира роты капитан А. А. Бугров.

В. С. Акшинский в своей книге «Курильский десант» правдиво написал о пограничниках, они отважно сражались с японцами. Как известно, в боях участвовали и наши корабли «Киров» и «Дзержинский», дивизион пограничных катеров и морской пограничный авиаполк. Координировал действия всех пограничников начальник штаба морского пограничного отряда майор П. Д. Ковтун.

После окончания боёв и пленения японцев меня перевели служить в штаб отряда, в пятый отдел (отдел разведки).

В июне 1946 г. я был демобилизован в звании старшего сержанта. Прибыл домой, в г. Барабинск, женился, потом переехал жить к брату в г. Кемерово. Работал и учился, окончил институт, получил профессию экономиста. По направлению городских властей трудился в хозяйственных, советских и партийных органах, последние пятнадцать лет — в обкоме КПСС инструктором и в Кемеровском облисполкоме заведующим отделом.

Награждён орденом Отечественной войны 2-й степени и орденом Трудового Красного Знамени, медалями «За победу над Германией», «За победу над Японией» и другими. Командование пограничного округа отметило меня знаками «Отличник пограничной службы» и «Старший наряда».

С 1982 г. на пенсии, состою в городском совете ветеранов, имею садовый участок... В 1990 и 1995 гг. побывал на Камчатке и Курилах, где встретил своего боевого командира Н. И. Лашманова и многих друзей-пограничников.

Пару слов о жизни в Петропавловске в те годы. Тяжело было жителям города и области: погибали на германском фронте отцы, братья, дети, было невыносимо большое горе. Но люди работали, и жизнь шла нормально. Нам по долгу службы и по знакомству приходилось встречаться с камчатцами, мы им помогали, чем могли, и они нам также помогали.

Тяжело приходилось нам, пограничникам. Японцы не давали покоя ни днём, ни ночью. Они нарушали границу, останавливали наши транспорты, всячески препятствовали морскому судоходству. Наш танкер «Мариуполь», потерпевший аварию в Первом Курильском проливе из-за нарушения японской стороной навигационных условий, не разрешили нам снять с прибрежных рифов у острова Шумшу. Самураи установили на нём до двадцати орудий и во время высадки десанта вели из них огонь. Самураи совершили более пятисот провокаций. Только в 1944 г. они сто сорок четыре раза нарушали границу и тридцать девять раз обстреливали нашу территорию. Об этом в газетах не писали, и народ не знал, как тяжело приходилось пограничникам.

Находясь на мысе Лопатка, мы знали, что с Японией придётся воевать, но не могли дать им отпор. Нельзя было иметь второй фронт на Востоке. Но Лопатка укреплялась, сюда был переброшен 7-й стрелковый батальон, зенитная батарея флота и другие части. Укреплена была и наша застава: она пополнилась опытными бойцами и новейшим оружием. В Петропавловске создавалась и обучалась сводная рота пограничников.

Мы день и ночь следили за действиями японцев на Шумшу, в Первом Курильском проливе и у берегов Охотского моря. Пограничные сторожевые корабли и самолёты морского авиаполка круглосуточно дежурили в районе мыса и пролива.

Несмотря на тяжёлое время люди Петропавловска, и особенно молодёжь, жили полноценной жизнью. Нам иногда удавалось бывать в городе в кино, театре, навещать подруг в педагогическом училище.

Война войной, а любовь любовью. Делились со студентами последним куском хлеба. Когда готовились посетить училище, за несколько дней, иногда недель, урезали свой, и без того малосытный, паёк, собирали хлеб и сушили сухари. От пайка солёной рыбы отрезали кусочки и хранили. Бывало, и банку консервов повар нам подбрасывал. Брали и картошку, и помогали девочкам приготовить ужин. Им было хорошо, и нам от души приятно, что мы помогали выжить нашим друзьям. Вот такая честная и чистая была дружба. Во время демобилизации многие ребята поженились и увезли с собой своих любимых девочек.

У меня тоже были друзья в училище, но я не обманывал, а честно говорил, что меня ждёт с детства знакомая и любимая девушка. Моя Нина тоже сдержала своё слово и дождалась меня. 16 июля 1996 г. мы будем справлять золотую свадьбу. Пятьдесят лет прожили с Ниной Ивановной хорошо и дружно, вырастили и выучили дочь. Это великое счастье!

Высылаю три фотокарточки, одна из них самая дорогая для меня. Я сфотографирован под развёрнутым знаменем части. Это моя награда за хорошую учёбу в пограничной школе...

12 марта 1996 г.

КОКМ ОФ 34349/2. Авторизованная машинопись

Калашников Николай Илларионович

Я... родился 15 сентября 1925 г. в с. Запонец Белорецкого района Башкирской АССР в семье рабочего. В 1942 г. после окончания школы фабрично-заводского обучения в г. Белорецке был направлен на оборонный завод слесарем. В 1943 г. добровольно ушёл в армию, был зачислен курсантом в 15-й особый запасной кавалерийский полк. В начале

ноября 1943 г. были срочно сформированы команды и направлены на фронт. Привезли нас под Киев, он был несколько дней как освобождён от немцев, направили в район Житомира и зачислили в 27-й кавалерийский полк 1-го конного корпуса. В этом районе шли жестокие бои, наши войска отходили. Полк вступил в бой. Пришлось и отступать, и наступать до г. Луцка. 29 февраля 1944 г. при наступлении в направлении г. Дубно я был тяжело ранен и отправлен в госпиталь в г. Уфу.

После излечения 27 мая 1944 г. меня направили в г. Горький в запасной гвардейский полк. В августе 1944 г. я вновь был на 1-м Украинском фронте, в 3-й гвардейской танковой армии, 1-м гвардейском танковом корпусе, 27-й гвардейской мотострелковой бригаде. Служил командиром отделения, воевал на Сандомирском плацдарме. 12 января 1945 г. перешли в наступление через Польшу на Берлин. 29 апреля 1945 г. был ранен во второй раз. Пять осколков вынули сразу, а один уже в Киргизии в 1963 г. Ещё один остался в голове до сих пор. После излечения в июле был направлен в свою бригаду под Прагу в Чехословакию, затем в г. Хорн (Австрия) и снова в Германию, в г. Вюнсдорф. В декабре 1946 г. был направлен в Горьковское танковое училище. В марте 1947 г. начал служить во 2-й гвардейской Таманской дивизии в Москве. Участвовал в парадах и похоронах членов правительства. В 1949 г. переведён в другую часть, а в 1950 г. уволен в запас.

В 1951 г. женился, имею двух детей. С 1952 по май 1993 г. жил в Киргизии, в г. Фрунзе, построил дом, имел хозяйство, сорок лет проработал водителем. В 1985 г. ушёл на пенсию, но трудился до 1992 г. В июне 1993 г. переехал на Камчатку, в Мильково, к родным. Пришлось уехать, так как русские в Киргизии стали лишними, жизнь для нас там стала трудной. В настоящее время являюсь инвалидом Великой Отечественной войны, имею правительственные награды: ордена Отечественной войны 1-й и 2-й степеней, медали «За отвагу», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За победу над Германией», «Ветеран труда».

Воспоминания о годах войны. 12 ноября 1943 г. наш эшелон прибыл под Киев. Прошли пешком через весь город, он был разрушен. За городом посадили на платформы (паровоз был прицеплен сзади) и повезли вперёд, километров пятьдесят, до лесочка.

Ночью прибыли в 27-й гвардейский кавалерийский полк, утром получили лошадей, а в полдень по тревоге двинулись в направлении г. Житомира. Дошли до какого-то села, окопались. Со стороны оврага неожиданно пошли немецкие танки. Противник превосходил нас в технике. Село горело, стоял грохот и свист. Немец пёр напролом, пришлось отходить, снова окапываться и несколько дней держать оборону. Прибыло подкрепление, и мы перешли в наступление, освободили гг. Коростень, Сарны, Луцк. Под г. Дубно был тяжело ранен.

В 1945 г. на границе Польши с Чехословакией послал меня комбат майор Давиденко проверить охранение. Вижу: идёт человек с поднятыми руками. На плохом русском языке просит отвести его к командиру. Через некоторое время меня вызывает комбат и говорит: «Ты его привёл, ты и отведи в штаб бригады». До него было около двух километров, уже стемнело. Идём, вдруг начинается артобстрел, он [пленный] кричит мне: «Ложись!» Обстрел завершился, доставил его в штаб бригады, доложил дежурному и стал ждать. Примерно через полчаса пленный вышел и говорит мне: «Запомни. Меня зовут Васков Павел», — и повторил это несколько раз.

Возвращался я в темноте и снова попал под обстрел, о прибытии доложил комбату, и на этом, кажется, всё. Но вот в 1990 г. по телевидению спрашивали: «Кто ночью вёл чехословацкого пленного в районе такого-то села в штаб советских войск?» Вот тогда я и вспомнил этот случай, ждал сообщения в газетах, написал письмо в Чехословакию, но ответа не было...

Война есть война. Мы пережили самую трудную войну и победили благодаря правильному руководству нашего правительства и коммунистической партии Советского Союза.

Примером патриотизма и преданности родине были командиры Красной Армии...

КОКМ ОФ 34348/4. Рукопись

Калинин Гавриил Григорьевич

Я... родился 15 августа 1922 г. в дер. Воскресенка Иртышского района Омской области в семье крестьянина. Отец был членом партии, умер в 1934 г., мать живёт в г. Казани.

После смерти отца мы с матерью переехали в Петропавловск-Камчатский, где я жил и работал до января 1941 г. Мать с отчимом уехали из Петропавловска в 1939 г. До 1938 г. я учился в школе в посёлке АКО, а затем в городской школе и окончил семь классов. В 1938 г. поступил в типографию газеты «Камчатская правда», где проработал до января 1941 г. на должностях ученика наборщика, наборщика, метранпажа и заместителя начальника наборного цеха. Там же вступил в комсомол. Имел поощрения, в 1939—1940 гг. в «Камчатской правде» были статьи [про это]. Работал по полторы-две смены, как говорят, был на хорошем счету. Увлекался лыжами. Это была одна из лучших и ярких полос в моей жизни.

В январе 1941 г. переехал в г. Сталинград, работал, а в начале войны был призван в армию. В 1942 г. окончил Сталинградское танковое училище № 2 и в звании младшего лейтенанта уехал на фронт. Воевал в должности командира танка, командира танкового взвода и роты в составе нескольких фронтов под Воронежем, Сталинградом, участвовал в Курской битве и в других местах. В августе 1943 г. под Курском был тяжело ранен и в боях уже не участвовал. После этого работал районным военным комиссаром в Татарии, а затем снова служил в войсках на различных должностях.

Дважды ранен. Член ВКП(б) с мая 1943 г. Звание Героя Советского Союза присвоено в марте 1943 г. за Сталинградскую битву. Награждён двумя орденами Ленина, орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды

и десятью медалями. В 1956 г. окончил Академию бронетанковых войск. Пять лет был знаменосцем академии на парадах на Красной площади. С 1963 по 1967 г. был депутатом Верховного Совета Украины.

Женат, трое детей, средний сын служит в армии, тоже танкист.

...Документов, вырезок, снимков военного времени у меня нет. Кое-что было, но сгорело в танке в одном из боёв в Курской битве. Помню статью Б. Полевого «Быстрота и натиск» в «Правде» или в «Красной Звезде» августа 1943 г.

В послевоенные годы были статьи [обо мне] в газетах, встречались рассказы некоторых авторов в отдельных изданиях, но я их не коллекционировал, и, к сожалению, их у меня нет, и конкретно сослаться на год не могу...

29 апреля 1970 г.

Д 1463. Рукопись

От редактора. В начале лета 1943 г. в типографию газеты «Камчатская правда» пришло письмо от командования части, в которой служил Г. Г. Калинин. Вот как воевал наш земляк: «Товарищ Калинин в одном только бою своей грозной боевой техникой навёл страх на врага и принудил сдаться в плен тысячу двести вражеских солдат и офицеров, огнём и гусеницами своего танка уничтожил до роты гитлеровцев, тринадцать пушек, два миномета...»

Капустин В. Ф.

Родился я 15 мая 1921 г. в с. Жегалово Пурдошанского района Мордовской АССР, ныне Железниковский район, в семье крестьянина, по национальности русский. Мой отец работал конюхом в леспромхозе, что от нашего села в шести километрах. Я пешком ходил в школу, жил у бабушки в селе. Работал в сосновом лесу, зимой делали клинья для воронок, собирали смолу. Считали деревья, которые уже отдали свою смолу, переходили к другим. Затем я поступил на курсы токарей на Саровский машиностроительный завод, окончил их, но работать не пришлось. Осенью 1940 г. призывали в Красную Армию.

Привезли нас во Владивосток в Мальцевский экипаж, на Ленинской улице. Здесь мы пробыли месяц, прошли курс молодого краснофлотца, приняли присягу, а затем нас стали отправлять. Кого-то послали на остров Русский в учебный отряд, тех, кто имел образование семь-десять классов. А у меня было только шесть, поэтому попал в боцманскую команду на минный заградитель «Охотск». Он стоял на заводе № 202 во Владивостоке в ремонте, готовился к походу в Петропавловск. Так началась моя служба — деревенского парня. Месяц ходил без ленточки, остриженный, как положено по уставу. Через год службы начали отпускать в город, увольнение давали с двенадцати дня до шести вечера, а старослужащим — до двадцати трёх часов. И вот настал мой черёд. Нагладил брюки, фланельку, начистил до блеска бляху и ботинки, подготовил гюйс, который носили на плечах (с белыми полосками, обозначавшими три битвы). Пошёл в город со старыми служаками, которые рассказывали, где что находится. Но продлилось моё увольнение недолго: услышали тревожное сообщение по радио В. М. Молотова о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз. По флоту была объявлена «готовность номер один», мы сразу бегом на корабль. Вот так мне запомнился первый день увольнения — 22 июня 1941 г.! Время во Владивостоке было более позднее, чем в Москве.

Мы стали готовиться в поход на Камчатку, погрузили необходимое, вышли из бухты Золотой Рог, прошли маяки Аскольда, Арнольда, взяли курс на Петропавловск. Погода стояла хорошая, косатки впереди корабля так и резали воду. Когда проходили пролив Лаперуза, пушки закрыли, вернее, замаскировали. Стали попадаться нам рыбацкие японские шхуны.

Пришли в Петропавловск вечером, какого числа, не помню. Вступили в состав кораблей Петропавловской военно-морской базы. Там были «Охотск» Тихоокеанского флота, 3-й дивизион подводных лодок, корабли «Киров», «Дзержинский», «Воровский» (бывшая царская яхта), они пограничными. В Солёном озере стояли ПК — пограничные катера.

Затем нас передали под командование капитана 1-го ранга Пономарёва. Ходили на учения, ставили мины, стреляли по конусу, который тянул самолёт. Строили пирс, грузили на корабль уголь, таскали его в мешках, весивших семьдесят килограммов. Корабль высокий, в бункер уходило триста семьдесят пять тонн. Грузили в трюм, а затем из него переносили снова в бункер. В походе хлеб выпекали сами, шуровали углём, условия были тяжёлые. Ходили в походы. Нашему «Охотску» всё приходилось делать: возить охотников, грузить мясо в бочках — солонину, ходить за оленьими тушами в Анадырь. Заходили в Озерную, Ичу, Корф, Тиличики, Жупаново, на мыс Кронецкий. Приходилось снимать суда с мели. Всякие работы, военные и гражданские, выполнялись нашим тружеником — «Охотском».

Придём на мыс Лопатка с грузом для маяка, продовольствием и оружием (там стоял 7-й отдельный стрелковый батальон. — *Ред.*), только приготовимся к выгрузке, начинается шторм. Снимаемся с якоря и начинаем ходить и ждать, когда он утихнет. Укрытия нет, волна заходит в нос, меняем курс суток двое, а иногда и больше. Доводилось не заходить в базу по месяцу. Донимали и японские самолёты, но без выстрелов. Потом стали гибнуть наши торговые суда, с корабля был направлен на пароход «Кола» лейтенант Нагорный, ленинградец. «Колу» потопили, и его судьбу мы не знаем. Наши ребята были назначены на торговые суда, где ставилось вооружение для отражения нападения извне. Были посланы Володя Панков, москвич, Саша Апахмин из Кирова, Горюнов из Подмосковья. Они выполнили свой долг и не опозорили чести «Охотска». На фронт ушли ленинградцы Боря Антропов, Сергей Беляев, Аркадий Жуков из Иваново. Вот так и жили мы в те годы, все силы выкладывали для фронта.

В августе 1945 г. настал наш час расплаты с японскими империалистами. 16 августа мы стали готовиться к походу и высадке десанта в Первом Курильском проливе. Тронулись из Авачинской губы, пришёл приказ: идти во Второй Курильский пролив к острову Парамушир. Впереди нас шёл

УМС (тральщик американской постройки. — *Ред.*), чтобы в случае огня прикрыть нас дымовой завесой. У нас орудия находились в «нулевом» положении, все стояли как на иголках. Кто-то стукнул, все сразу как на воздух поднялись. Смотрим — вспышка на берегу, и опять началась стрельба, снова пробоины, а затем уже вторичный заход, стрелять не пришлось, наш десант перебрался на остров.

Я был в звании старшего краснофлотца с одной узкой лычкой на погончике при орудии выгружающим зарядов, весивших тридцать три килограмма. Командовал орудием старшина 1-й статьи Кузьма Фёдорович Шабалин, позже награждённый орденом Красного Знамени. Я получил орден Красной Звезды.

Мой боевой номер 2-24-4, по нему ходил в увольнение. Он расшифровывается так: 2 — вторая боевая часть, 2 — вторая смена, когда идёшь в город, 4 — четвёртый номер на орудии, 4 — четвёртый боевой пост.

Наводчиками были Вася Баранников и Литвинов, какие у них награды, не помню. Вторым носовым орудием командовал старшина 1-й статьи Павел Громов, награждённый орденом Красного Знамени. Наводчик — старший краснофлотец Иван Курганов, награждённый орденом Отечественной войны 1-й степени. Жуков, старшина 2-й статьи, командир зенитчиков, награждён орденом Отечественной войны 1-й степени. Вот о таких моряках помню, потому что они у меня на фото, при орденах, конечно. В то время фото было любительское, и бумага была, сами знаете, какая, да и та редкость.

Боцманская часть на корабле — словно хозяйственная. Тут были плотник, маляр, сапожник, пекарь, два кока — повара. Занимались плетением матов, кранцев, выбросок, сращивали стальные концы, плели огоны, делали мусинги, бегущий и стоячий такелаж. Наш боцман — мичман Вася Васильев — был из Воронежа. У него имелся помощник — старшина 1-й статьи Ничаюк из Владивостока. Их наград не помню, но вспоминаю, что боцман был своей не очень доволен, кажется, медалью Ушакова или Нахимова.

Командир корабля капитан-лейтенант Ничипоров на «Охотске» служил много лет. При мне сменилось три замполита. Первого не помню, только осталось, что крутил пальцами и говорил: «Плоешти горит». Второй — Александр Алексеевич Шабенков, 1911 года рождения, горьковский, вернее, живёт в г. Горьком. Замполита Романова я забыл, Моисеенко помню, но мы привыкли к капитан-лейтенанту Ничипорову. Он живёт сейчас в Крыму, в Балаклаве или Феодосии, в отставке. Вице-адмирал или контр-адмирал Соляник — это наш, «охотский». Командиры боевых частей: БЧ-2 — старший лейтенант Стерлядкин, БЧ-1 — Соляник, БЧ-3 — лейтенант Воропаев, БЧ-5 — Нестеренко. Командира БЧ-4 не помню.

На «Охотске» я прослужил шесть лет. На корабле находились моряки призыва 1936 г., а мы, «салажата», — 1940-го. Самые молодые демобилизовались в 1946 г. После демобилизации приехал в село. Разруха, голодуха, и я уехал в Горький, поступил матросом на пароход «Гражданка», ходивший по маршруту Москва — Волга — канал Московского пароходства. Зимовали в затоне им. Молотова, сейчас им. 40-й годовщины Октября. Пароходство располагалось на Ленинградском шоссе в Северном порту, прописка была по 100-му отделению милиции Москвы. Затем я ходил на грузовых судах типа «Большая Волга» и «Шестая пятилетка» электриком-радиостом. Потом перешёл на пассажирский флот, на теплоходы «Александр Невский», «Генерал Черняховский», «Терек». В 1963 г. поступил в Горьковское речное училище им. Кулибина, в 1969 г. окончил его по специальности «Эксплуатация электрооборудования судов», стал техником-электромехаником. С 1963 г. работал на теплоходах типа «Генерал Ватутин»...

О нас, водниках, в посёлке плохо заботились, у меня даже нет нагрудного знака «Участник войны». Через тридцать лет вспомнили про победу над Германией. Получил медаль, грамоту и подарок. Флоту и Волге посвятил сорок лет, с 1940 по 1980-й год.

7 мая 1980 г.

БН. Рукопись

Удостоверение участника боёв за крепость Кёнигсберг Г. П. Чуркина об объявлении ему благодарности Верховного Главнокомандующего, 1945 г. [ККМГИ 13469]

Удостоверение участника боёв за Кёнигсберг гвардии старшего лейтенанта В. Н. Панкратова об объявлении ему благодарности Верховного Главнокомандующего, 1945 г. [КОКМ ОФ 35139]

Благодарность Верховного Главнокомандующего участнику штурма Берлина А. Н. Ускову, 1945 г. [КЖМГИ 5023]

ЗА НАШУ СОВЕТСКУЮ РОДИНУ!

В № 008369

УДОСТОВЕРЕНИЕ

ЗА УЧАСТИЕ В ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЕ

МОСКВЫ

Акимов

Иван Георгиевич

УКАЗОМ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР от 1-го мая 1944 года

НАГРАЖДЕН МЕДАЛЛЮ

„ЗА ОБОРОНУ МОСКВЫ“

От имени ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР МЕДАЛЬ „ЗА ОБОРОНУ
МОСКВЫ“ ВРУЧЕНА 1 января 1944 года,

Полковник *И. П. Поляков*
(должность, военное звание и подпись)

М. П. *Полковник* *(И. П. Поляков)*
(подпись лица, вручившего медаль)

„ЗА ПОБЕДУ НАД ГЕРМАНИЕЙ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
1941—1945 гг.“

УДОСТОВЕРЕНИЕ

ЗА УЧАСТИЕ В ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Акимов

Иван Георгиевич

УКАЗОМ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР от 9 мая 1945 года

НАГРАЖДЕН МЕДАЛЛЮ

„ЗА ПОБЕДУ НАД ГЕРМАНИЕЙ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЕ 1941—1945 гг.“

От имени ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР МЕДАЛЬ ВРУЧЕНА

7 II 1946 г.

Королевский
(должность, военное звание и подпись)

М. П. *Королевский*
(подпись лица, вручившего медаль)

Удостоверение о награждении И. Г. Акимова медалями «За оборону Москвы» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» [КОКМ ОФ 33569—33570]

СПРАВКА

Приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища СТАЛИНА от 24 Июня 1944 года за отличные боевые действия по прорыву сильно укрепленной и развитой в глубину обороны Витебского укрепленного района немцев

Старшине Брюховой Тамаре Николаевне
ОБЪЯВЛЕНА БЛАГОДАРНОСТЬ

Командир войсковой части
Полевая почта № 19288
Ткаченко (ТКАЧЕНКО)

Valst. sp. „Varpa“ 25/1/1944

СПРАВКА

Приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища СТАЛИНА от 1 Августа 1944 года за отличные боевые действия по освобождению города и крепости КАУНАС (КОВНО)

Старшине Брюховой Тамаре Николаевне
ОБЪЯВЛЕНА БЛАГОДАРНОСТЬ

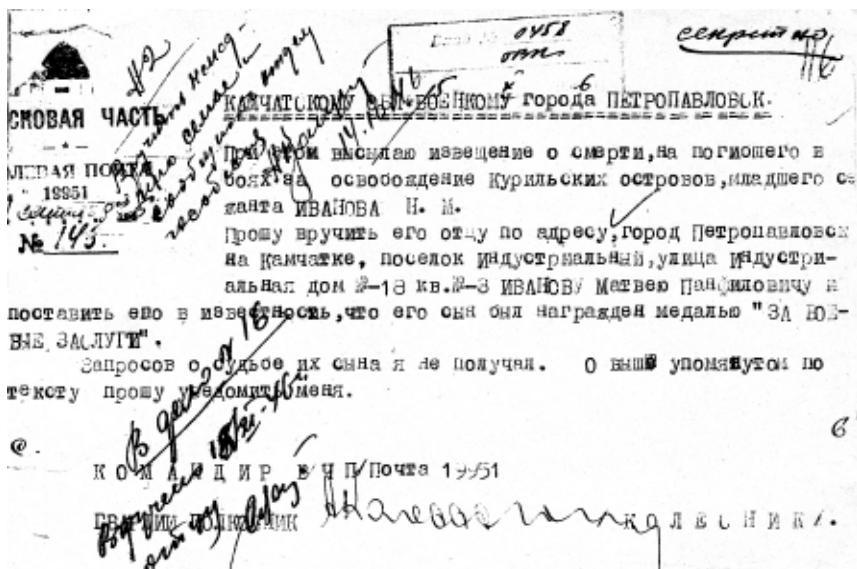
Командир войсковой части
Полевая почта № 19288
Ткаченко (ТКАЧЕНКО)

Valst. sp. „Varpa“ 25/1/1944

Справки об объявлении благодарностей Верховного Главнокомандующего за отличия в боях за города Витебск и Каунас старшине Г. Н. Брюховой, 1944 г. [НВФ 3340/2—3]

Удостоверение о награждении М. Ф. Щепиной медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», 1947 г. [ККМГИ 18223]

Извещение о гибели в боях на Курильских островах младшего сержанта Н. М. Иванова, 1945 г. [НВФ 3338/12]

Благодарность Верховного Главнокомандующего капитану Р. Я. Лефлеру, 1944 г. [ККМГИ 6874]

ПОЛКОВАЯ ПОЧТА
00019

26, Декабря 194У г.

№ 11/14-417

Командировочное предписание

Кому майору м.с. Лефлер Роберту Яковлевичу
(исполнитель, фамилия и инициалы)
майору м.с. Чирзани (Яковлевичу) Григорию Анбаровичу
(командир, обязательного)

С получением сего предлагаю Вам отправиться в гор. Брест-
Слоним для установки
(указать пункт командировки) для установки
всех фронтальных командировок ВГ Корпусов
(указать цель командировки)

Срок командировки 5 дней, с 26, Декабря 194У г.
по 31, Декабря 194У г.

ОБ ОТЫИТИИ ДОНЕСТИ

Основание: Распоряжение Ногоснария

Для проезда выданы требования на перевозку за №№ _____
Действительно по предъявлении удостоверения личности (красноармейской книжки).

Командир (начальник) Чирзани Григорий Анбарович
М. П. Чирзани
Морозов

Т-1 Трансжелдорплатформа НКПС, Зак. 1138.

Командировочное удостоверение майора Р. Я. Лефлера, 1944 г.
[ККМГИ 6870]

Благодарность Верховного Главнокомандующего
майору Р. Я. Лефлеру, 1945 г. [ККМГИ 6868]

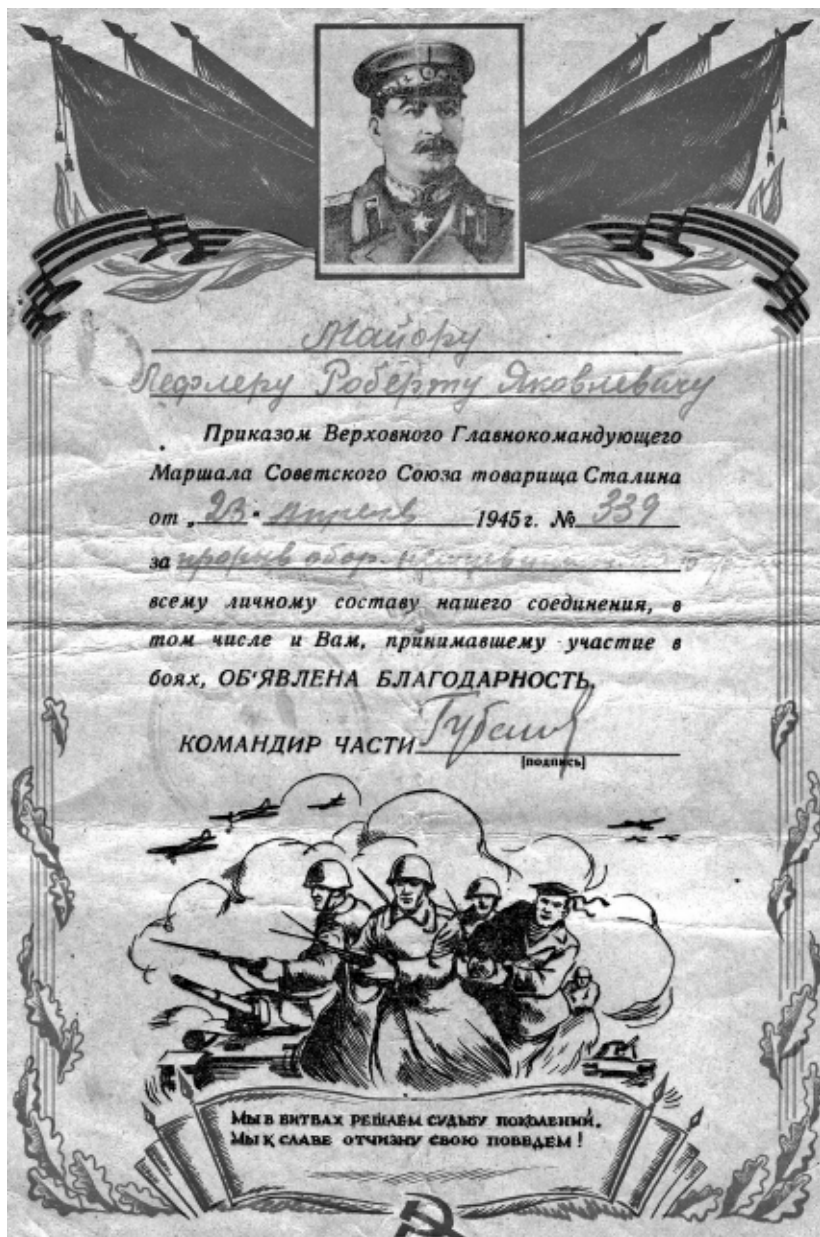

Благодарности Верховного Главнокомандующего
майору Р. Я. Лефлеру, 1945 г. [ЖКМГИ 6872]

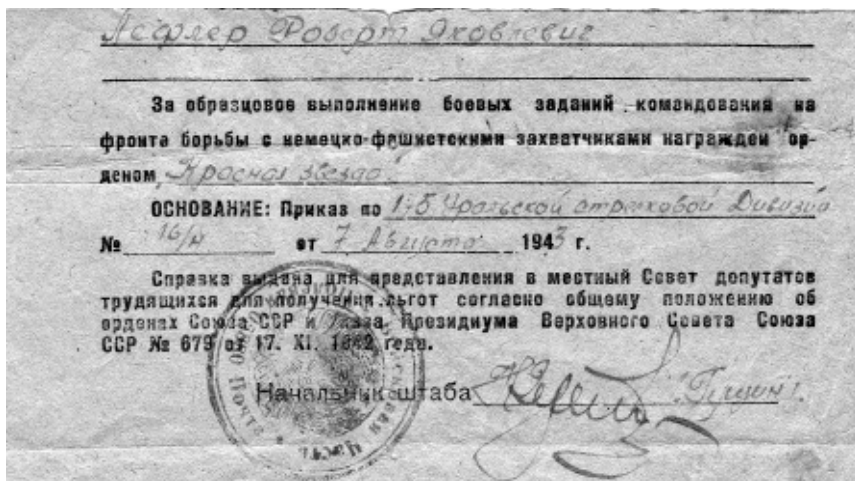

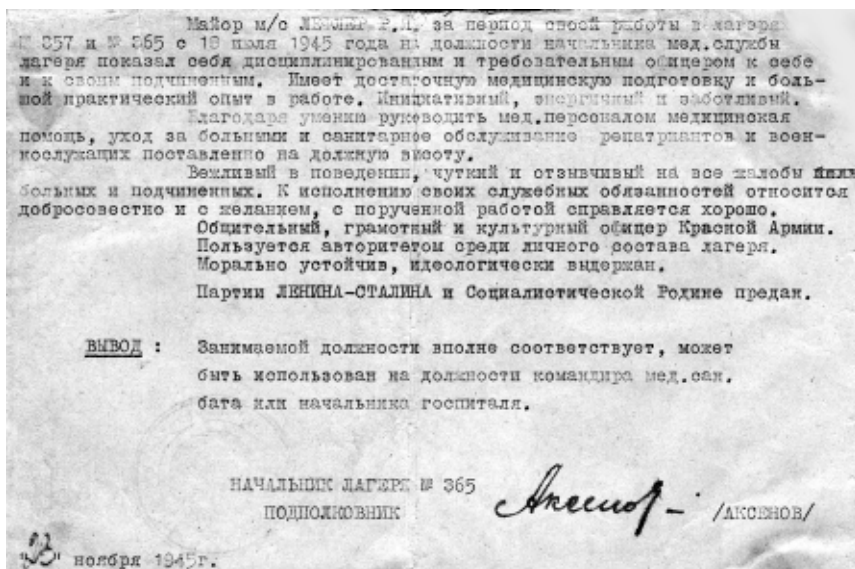
Благодарность Верховного Главнокомандующего
майору Р. Я. Лефлеру, 1945 г. [ККМГИ 6860]

Благодарность Верховного Главнокомандующего
майору Р. Я. Лефлеру, 1945 г. [ЖКМГИ 6879]

Удостоверение о награждении Р. Я. Левлера орденом Красной Звезды, 1943 г. [ККМГИ 6878]

Характеристика-рекомендация майора медицинской службы Р. Я. Левлера, 1945 г. [ККМГИ 6877]

Удостоверения о награждении майора Р. Я. Лефлера медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и «За освобождение Варшавы», 1945—1946 гг. [КОКМ ОФ 31423—31424]

НКО—СССР

ПОЛИТУПРАВЛЕНИЕ

2-го

УКРАИНСКОГО ФРОНТА

« 20 » мая 194 4 г.

КОМАНДИРОВОЧНОЕ ПРЕДПИСАНИЕ

№ 0322

Кому Гвардии капитану Липскерову Г.А.
(воинское звание, фамилия и инициалы)

.....
(командированного)

С получением сего предлагаю Вам отправиться .....
в гор. Москва, в Главкинохронику, для достав-
(указать пункт командировки) .....
ки фронтового киноматериала.
(указать цель командировки)

Срок командировки 14 дней,
с 16 апреля 194 4 г. по 1 мая 194 4 г.

ОБ ОТБЫТИИ ДОНЕСТИ

Основание: .....

Выдана требования для проезда за №№ .....

Действительно по предъявлении удостоверения личности (или красной ар-
ской книжки).

 Начальник Политуправления
2-го Украинского Фронта
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР: А. Тевченко

Командировочное удостоверение политуправления 2-го Украинского фронта, выданное гвардии капитану Г. А. Липскерову, 1944 г. [ККМГИ 13634]

Машина исправна, выход разрешен. Командир подразделения **НЗУС** Действителен по **28.04.1945** г. Путевой лист № **209** Выдан **28.04.1945** г.

Путевой лист — документ строгой отчетности, подлежит обязательной сдаче в часть. За утерю или неправильное использование его виновные несут строгую ответственность.

Машина **Опель** № **У66-186** фамилия шофера **Г. А. Липскеров**
 № полевой почты **9766415**
 Назначен и распоряжение **Майор Ансенов**
 По маршруту **Осиреж — Мгадо — Вичава — Трина.**
 На основании _____
 Срок подачи _____ Срок возврата _____
 Убыл из части _____ Прибыл в парк _____
 Род поручения _____

Командир части **Майор НЗУС**

	Бензин в кг	Масло в кг	Подпись лица и долж. производящего заправку	Расход ГСМ (кг)			
				Поло- жено	Факт. приход.	Эко- номия	Пере- расход
Наличие в баках перед выездом							
Доплавлено в пути							
Остаток в баках после работы							
Заправлено в парке							

Командир подразделения

Машина обслужена и поставлена в парк _____ 194 г. _____ час. _____ мин.

Дежурный по парку _____

РАБОТА МАШИНЫ

Дата	Маршрут следования			Пройдено километров					Перевезено груза в т.	Время, место окон- чания работы	Подпись лица, поль- зовавшегося маши- ной, и шофера
	Откуда — куда	пробег (час)	убыток (час)	с грузом	без груза	Всего	в том числе с бук- сиром	на бук- сире			

Путевой лист после оформления и сдачи проверки и правильность записей удостоверяю.

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ:

Пом. командира по тех. части _____ **ГН 13649**

Путевой лист на автомашину «Опель», водитель гвардии капитан
 Г. А. Липскеров, 1945 г. [ККМГИ 13649]

ПРОТОКОЛ № 1
ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ
КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

Снят с учета "_____ 194 г. Секретарь РК, ГК (подпись и печать)	Принят на учет _____ РК, _____ области, края, рес- публики и направлен в первичную орга- низацию "_____ 194 г. Секретарь РК, ГК (подпись и печать)
Снят с учета "_____ 194 г. Секретарь РК, ГК (подпись и печать)	Принят на учет _____ РК, _____ области, края, рес- публики и направлен в первичную орга- низацию "_____ 194 г. Секретарь РК, ГК (подпись и печать)
Снят с учета "_____ 194 г. Секретарь РК, ГК (подпись и печать)	Принят на учет _____ РК, _____ области, края, рес- публики и направлен в первичную орга- низацию "_____ 194 г. Секретарь РК, ГК (подпись и печать)
Снят с учета "_____ 194 г. Секретарь РК, ГК (подпись и печать)	Принят на учет _____ РК, _____ области, края, рес- публики и направлен в первичную орга- низацию "_____ 194 г. Секретарь РК, ГК (подпись и печать)
Снят с учета "_____ 194 г. Секретарь РК, ГК (подпись и печать)	Принят на учет _____ РК, _____ области, края, рес- публики и направлен в первичную орга- низацию "_____ 194 г. Секретарь РК, ГК (подпись и печать)

УЧЕТНАЯ КАРТОЧКА
члена, кандидата ВЛКСМ

№ 2646735

Фамилия Фролов
Имя Петр
Отчество Михайлович

ACKNOWLEDGMENTS

(17) MIN. ORDER 1000—\$4.00

УЧЕТНАЯ КАРТОЧКА ЧЛЕНА МАНИФЕСТА ВЛКСМ

No. 64673

1. Фамилия	Фролов	
Имя	Александр	Отчество
2. Пол	Мужской	3. Год рождения
4. Национальность	Русская	
5. Социальное происхождение	из крестьян	
6. Род занятий	С/Х с/з, агро. колхоза «Мирный»	
7. Образование	Среднее (на момент)	
8. Служил ли в Красной Армии	Да (указать место службы)	
	Боевые заслуги: Ранен с 1943 г. 1944 г.	
9. Месяц и год вступления	в члены ВЛКСМ	
	в члены ВЛКСМ в Сентябрь 1944 г.	
10. Месяц и год вступления	в члены ВЛКСМ	
	в Апрель 1946 г.	

1. Секретариат первичной комсомольской организации
2. Секретариат районного орг. бюро, Секретариат областного орг. бюро, Секретариат ЦК ВЛКСМ

 Учетная карточка гражданина
Фамилия Сидоркин Имя Олег Отчество Владимирович
(полное наименование организации, предприятия, учреждения)
Министерство внутренних дел СССР
(подпись, дата, должность)
Сидоркин О. В.
Подпись Сидоркина
Дата составления карточки 28. февраля 1947

ПОСЛЕДУЮЩИЕ ИЗМЕНЕНИЯ
(ВВЕДЕНИЯ В СЛУЖЕБНЫЕ КАРТОЧКИ)
И РОД ЗАНИМА

[illegible]

В ОБРАЗОВАНИИ

Дата окончания учебного заведения (месяц, год)	Класс, учебное заведение обучения

DEPARTMENT OF CHEMISTRY

ВАСИЛИС ВАСИЛЕВИЧ, ВОПРОС ОН ЧТО Н РАДИ НАПРАВЛЕНИЯ	Подпись секретаря районного комитета ВЛКСМ и печать
Кем и когда снято владение	

Учётная карточка члена Всесоюзного Ленинского коммунистического
союза молодёжи П. М. Фролова, 1947 г. [ККМГИ 22496]

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

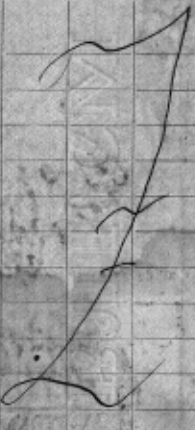
ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ КОМУНИСТИЧЕСКИЙ
СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ
№ 2646735 *

Фамилия Фролов
Имя и отчество Петр Михайлович
Год рождения 1921г.
Время вступления в ВЛКСМ 27 сентября 1938
Наименование организации Орловский ВЛКСМ
Выданный билет Петр Михайлович
Секретарь Сидоркин
Год выдачи 17 декабря 1938

Уплата членских взносов за 1938 г.

Месяц	Месячный за-работок	Членск. взнос	Подпись секретаря
Январь			
Февраль			
Март			
Апрель			
Май			
Июнь			
Июль			
Август			
Сентябрь			
Октябрь			
Ноябрь			
Декабрь			

Краснофлотскую книжку иметь всегда при себе. Не имеющим книжек — задерживать.

1. Фамилия Фролов
2. Имя, отчество Петр Михайлович
3. Военное звание и специальность Краснофлотец-стрелок
4. Наименование корабля МШ № 612
(части, учреждения)
5. Боевой номер (личный) 1
Личная подпись владельца книжки Петр Михайлович
Место для фотокарточки владельца книжки (4х3 1/2 см)
Командир корабля (части) Сидоркин
17 мая 1941 г.
Место печати

1. Общие сведения

1. Номер, военно-учетной специальности

2. Грамотность и общее образование (если окончил техникум, рабфак или ВУЗ, то указать его название) 10 классов

3. Национальность русский

4. Год рождения 1921

5. Год призыва (указать также — нормальный или досрочный призыв) 1940
досрочный

6. Каким военкоматом призван Лозовский РВК

7. Специальность до призыва Юристом работала

Комсомольский билет (1938 г.) и краснофлотская книжка (1945 г.)
П. М. Фролова [ЖКМГИ 22488; 22497]

Уважаемые товарищи!

Вспомните ваши искренние благодарности за кропотливое воспитание нашего боевого работника - Ивана Лаврентьевича Щербаква. Он прошел трудный и большой путь - от Воден до Берлина. В жарких боях за нашу Родину и всего нашего народа Иван Лаврентьевич храбро и мужественно дрался с ненавистными врагами, платил за боевые приключения. Он служил на верность нашей Родине, нашему народу и большевистской партии.

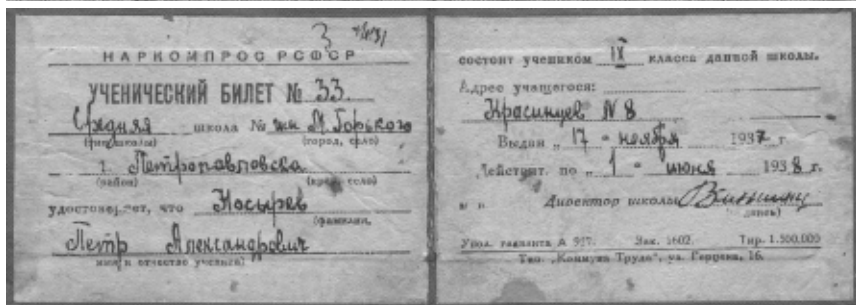
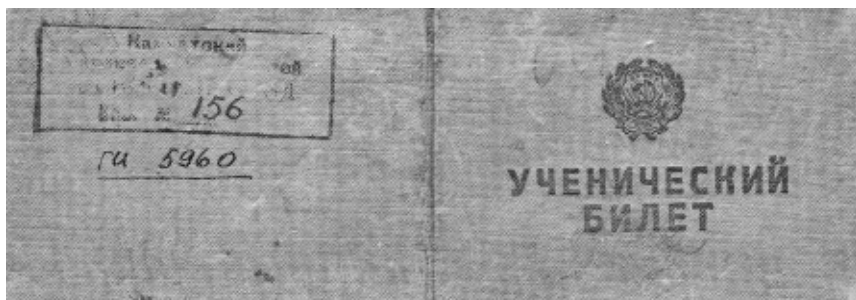
Мы уверены в том, что тов. Щербакв теперь перейдет на мирный труд так же честно и так же добросовестно, как и во время нашей Родины.

Испраждает звания "Бойцовских", которое завоевал своей частью в боях с немцами за ватники. За отличные воинские заслуги и фронтовые гитлеровских захватчиков. Иван Лаврентьевич награжден Армейскими орденами и наградами.

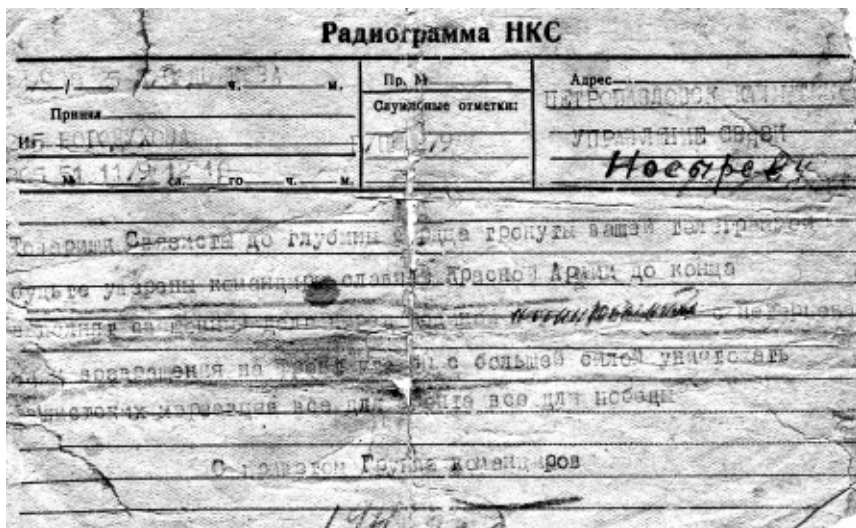
Благодарим вас, дорогие товарищи за ваше воспитание нашего боевого товарища, который предан Родине с честью и правдивостью.

Командир подразделения войсковой части 25897
Заведующий штабом [подпись] 1945

Письмо командира подразделения войсковой части 25879 трудовому коллективу, воспитавшему бойца И. Л. Щербаква, 1945 г. [ККМГИ 19315]

Ученический билет жителя г. Петропавловска-Камчатского П. А. Носырева, в последующем героя Великой Отечественной войны, 1937 г. [ККМГИ 5960]

Ответная телеграмма группы командиров Красной Армии в адрес петропавловских связистов и отца П. А. Носырева, 1942 г. [ККМГИ 5961]

Здравствуйте, уважаемый

В последнее время наш музей ведет активный сбор материалов по теме: "Камчатка и ее жители в годы Великой Отечественной войны."

Этот сбор приурочен к знаменательному юбилею - 50-летию победы в Великой Отечественной войне. В нашем музее будет открыта выставка, состоящая из большого числа разделов, отражающих все стороны жизни Камчатки в годы войны. Есть большое желание показать не только события, но и людей, живших в то время на Камчатке и тех, кто защищал Родину на ее Западных рубежах.

По этой причине я обращаюсь к Вам или к Вашим родным с просьбой о помощи в этом деле. Если у Вас есть возможность, то музей просит оказать содействие в передаче в фонды КОКМ следующих материалов о Вас и о Вашей жизни:

1. Вашу автобиографию.
2. Воспоминания о годах войны
  - как и где Вы призывались;
  - воспоминания о самой войне;
  - как Вы возвращались домой и переходили к мирной жизни.
3. Вашу фотографию того периода или последующего времени.
4. Если возможно, то Ваши личные вещи того периода.

Если фотографии, документы Вам дороги и Вы не можете их подарить музею, то, с Вашего разрешения мы снимем с них копии, подлинники же гарантируем возвратить.

Заранее Вам благодарны.

С глубоким уважением - н.с. отдела истории

Дорофеев Дмитрий Михайлович

Наш адрес: 683000 г. Петропавловск-Камчатский
ул. Ленинская 20. Областной Краеведческий музей
26.10.94г.

Бланк обращения Камчатского областного краеведческого музея к ветеранам Великой Отечественной войны с просьбой о передаче в фонды музея исторических реликвий и документов, 1994 г.

[КОКМ ОФ 34467/15]

ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
СОВЕТСКОЙ АРМИИ

Отдел использования

№ 31 от октября 1994 г.

№ 519/4

125884, ГСП, Москва А-212.
ул. Адмирала Макарова, д. 29

Копия: 142100 Москвитинский обл.
г. Владивосток
Центральный Архив
МО РФ
683000 г. Петропавловск-
Камчатский ул. Ленина,
д. 20
На № 113 от 05.10.94

Направляем на Ваше рассмотрение запрос второго
адресата о количестве жителей Камчат-
ки, мобилизованных в период Великой Отечест-
венной войны

О результатах рассмотрения просим сообщить второму адресату.
В Центральном государственном архиве Советской Армии документальных
материалов по существу вопроса не имеется.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Наш вх. № 519/4 на 1 л. в. дв. арх.
Зам. директора Н.В. Давыдов
Зав. отделом ЦГАСА Н.Е. Емшова

263—5003

★

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
ОРДЕНА КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ
А Р Х И В

Министерства обороны

№ 3 от декабря 19 94 г.

№ 7 от 28/81

142100, г. Поздольск, Московской обл.

68300, г. Петропавловск-Камчатский,
ул. Ленина, д. 20
Камчатский областной краеведческий
музей.
Директору музея.

На № 113 от 5.10.1994 г.

Сообщаем, что персонального учета граждан областей, в том
числе и Камчатской области, мобилизованных в ряды Советской Ар-
мии в 1941-45 гг. в Центральном архиве МО РФ нет, в связи с
чем удовлетворить Вашу просьбу не представляется возможным.
По существующему в годы ВОВ порядку, списки мобилизованных
в армии граждан, составлялись в районных и областных военкома-
тах.

Рекомендуем по существу запроса обратиться во все район-
ные военкоматы вашей области, а также в обдвоенкомат.

Зам. начальника отдела Н.Зянин

исп. Янкевич

При ответе сообщается на наш номер и дату.

лб

Ответы на обращения Камчатского областного краеведческого музея
в архивные собрания, 1994 г. [НВФ 3998/8; КОКМ ОФ 34467/20]

О Б Р А Щ Е Н И Е

**Ветеранов Великой Отечественной войны треста "Камчатморгидрострой"
к комсомольцам и молодежи треста.**

Дорогие товарищи комсомольцы и молодежь, ветераны войны на своем общем собрании 24 мая 1983 г. приняли решение отработать безвозмездно на строительстве школы на 1176 мест по _____ часов и заработанные средства перечислить в фонд мира. Это решение вызвано тем, что до сдачи школы, которая очень необходима в нашем районе, осталось 3 месяца. Выполнение работ по разным причинам отстает но в основном из-за нехватки рабочих рук. Мы с вами, как и все работники треста, не должны допустить чтобы школа небыла сдана к 25 августа т.е. к новому учебному.

Эту прекрасную школу на 1176 мест очень ждут наши дети, а мы все живем в основном ради наших детей, потому что дети это наше будущее и наш безвозмездный труд на школе будет хорошим наглядным воспитательным примером для их последующей жизни, в процессе строительства коммунистического общества.

Поэтому мы ветераны Великой Отечественной войны призываем комсомольцев и молодежь треста последовать нашему благородному почину.

По поручению общего собрания
подписали члены Совета ветеранов _____

С-9-458

Л И С Т О К
Ветерана Великой Отечест-
венной войны тов.

Ларкин Г.Ф.

о безвозмездном труде в количестве 20 часов на строительстве школы согласно решения общего собрания ветеранов ВОВ треста "КМГС" с перечислением средств в фонд Мира.

Примечание:

Работать на Школе ветеран может в любое удобное для него время в течении июня, июля и августа месяцев. Чтобы получить работу, надо обратиться к бригадиру т. КРИВОНОС И.П.

Дата	Количество отработанных часов	Роспись бригадира
23.08.83	Яким	Яким
25.08.83	Селив	Селив
27.08.83	Землер	Землер
28.08.83	Землер	Землер

Обращение ветеранов треста «Камчатморгидрострой» к молодёжи и контрольный листок добровольной отработки на строительстве школы, 1983 г. [ККМГИ 34413/44—45]

О Б Р А Щ Е Н И Е

Ветеранов Великой Отечественной войны треста "Камчатморгидрострой" к комсомольцам, молодежи и всем работникам треста.

Дорогие товарищи!

СУ-469 по разным причинам, но в основном из-за недостатка рабочей силы, длительное время затягивает окончание строительства "Базы отдыха" под Паратункой, которая очень необходима нам и особенно нашим детям и внукам для пионерлагеря в летнее время.

Ветераны войны треста обсудили создавшуюся ситуацию на своем собрании 30 декабря 1984 г и решили методом "Суботников" отработать по 20 часов, с тем чтобы помочь СУ-469 сдать "Базу отдыха" к 1 мая 1985 года.

Призываем комсомальцев, молодежь и всех работников треста последовать нашему примеру с тем, чтобы наши дети и внуки всесторонне уже в этом году и в дальнейшем проходили оздоровительные компании на нашей, собственной "Базе отдыха", а также, чтобы и мы сами все сами могли культурно отдыхать и проводить выходные дни на этой базе.

По решению собрания Ветеранов войны обращение подписали:

_____
Ф. ТАРАН

_____
Н. СЧАСТНЫЙ

_____
И. КРИВОНОС

_____
К. БУШМЕНКОВА

_____
И. БЕНДАРЕНКО

_____
Н. ОЩЕПКОВ

_____
Ф. КРЮКОВ

_____
В. РЫМАРЬ

Обращение ветеранов треста «Камчатморгидрострой» к молодёжи о добровольном труде на окончании строительства Паратунской базы отдыха, 1984 г. [НВФ 3989/8]

138 СТРЕЛКОВЫЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА КРАСНОЗНАМЕННЫЙ ПОЛК СФОРМУЛИРОВАН В ОКТЯБРЕ 1926 ГОДА В БАШКИРИИ КАК 1 БАТАЛЬОН БАШКИРСКОГО ПОЛКА. В ФЕВРАЛЕ 1932 ГОДА НАГРАЖДЕН ПОЧЕТНЫМ РЕВОЛЮЦИОННЫМ КРАСНЫМ ЗНАМЕНОМ. В ДЕКАБРЕ 1936 ГОДА ПРЕОБРАЗОВАН В 292-Й ГОРНОСТРЕЛКОВЫЙ ПОЛК. С АВГУСТА 1937 ПЕРЕВЕДЕН НА КАМЧАТКУ. В АВГУСТЕ 1945 ГОДА ПРИНИМАЛ УЧАСТИЕ В ОСВОБОЖДЕНИИ ОСТРОВА ШУМШУ, ЗА ЧТО БЫЛ НАГРАЖДЕН ОРДЕНОМ ЛЕНИНА КАПИТАН П. И. ШУТОВ УДОСТОВЕРЕН ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И ОКОЛО 800 ВОИНОВ НАГРАЖДЕНЫ ОРДЕНАМИ И МЕДАЛЯМИ.

ВЕСЕСОЮЗНАЯ АКЦИЯ „РАВНЕНИЕ НА ЗНАМЕНА ПОБЕДЫ“

Решением бюро
Усть-Болышерского районного
комитета ВЛКСМ

от 26. *Августа* 1955 г.

*Жигарев Михаил
Александрович*

В ходе Всесоюзной акции „Равнение на знамена Победы“, в честь 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне удостоен почетного права фотографирования у развернутого Красного Знамени 138 стрелкового, ордена Ленина, Краснознаменного полка.

Фотография вручается на память за активное участие в общественной жизни комсомольской организации и за большую работу по коммунистическому воспитанию молодежи.

Секретарь
Усть-Болышерского РК ВЛКСМ

А. ИВАНЮТА.

М. А. Жигарев, ветеран 138-го стрелкового полка 101-й стрелковой дивизии у знамени у части [Ф 10348]

ВСЕСОЮЗНАЯ АКЦИЯ „РАВНЕНИЕ НА ЗНАМЕНА ПОБЕДЫ“

Решением бюро
Усть-Болышерецкого районного
комитета ВЛКСМ
от 26 августа 1955 г.

Пасмуров Сергей

В ходе Всесоюзной акции „Равнение на знамена Победы“, в честь 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне удостоен почетного права фотографирования у развернутого Красного Знамени 138 стрелкового, ордена Ленина, Краснознаменного полка.

Фотография вручается на память за активное участие в общественной жизни комсомольской организации и за большую работу по коммунистическому воспитанию молодежи.

Секретарь
Усть-Болышерецкого РК ВЛКСМ

А. ИВАНЮТА.

С. Пасмуров, комсорг Усть-Болышерецкого рыбокооп у знамени 138-го стрелкового полка 101-й стрелковой дивизии [Ф 10348]

Петропавловск в годы войны. АКОпосёлок, декабрь 1941 г.
[ККМГИ 12863]

Дорога в посёлок Индустриальный, район современного Дома офицеров флота. Зима с 1941 на 1942 г. [ККМГИ 27408/133]

Горожане и военнослужащие собираются на митинг по случаю начала Великой Отечественной войны, 25 июня 1941 г. Фото Г. З. Гайдукевича [КОКМ ОФ 34658/45]

На митинге в Петропавловске по случаю начала Великой Отечественной войны, 25 июня 1941 г. Фото Г. З. Гайдукевича [КОКМ ОФ 34658/44]

Жители Петропавловска слушают речь И. В. Сталина, 3 июля 1941 г.
 Фото Г. З. Гайдукевича [ЖКМГИ 29622/51, 53]

Жители Петропавловска слушают речь И. В. Сталина, 3 июля 1941 г.
 Переулок Лаперуза. Фото Г. З. Гайдукевича [ККМГИ 29622/55;
 ККМГИ 34658/54]

Жители Петропавловска слушают речь И. В. Сталина, 3 июля 1941 г.
Переулок Лаперуза. Фото Г. З. Гайдукевича [ККМГИ 34658/48;
ККМГИ 34658/50]

Жители Петропавловска слушают речь И. В. Сталина, 3 июля 1941 г.
Улица Ленинская, переулок Лаперуза. Фото Г. З. Гайдукевича
[ККМГИ 34658/55; ККМГИ 34658/52]

Карвель Феликс Павлович

Родился 13 октября 1913 г. в с. Бороковка Итатского района Томской области Западно-Сибирского края. Окончил четырёхклассную сельскую школу, работал в своём крестьянском хозяйстве. В апреле 1927 г. вступил в колхоз в родном селе, где трудился до декабря 1929 г., затем до апреля 1932 г. учился в г. Владивостоке в школе фабрично-заводского обучения Дальстроя. В 1932—1935 гг. — на Камчатке в Крутогоровском рыбокомбинате: добывал уголь, был бригадиром невода, плотником, заведующим магазином, замещал заведующего 6-й базой комбината. В 1934 г. избирался председателем профсоюзного комитета 4-й базы, дважды становился секретарём комитета комсомола на 2-й и 5-й базах. В декабре 1936 г. был осуждён, наказание отбывал в колонии бухты Раковой под Петропавловском до 17 июля 1938 г., освобождён досрочно со снятием судимости.

С июля 1938 г. трудился в механической мастерской АКО в Петропавловске. С августа 1939 г. жил в селе Мильково, работал в АКОснабторге, был плотником, продавцом, затем заготавливал лес, сплавливал его по реке Камчатке для Мильковского рыбокооп. 5 ноября 1940 г. назначен заведующим продовольственным складом, с 29 декабря 1941 г. был бухгалтером Долиновской торговой базы, в марте 1942 г. переведён бухгалтером в Средне-Камчатскую торговую базу.

5 июля 1943 г. по мобилизации призван в Красную Армию Усть-Камчатским районным военкоматом. Направлен в 69-й геодезический отряд, до ноября 1943 г. был стрелком топографической части. От с. Щапино Мильковского района в горах прорубали просеки и ставили вышки от двадцати до сорока метров высотой, вели наблюдения.

Затем был отправлен в действующую часть, в 72-й стрелковый полк, в лыжный десантный батальон, в г. Брянск, где служил до мая 1944 г. После очищения города от оставшихся немецких солдат направлен на учёбу на курсы санинструкторов. В мае 1944 г., после прорыва блокады, переведён в 386-й полк в Ленинград, служил в санитарной

роте. Наш полк наступал на Финляндию и с боями взял г. Выборг. После пополнения отсюда полк был переброшен на 2-й Прибалтийский фронт и завершил войну в г. Либаве, оттуда переведён в Гороховецкие лагеря. Сверхсрочно служил в этом же полку писарем до 18 ноября 1945 г. Затем демобилизован и прибыл на Камчатку.

В марте 1946 г. поступил в Мильковский рыбокооп заведующим складом. 1 апреля 1946 г. назначен заведующим Долиновской базой по совместительству. Затем был мастером по строительству и ремонту, а в 1971 г. вышел на пенсию.

Награждён медалью «За победу над Германией», орденом Отечественной войны 2-й степени, юбилейными медалями.

13 марта 1995 г.

КОКМ ОФ 34348/22. Рукопись

...В 1932 г. в Крутобереговском рыбокомбинате на 2-й базе работал бригадиром невода. Угля нам не завезли. Я случайно в небольшой реке под сопкой обнаружил пережат, который оказался не каменным, как считали, а из угля, похожего на сучанский. Вот его я добывал и ловил рыбу. Мы были учащиеся, шесть человек из ФЗУ и шесть человек учителей из рабфака Владивостока, и двое не учащихся. Это вместо полагавшихся двадцати пяти рыбаков на невод. Мы, четырнадцать человек, ловили рыбу, у нас было двое синдо — японцы. Из найденного мною угля добыли примерно тридцать тонн, шесть пятитонных кунгасов. Рыбы выловили 199,9 % плана, за что мне присвоили звание «Ударник четвёртого завершающего года пятилетки» и дали три премии: базовую, центральной базы и областную. Но документов ударника у меня нет. Когда был на фронте, жена не сохранила все бумаги с 1932 по 1936 г. Трёхлетний сын добрался до них и всё изорвал, пока жена была на работе...

В зиму с 1932 на 1933 г. выращивал черемшу в двух палатках, каждая десять на двадцать и два метра высотой. В 1933 г. был направлен от комбината в пионерский лагерь в с. Соболево, потом плотничал, был продавцом, в 1935 г. замещал заведующего промысловой базой...

29 марта 1995 г.

КОКМ ОФ 34348/22. Рукопись

Килипенко Николай Владимирович

Родился 1 февраля 1924 г. в г. Туапсе Краснодарского края. Окончил семь классов. В 1939 г. поступил на завод «Главнефтемаш», трудился там до июня 1942 г., затем был призван в армию, попал в 869-й стрелковый полк.

Отправлен в Бакинский военный округ, а через два месяца попал за границу, в Иран. Там меня зачислили в 90-ю отдельную стрелковую бригаду, был связистом с 1942 по 1944 г.

В 1943 г. в г. Тегеране готовили почву к Тегеранской конференции, охраняли её.

После отъезда Сталина в СССР меня оставили там. Штаб нашей части находился в г. Казвине. В 1944 г. тех, кто имел семиклассное образование, снова направили в Баку, а оттуда — в г. Кировабад, в военное пехотное училище. Здесь я учился с 1944 по 1945 г.

В 1945 г. нам сказали, что учиться надо ещё один год. Я отказался, поэтому получил звание старшины. Меня отправили в Ленинград, а оттуда перевели в Финляндию. На её территории находилась военно-морская база Порккала-Удд. Часть, в которой служил там, — 906-й отдельный стрелковый батальон.

Служил старшиной 1-й роты с июля 1945 по март 1947 г. Затем меня демобилизовали, и я вернулся на родину, в г. Туапсе.

Продолжил работу на том же заводе, что и до войны. В 1954 г. по вербовке уехал на Камчатку, в трест «Камчатлес». Трудился в Щапинском, потом в Атласовском и Мильковском леспромхозах водителем лесовозов, позже до 1985 г. был крановщиком.

Уйдя на пенсию, четыре года продолжал трудиться во вневедомственной охране. Дальше работать по состоянию здоровья не смог, так как я — инвалид 2-й группы, сердечник, ноги отказываются ходить...

8 апреля 1995 г.

НВФ 3998/18. Рукопись

Комаровских Виктор Ильич

Родился 26 января 1918 г. Призван на службу в 1939 г. в 5-ю морскую пограничную школу НКВД младшего начальствующего состава (Управления пограничных войск НКВД Ленинградского округа. — *Ред.*), которую окончил в октябре 1940 г. в звании командира отделения мотористов.

Ещё будучи курсантом школы исполнял обязанности командира отделения, взвода. По окончании школы все мы были расписаны по разным флотам. Я был направлен в 60-й ордена Ленина морской пограничный отряд, где служил в 22-м дивизионе сторожевых катеров (ДСК) на пограничном катере ПК-12 командиром отделения мотористов в звании старшины 1-й статьи.

Демобилизовался в июне 1946 г. по указу Президиума Верховного Совета СССР от 25 сентября 1925 г. и постановления Совета Министров от 16 апреля 1946 г. № 341. После демобилизации уехал на родину в г. Халтурин (ныне г. Орлов. — *Ред.*) Кировской области. Все эти годы работал на хозяйственной и выборной советской работе. Был директором райпищекомбината, председателем райпотребсоюза, заместителем директора фабрики культтоваров. С этой должности в феврале 1978 г. вышел на пенсию. Награждён медалями «За победу над Германией», «За победу над Японией», орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», «Ветеран труда», юбилейными, знаком «Отличник соцсоревнования». Член КПСС с июня 1943 г.

Мне пришлось участвовать во взятии Курильских островов. Тогда я служил в 22-м ДСК на ПК-12 командиром отделения мотористов. Наш дивизион входил в отряд охраны десанта. При переходе из Авачинской губы до Курильских островов мы курсировали вблизи каравана.

Нам была поставлена задача: охранять идущий караван от вражеских самолётов и подводных лодок. Переход от Петропавловска до Курил был для всего личного состава

дивизиона очень тяжёлым. Но благодаря нашей очень хорошей натренированности, хорошему знанию своего дела, своей специальности, знанию обязанностей по замещению других должностей (расчётов) мы с честью выдержали этот сложный поход.

В нашем экипаже все краснофлотцы и старшины прослужили по шесть-восемь лет. За весь срок службы, до Курильских событий, я не помню, чтобы с ПК-12 кого-либо перевели в другие подразделения, не нашего дивизиона. Из офицеров в 1944 г. взяли от нас техника-механика лейтенанта Василия Ивановича Левашова.

Вместе со мной на ПК-12 служили в БЧ-5 командир отделения мотористов Кузьма Васильевич Лобаев, моторист Полынских, командир отделения электриков Мартыненко. Из других боевых частей помню командира отделения рулевых Петра Васильевича Олиференко, командира отделения связистов Николая Ивановича Осипова, комендоров Чернышёва и Рыбина, кока (повара) Ивана Харченко.

В период высадки десанта на остров Шумшу у нас тоже была горячая пора. Все боевые части работали с напряжением и слаженно. Приказы командира исполнялись чётко и своевременно, боевые расчёты у пушек и крупнокалиберных пулемётов были внимательны.

Боеспособность катера, сторожевика, как мы его называли, во многом зависела от слаженной работы механической боевой части (БЧ-5). Следовало быть предельно собранным, своевременно выполнять приказы по изменению режимов работы моторов. Случалось, что с форсированного хода вперёд нужно было давать полный назад. Такие команды следовали при маневрировании под обстрелом и бомбёжкой японцами нашего катера или при возникновении угрозы столкновения с другими судами. Как показал ход событий, наша БЧ-5 с этим успешно справилась.

При высадке десанта дивизион выполнял задачи по недопущению вражеских самолётов до обстрела и бомбёжки наших судов с войсками и техникой и предотвращения прорыва в залив подводных лодок врага. Наши акустики бдитель-

но несли службу у своих аппаратов. При высадке десанта мы ставили дымовые завесы.

Припоминается такой случай. Когда туман немного рассеялся, на наш ПК-12 налетели японские самолёты, стремясь нас потопить. Личный состав катера не растерялся, сумел поставить заградительный огонь, тем самым не дал возможности добиться прямого попадания. Японцы, не достигнув своей цели, были вынуждены улететь. Но через короткое время два самолёта снова зашли на нас, полетели снаряды и бомбы. Благодаря хорошей манёвренности мы смогли уклониться от них и сбить огнём пушек и крупнокалиберных пулемётов один японский самолёт. Он упал в воду и затонул.

Об этом хорошо помнит Пётр Васильевич Олиференко, он в то время был командиром отделения рулевых и находился на своём боевом посту, ныне живёт в Запорожье. Я не знаю сейчас, кого выделить из нашего экипажа, все достойны похвалы.

Вспоминаю самое напряжённое время для нас, находившихся в машинных отделениях. Это когда японцы вели интенсивный огонь по нашему и другим кораблям. Ты, видя через иллюминатор всплески и водяные столбы от снарядов и бомб, думаешь: вот сейчас накроют тебя прямым попаданием, кончится и твоя жизнь, и всей команды. Так случилось с катером ПК-8 нашего дивизиона.

Нужно было высадить на берег командира второго эшелона десантных сил полковника Артюшина вместе с группой офицеров. Вначале предполагалось, что сделает ПК-12, но поскольку исполняющий обязанности командира дивизиона, начальник штаба капитан-лейтенант С. Ф. Скрыбин находился на ПК-8, то эту задачу было приказано выполнить командиру этого катера старшему лейтенанту Федченко. Ему следовало подойти к сторожевому кораблю «Дзержинский», принять с него командование десантной группы второго эшелона и доставить на остров.

Командир катера по распоряжению полковника пересадил их всех на корму подходившего к берегу десантного

судна, затем катер ПК-8 направился в распоряжение командующего высадкой для выполнения последующих задач. Но, увидев, что японское орудие открыло огонь по носовой части десантного судна, понял, что при дальнейшем движении судна кормовая часть попадёт под обстрел, и полковник Артюшин со своей группой будет уничтожен. Тогда командир ПК-8 принял решение: выполнить отвлекающий манёвр. По его приказу катер, рванувшийся на форсированном ходу вперёд, принял огонь японского орудия на себя.

В это время полковник Артюшин со своими офицерами благополучно перебрался на берег. К прицельному огню японского орудия присоединились другие огневые точки, и при перекрёстном обстреле ПК-8 получил прямое попадание снарядов в бензоотсек и в машинное отделение, где находился баллон со сжатым воздухом. В результате возник пожар, который потушить не было возможности, да и корпус получил серьёзные повреждения. Было убито несколько человек. Находившийся на ПК-8 начальник штаба, исполнявший обязанности командира дивизиона, капитан-лейтенант С. Ф. Скрыбин с оставшимся в живых личным составом оставили объятый пламенем катер, вплавь добрались до берега и влились в ряды десантников. Будучи ещё в воде, оставшиеся моряки катера видели, как тот взорвался и затонул.

Экипаж ПК-8 вместе со своим командиром старшим лейтенантом Федченко ради общего дела не пожалели своих жизней и внесли бесценный вклад в разгром японских войск на островах. Они навсегда остались в памяти участников десанта.

Оставшиеся живыми моряки катера, способные к бою, помогли добраться своим раненым товарищам, в том числе и капитан-лейтенанту Скрыбину, до берега. Они не осрамили честь моряка-пограничника, которая воспитывалась на протяжении всей службы. Они и на берегу в составе сводной роты пограничников сражались до полной победы над врагом.

При взятии Курильских островов наш дивизион потерял пограничный катер ПК-8. Было преодолено много всяких препятствий, но моряки-пограничники помогли обеспечить высадку десанта, и бой был выигран.

Я, как участник освобождения Курил, счастлив тем, что и мне довелось внести посильный вклад в разгром ненавистного врага.

После взятия островов Шумшу и Парамушир пограничникам пришлось наводить порядок на них. Здесь ещё оставались одиночки японцы-смертники, которых нужно было выловить. Этим занимались сухопутные подразделения, нам же, морским пограничникам, поставили задачу охраны прибрежных вод островов и Камчатки, закреплённых за нами. Мне хочется вкратце остановиться на том, в каких условиях приходилось пограничникам и другим воинским подразделениям нести боевую службу в то время.

Японская военщина вела себя по отношению к нашей стране провокационно. Районами таких провокаций были прибрежные зоны Камчатки. Мы находились в постоянной готовности к встрече с нарушителями нашей границы и браконьерами, ловившими рыбу и бившими морского зверя в советских водах.

Некоторые моряки-пограничники прослужили по четыре года, им предстояла демобилизация, но началась война с Германией, и им пришлось служить до 1947 г., уйти домой в звании старшего краснофлотца, самое большее — старшины 2-й или 1-й статей.

После Курильских событий к нам начало поступать молодое пополнение, началось перемещение по службе и присвоение званий. Это происходило в октябре 1945 г. Тогда мне тоже присвоили звание старшины 1-й статьи. На ПК-12 мне было поручено проводить политзанятия, а с сентября 1946 г. я был секретарём партийной группы.

Говоря о провокациях японской военщины, хочется вспомнить несколько случаев, произошедших ещё до войны с Японией. Два сторожевика нашего дивизиона, ПК-7 и ПК-10, несли службу по охране морской границы. Их обстреляли

два японских самолёта, один из них был сбит нашими комендорами, но и ПК-7 получил повреждения и потери личного состава. На нём погибло восемь человек. В их числе: командир 22-го дивизиона капитан 3-го ранга Никифор Игнатьевич Бойко, старшины 2-й статьи Сергей Фёдорович Гаврилкин, Сергей Андреевич Андриянов, Пётр Яковлевич Тихонов, старшие краснофлотцы Василий Иванович Крашенинников, Андрей Иванович Зимерёв, Алексей Петрович Дубровкин, Василий Иванович Калягин. Все они похоронены в братской могиле на нашей базе на берегу Солёного озера в Петропавловске. В честь командира дивизиона в районе Солёного озера названа одна из улиц — улица Бойко.

Второй случай. Два сторожевика — ПК-9 и ПК-12, на котором служил я, охраняли морскую границу и зашли в устье реки Жупановой чтобы пополнить запасы пресной воды. В это время два крупных японских военных корабля загородили выход нашим катерам из речки. Японцы выслали на шлюпке парламентёров с пакетом, но наше командование его не приняло, отказавшись вступать в какие-либо переговоры. Таких примеров можно привести много.

За время несения службы по охране морской границы нам приходилось много задерживать в наших водах японских шхун, зашедших туда под видом рыбаков, потерявших ориентацию в море или с неисправностями в моторе, в рулевом устройстве, то есть по всяким вымышленным причинам. На самом деле зачастую они прибывали со шпионскими целями. Задерживались и шхуны с браконьерским уловом рыбы и убитым в наших водах зверем. При взятии в плен на островах Шумшу и Парамушир японских офицеров, как сухопутных, так и морских, у них обнаружены карты Камчатки с нанесёнными важнейшими объектами и даже со схемами нашей обороны.

Случалось и непредвиденное. Так, однажды ПК-8 и ПК-12 находились в дозоре. Поднялся очень сильный ветер, пошёл дождь, разыгрался шторм. Видимость стала нулевая, но мы успели и сумели зайти в бухту и встать на якорь. Но и здесь

непогода нас не обошла. У ПК-8 не выдержала якорная цепь, катер начало бросать на волнах, и при отсутствии видимости его навалило на наш ПК-12, причём удар пришёлся носовой частью в левый борт носового машинного отделения. В результате удара мы получили довольно значительную пробоину, повредили переборку с бензоотсеком и восьмиместным кубриком.

Всё это произошло ночью, когда моряки отдыхали. На вахте стояли два человека: дежурный и вахтенный, находившиеся на мостике. От сильного удара вся команда проснулась, дежурный сыграл боевую тревогу. Я с командиром отделения мотористов Лобаевым, командиром электриков Полыхиним, мотористом Полынских, забрав одежду и быстро спустившись в машинное отделение, увидели пробоину, через которую хлестала вода. Быстро запустили главные моторы и вспомогательные с откачивающими насосами. Вскоре убедились, что производительность насосов меньше, чем поступление воды. Нужно что-то предпринимать. Специальная группа, созданная для аварийных работ, начала заводить пластырь, то есть специальный брезент. Воды стало поступать меньше, но насосы всё ещё не справлялись с её откачкой. Тогда возникла мысль: а что если для охлаждения главного мотора взять воду не из-за борта, а прямо из машинного отделения? Тогда мотор тоже будет откачивать воду. Но для этого нужно закрыть кингстон, открутить гайку, освободив от него всасывающую трубу. С этим предложением я обратился к механику, он одобрил, и я начал действовать, переключив забор воды на машинное отделение. Она стала убывать. На заделке пробоины были заняты: командир отделения мотористов Кузьма Васильевич Лобаев, моторист матрос Полынских, старшина группы мотористов Мартыненко и аварийная группа из личного состава верхней палубы.

Когда пробоину заделали, и поступление воды стало незначительным, я снова перевёл свой правый мотор на охлаждение через кингстон из-за борта. Ещё оставался затопленным восьмиместный кубрик. По аварийному расписанию

в случае его затопления открывать откачивающий вентиль должен был старший краснофлотец Василий Рыбин, но он участвовал в заводке пластыря и весь продрог от дождя и ветра, но всё равно спустился в воду. С первой попытки ничего у него не получилось, не хватило запаса воздуха в лёгких. Он снова просился нырнуть, но, видя его состояние, этого не разрешили, боясь за его здоровье.

Я уже писал, что у нас была отработана взаимозаменяемость. Вторым по расписанию значился я. В машинное отделение спустился боцман и обратился к механику, чтобы тот разрешил спуститься мне. Получив разрешение механика, я пошёл открывать вентиль, что смог сделать лишь со второй попытки. Насосы стали откачивать воду из кубрика.

С рассветом, когда погода немного улучшилась, мы получили разрешение командования дивизиона и отряда прибыть на базу. Туда пришли своим малым ходом под кормовым мотором. Наш ПК-12 поставили в ремонт.

Служба у морских пограничников была, с одной стороны, трудной, но с другой — интересной. А почему интересной? Да потому, что не однообразной, каждый день отличался от другого, особенно если находились в походе по охране морской границы. Наши катера по тому времени были быстроходными, под тремя моторами развивали скорость до двадцати пяти узлов. Ни одна японская шхуна от нас уйти не могла.

В то время в прибрежных водах водилось много разного морского зверя, а сколько было рыбы! Когда она шла на икрометание, то в устьях рек и речушек не было видно дна, одна рыба кишела, как будто кто-то её загнал туда силой. А какие в открытом море плавали кашалоты! Бывали случаи, когда они довольно близко подходили к берегу. Однажды стояли мы в одной открытой бухте в дозоре. Буквально в нескольких метрах от борта всплыл кашалот, своей величиной превышавший наш ПК-12. Все высыпали на верхнюю палубу и не на шутку забеспокоились. Думаем, если ещё ближе подплывёт и захочет почесать свой бок о наш борт, то может нас и перевернуть. Все стали кричать, чтобы он

отошёл от нас, нашлись и смельчаки, готовые выстрелить по нему, но он на это даже не откликнулся. Ему это, наверно, что слону комариный укус. Всё завершилось благополучно, кашалот ушёл в открытое море.

Мы видели целые лежбища сивучей, нерпы, этих красивых морских зверей. А какая красота посмотреть на диких баранов, на их рога, как эти животные бегают по скалам! А какие красавцы олени! Нам приходилось бывать в Кроноцком заповеднике. Живёт по побережьям Камчатки рыжая лиса, но она отличается от материковской красноватой шерстью, любит питаться рыбой-корюшкой. У кого есть желание посмотреть на лисьи повадки, тому нужно попасть на берег после отлива, тогда она лакомится рыбкой на берегу.

Много на Камчатке бурого медведя. Это очень интересное животное, особенно медвежата, которые живали у нас на борту, одна с ними потеха. Много встречалось птичьих базаров, на которых тоже приходилось бывать. А какая богатая растительность, сколько ягод, грибов...

С удовольствием ходили из Петропавловска на лыжах на горячие источники в Паратунку. В то время там никаких построек не было, придёшь, искупаешься и обратно. В общем, есть, о чём вспомнить.

Не случайно японским империалистам хотелось завладеть богатствами Камчатки, Курил, да и всего Дальневосточного края...

24 апреля 1991 г.

БН. Рукопись

Косыгин Василий Николаевич

Я родился 13 января 1925 г. в семье рыбака-колхозника Николая Константиновича Косыгина в с. Усть-Тигиль. Его название, как и множества других таких же, вряд ли помнит кто-нибудь даже в родном районе, например, таких, как Седанка, Кинкиль или Кахтана. Их уже нет, разве что археологи когда-нибудь обнаружат их следы на земле.

Отец рыбачил, артель-то в селе была рыболовецкая. Мать — Александра Ксенофоновна — обрабатывала рыбу, зимой работала дояркой. Зимой отец каюрил, у него было двенадцать собак и нарты, вот он и возил пассажиров да почту от села к селу. Он был одним из лучших каюров, объездил всю Камчатку, Чукотку и север Магаданской области. Может быть, потому его в тридцатых годах и пригласили проводником-каюром сопровождать трупку Московского кукольного театра Сергея Образцова в гастролях по северо-восточным районам Дальнего Востока.

Село наше было небольшим, располагалось в устье реки Тигиль, состояло из двух-трёх десятков домов. Самым ближайшим селением к нам был райцентр, в сорока пяти километрах, а дальше — на сотни вёрст ни души. Правда, рядом размещалась японская рыболовная концессия, но люди на ней появлялись только летом. Оттуда мы и снабжались продуктами в обмен на пушнину. Мать рассказывала, что когда я заболел воспалением лёгких, то пришлось звать японского фельдшера. Он посоветовал закутать меня в простыню, смоченную в спирте, и это меня спасло. За это ему заплатили соболями.

Конечно, всё изменилось с приходом советской власти. В нашем приморском сельце появилась рыболовная артель и моторно-рыболовная станция. Занимались зверобойным промыслом, добычей рыбы, зимой — пушного зверя. В семье нас было трое: старший брат Иван умер в десятилетнем возрасте. Ему требовалась операция, а хирурга не нашлось. Школы не было, учиться нас, тех, кто достиг школьного возраста, отвозили в райцентр, в интернат.

В 1937 г. мама серьёзно заболела, и ей дали направление в больницу областного центра, в Петропавловск. Летом она уехала на пароходе, поселилась у бабушки и вытребовала нас к себе. Отец в начале зимы посадил детей на нарту, и мы отправились в долгое путешествие по западному берегу Камчатки от села к селу в областной центр. У отца тут было много родственников, и мы вначале поселились в с. Сероглазка, где отец устроился старшиной катера моторно-

рыболовной станции. Затем мы перебрались в с. Халактырка, где с помощью родственников купили полдома. Родители определились в колхоз, а я поступил учиться в городе сначала в школу имени Толстого, потом — в школу имени Горького. Из их стен вышло много достойных людей. Жил у бабушки, её дом стоял на улице Ленинской, 71, на берегу ковша. Из окон виднелись причалы, разгружавшиеся суда, так что море и тут не отпускало меня.

Город перед войной был застроен двух-трёхэтажными домами, кирпичных было немного. Состоял, как теперь говорят, из трёх микрорайонов. Сам «город» — в седловине между сопкой Никольской и горами, на отшибе был посёлок Судоверфь, к нему сквозь заросли и лес вела просёлочная дорога. На склонах Мишенной сопки уже тогда разрастался АКОпосёлок, к началу войны он намного превосходил старый город по количеству жителей. Ещё было село Сероглазка, где и располагался колхоз с моторно-рыболовной станцией. Одно время в этом селе не было пекарни, и хлеб возили на лодках по бухте. Этим занимался и мой отец.

Центр города состоял из улиц Ленинской (центральная), на которой располагались все государственные учреждения, Красинцев, Советской, Партизанской и двух Нагорных (одна над другой). Надо сказать, что все микрорайоны города были связаны между собой слабо, жили обособленно. Правда, между ними уже появились дороги, и к началу войны пошли первые автобусы.

Война изменила весь уклад жизни. Город посуровел, по улицам перемещались патрули, военные и народной дружины (ополченцы). Карточная система снабжения продуктами сделала нашу жизнь аскетической, полуголодной: 400 граммов хлеба на иждивенца, 600 — на работающего. Грузчики в порту получали 1 200 граммов в день. Постепенно карточная система охватила всё, чем питались горожане. К примеру, в столовой, к которой прикрепили студентов морьбтехникума (а в 1942 г. я поступил туда на первый курс судоводительского отделения), на обед по талонам давали

жареную камбалу и горсть солёной черемши, которые ели без хлеба, так как свои четыреста граммов мы уничтожали сразу же у магазина.

Все старшие школьники были записаны в отряды народного ополчения. Вечерами, после уроков, занимались военным делом. Наш техникум перевели на военное положение, у входа каждого встречал вахтенный со штыком в ножнах на поясе. Студентам выдали морскую форму, чем мы в небольшой степени гордились. Естественно, всё обучение так или иначе связывалось с военной подготовкой, даже изучение английского языка — с военно-морской терминологией.

Надо сказать, что в предвоенные годы я входил в актив лыжников города, участвовал во всех соревнованиях на разные дистанции, особенно увлекался горнолыжным спортом, окончил курсы инструкторов лыжного спорта, и меня прикрепили к коллективу городской больницы. Там я обучал медсестёр и врачей основам лыжной подготовки. Занимались вечерами, после работы. Было мне шестнадцать-семнадцать лет, но я уже состоял членом комитета комсомола техникума и горкома комсомола. И однажды меня включили в лыжную команду города для участия в гонках на пятьдесят километров. В юности всегда кажется, что, мол, и море по колено. И я с азартом стал готовиться вместе со своими школьными друзьями Виктором Кариусом и Евгением Дегтярёвым. Но подвело полуголодное питание, и где-то на тридцать восьмом километре трассы я упал в обморок, домой меня доставили на дровнях.

В первый же год войны встал на военный учёт. Мать с двумя братьями и сестрой уехали в родное село на западном берегу Камчатки, отец остался со мной, чтобы проводить в армию. Эти проводы состоялись в апреле 1943 г. Так получилось, что из техникума я был призван один, а через полмесяца на его учащихся была наложена бронь, и мои товарищи успели окончить учёбу.

Попал я в 5-й отдельный горнострелковый батальон на Толстом мысу. После карантина нас, новобранцев, отправили в учебный стрелковый батальон, располагавшийся возле

Елизово. Через год нам присвоили сержантские звания и разослали по частям. Готовили нас жёстко, военному делу учили основательно. Меня направили в звании младшего сержанта в 1-й взвод 9-й стрелковой роты 373-го стрелкового полка. Готовились к боям, предполагая, что не сегодня, так завтра нас отправят на фронт, на Запад, тем более, что маршевые роты уходили туда регулярно.

Было тяжело, голодно, изнурительно. Особенно запомнилось одно тактическое учение в апреле 1944-го. Шёл шквальный мокрый снег с дождём, дивизия уже вышла на тактические учения. Мы были в полушубках, валенках, всё на нас промокло, а мы атаковали, стреляли, ползли по раскисшему от воды снегу, штурмовали «вражеские» укрепления. Так было постоянно, но это потом помогло нам в боях на Северных Курилах выжить и победить.

Я участвовал в десантных операциях при штурме острова Шумшу, на Парамушире, Онекотане и Харимкотане. Получил контузию, два лёгких ранения, в общем, отделался легко. Контузия сказалась в 1949 г. Меня положили в госпиталь, вначале в полковой, потом в дивизионный, затем долечивался в гарнизонном, в Петропавловске. Демобилизовался в мае 1950 г. Работал в Камчатнефтьгеологии, сначала в городе, затем в Воямпольской партии, оттуда обком партии отозвал меня на комсомольскую работу в штат окружкома комсомола. Затем был корректором и литературным сотрудником окружной газеты «Корякский большевик». По направлению окружкома партии направлен в Хабаровскую высшую партийную школу, окончил там газетное отделение, вернулся в окружную газету, был там заместителем редактора. Снова сказались фронтовые ранения, и меня направили на лечение в Боткинскую больницу в Москву. Там после курса лечения выдали документ, запрещающий жить и работать в районах Крайнего Севера. С ним пошёл в сектор печати ЦК КПСС, там получил направление в распоряжение Хабаровского крайкома партии. Меня направили в Хабаровский радиокомитет, там я и проработал до выхода на пенсию.

Коммунистом стал в апреле 1946-го, остаюсь им до сих пор. Член Союза журналистов с 1950 г.
КОКМ ОФ 34349/7. Рукопись

Последняя точка (очерк В. Н. Косыгина)

...Согласно договору с союзниками по антигитлеровской коалиции начался последний этап Второй мировой и эпилог Великой Отечественной войн. Войска Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов перешли границу с Японией и приступили к разгрому Квантунской армии.

Как известно, это произошло 9 августа 1945 г. В этот день по тревоге были подняты все боевые силы Камчатского укрепленного района, они вышли на боевые позиции, на которых предполагалось отразить вероятный десант противника. Наш 373-й полк, как и вся 101-я стрелковая дивизия, занял позиции в предместьях Петропавловска у подножья Авачинского вулкана, на Толстом мысу, прикрыв город со стороны океана.

Не прошло и восьми дней, как снова прозвучал сигнал боевой тревоги. Дивизия, полк за полком, двинулась к городу. Кажется, это было 16-го утром, в тёплый, безветренный августовский день. На привалах нам стало известно: идём в порт, садиться на корабли, предстоит бой. Но где, этого никто не знал, хотя и догадывались. Шли в клубах пыли, с приподнятым настроением, понимали: настало наше время, наш черёд.

К вечеру колонны втянулись на улицы Петропавловска, мы шли сквозь толпы горожан, пришедших нас проводить. У многих тут оставались родные, семьи, друзья, подруги... Мне, например, хотелось проститься со школьными однокашниками Семёном Шевцовым, Полей Поляковой, Марусей Косицкой или Дусей Потаповой. Из толпы нам что-то кричали, кого-то окликали, что-то протягивали... Нельзя было ничего разобрать, всё заглушали духовые оркестры,

игравшие марш «Славянка». Может быть, среди провожавших были и мои родственники или друзья по морскому техникуму, в котором я в 1942 г. перед призывом учился на судоводительском отделении. Кстати, буквально через неделю-две на наш техникум наложили «броню», и мои оставшиеся товарищи благополучно приобрели профессии судоводителей, механиков судовых установок, технологов рыбообрабатывающей промышленности. Это, если мне не изменяет память, впоследствии капитаны дальнего плавания Колесников, Вишняков, технологи Мария Косицына и Мария Теплова, Валентина Реброва, Виктор Копнев и многие другие, имена и фамилии которых, к сожалению, время стёрло из памяти.

Я тщетно искал взглядом среди провожавших кого-либо из них. Из строя выходить было нельзя, нас торопили, а как хотелось забежать хоть на миг в дом, где ты провёл предвоенные годы, в котором закончилось твоё детство и под сводки Совинформбюро началась юность! Мы шли, ещё не зная, кто из нас навечно останется под обелисками на Курильской земле, кто исчезнет в пучине прибрежных вод Охотского моря, а кто выживет, навечно сохранив в памяти эти августовские дни. Не зная, что они врежутся в память, отпечатаются в ней, как на гранитном обелиске: и не стереть их и даже не вырубить.

Да, августовские дни 1945-го словно разделили жизнь на две половины...

Мы шли, в большинстве своём восемнадцати-двадцатилетние, кто со школьной, кто со студенческой скамьи, кто из заводского цеха или из колхозного села. Но мы уже не были новичками в военном деле, нас хорошо подготовили с того времени, как мы надели свою форму, кто в 1942 г., кто годом позже или раньше. Старше нас были разве что командиры, успевшие повариться во фронтовом котле, в боях с фашизмом. Они щедро передавали нам свой опыт. Такими мы уходили из города на корабли. И каждый из нас искал взглядом лицо матери или отца, брата или сестры, может быть, соседа или соседки по парте...

Моих родителей в городе к этому времени уже не было, они ещё в первый год войны уехали в далёкое северное село, на родину. Однокашников тоже не было, они, как и я, служили в армии. Например, мой дружок Евгений Дегтярёв уже дрался с противником в небе над Маньчжурией. Других судьба разбросала по стране.

Наверное, среди провожавших был кто-то из знакомых. В Петропавловске в то время работали два госпиталя, к дверям которых в августовские дни 1945-го каждый день стекался народ: на них вывешивались списки погибших и раненых в Курильском десанте. Кто-то нашёл в одном из списков и мою фамилию, и в родное село полетела телеграмма о моей гибели...

К вечеру 17 августа посадка дивизии и приданных ей частей закончилась. Грузились мы в нескольких портпунктах Авачинской губы на обычные в то время торговые суда: «Туркмен», «Чапаев», «Буревестник», «Волхов», «Дальневосточник», «Красное Знамя», «Менжинский», «Москальво» и другие. Каждое сразу после погрузки уходило на рейд.

...Глубокий вечер. На судне в трюме сумрачно и тихо. Многие пишут письма домой, слышатся тихие разговоры, перешёптывания. С берега доносится передаваемая по радио мелодия песни «Прощай, любимый город, уходим завтра в море», и она как нельзя лучше соответствует нашему душевному настрою.

Каждый понимал, что, может быть, это его последний вечер, может быть, ему уже больше никогда не суждено увидеть своих родных. Ближе к полуночи, когда наша армада судов вышла за ворота Авачинской губы, на партийных и комсомольских собраниях нас известили о предстоящем, затем зачитали приказ, кажется, командующего 2-м Дальневосточным фронтом. Итак, наша задача: освободить от японских войск группу Северных Курильских островов. Первая цель — сильно укреплённые острова Шумшу и Парамушир, а затем и остальные.

Нам противостояла восьмидесятитысячная группировка противника под командой генерал-лейтенанта Цуцуми

Фусака, упрятанная, как оказалось впоследствии, в железобетонные укрепления. Я бы не сказал, что услышанное как-то притушило наш душевный подъём, какой мы испытали при посадке на корабли, но к нему добавилось ясное осознание опасности, нас ожидавшей. Конечно же, горячее желание достойно завершить начатое нашими старшими товарищами и нашими одногодками там, на Западе, не уменьшилось, хотя бы по одному тому, что, пожалуй, не было среди нас никого, у кого бы в битвах с фашизмом не погиб кто-то из родных, или же они все вместе. Вот ещё почему так сосредоточенны и суровы были лица моих товарищей — Гриши Калинина, Саши Таксикова, Павла Абрамова, Саши Туманина, Назара Кезлоха, Коммунара Говорина и других, имена и фамилии которых время уже стёрло из памяти. Рядом со мной два бойца — Овчаренко и Евстигнеев — чистили своё оружие. Оба, к сожалению, погибли на острове.

К утру 18 августа суда с десантом, пройдя Первым Курильским проливом, в крошечном тумане подошли к острову Шумшу со стороны Охотского моря. В этом тумане началась пересадка на десантные суда. Трудно описать волнение, охватившее нас при звуках разгоравшегося боя, который уже вела на вражеском берегу группа захвата, высадившаяся раньше нас. Она состояла из коммунистов-добровольцев Петропавловска и военных моряков. Наши десантные суда устремились к берегу. Метрах в трёхстах от него пелена тумана оборвалась, и перед нами открылась ровная излучина между мысами Кокутан и Котомари. Из многоамбразурных дотов на них по нам вёлся плотный пулемётно-артиллерийский огонь. Он вёлся и из глубины берега, там было несколько огневых точек и оборонительные рубежи противника. Так что море перед нами кипело от разрывов снарядов и мин, от пулемётных очередей. Наше судно шло сквозь этот лес разрывов, кто-то падал, сражённый пулей или осколком, кто-то пытался укрыться за надстройками.

Вдруг судно вздрогнуло: снаряд попал в машинное отделение, вспыхнул пожар. Раздалась команда: «Все за борт!»

До берега оставалось, может быть, метров сто, а может быть, и меньше. Прыгнув, я «столбиком» пошёл ко дну. Нащупав его ногами, с силой оттолкнулся и вынырнул. Автомат у меня был за плечами, и я смог свободно работать руками. Вскоре, почувствовав под ногами твердь, побрёл к берегу. По нему уже бежали навстречу вражескому огню сотни моих товарищей-десантников. Много их погибло. К примеру, когда я вынырнул, то рядом услышал отчаянный вскрик: «Мама!» Так погиб мой земляк Соболев, застенчивый паренёк, не любивший споров и стычек с товарищами. Пули и осколки доставали наших десантников на судах, на воде и берегу. У Твардовского есть стихотворные строки: «Люди тёплые, живые шли на дно, на дно, на дно». Они очень точно отражают увиденное мною.

Горели три или четыре самоходки из шестнадцати, остальные, благополучно доставив к берегу бойцов, уходили к кораблям за новыми командами. В тот день ещё девять десантных судов были повреждены огнём противника, погибло одно наше сторожевое судно. Моя попытка обозреть хоть бегло картину десантирования стоила мне дорого, а могла окончиться совсем плачевно. Едва я сделал шаг к берегу, как сбоку вырос столб воды и огня, я уловил лишь вспышку и провалился в беспамятство. Меня подобрал кто-то из моряков, плывших с горевшей баржи, и вытянул на берег. Очнулся через несколько часов.

На берегу бой разгорелся с новой силой, высаживалась новая волна десанта, и японцы непрерывно атаковали. Я совсем плохо видел и ничего не слышал, получив контузию. Но отделался легко — всего два небольших осколка попали в левую руку и правую ногу.

Как добрался до наших траншей, сейчас вспомнить не могу. Кажется, полз на четвереньках, пытался подняться, но кто-то меня упрямо пригибал к земле, меня тащили. Как вообще остался жив, непонятно, кто меня спас — не знаю. Запомнилась траншея, залитая водой по колено: шёл моросящий, переходящий в ливень дождь. Меня всего трясло, как говорят, зуб на зуб не попадал. Кто-то поднёс к моим

губам трофейную фаянсовую кружку со спиртом, и я выпил её до дна. Сразу стало тепло...

Все остальные дни и ночи помнятся смутно. Всплывают в памяти отдельные эпизоды, порой вне связи один с другим. Вот только то, что запомнилось. Огонь противника был плотным, многослойным, он вёлся из амбразур дота на мысе Котомари и из глубины, из дотов, трёх или четырёх. Мы залегли, казалось, надолго. Пули, осколки мин и снарядов доставали то одного из нас, то другого, и мои однополчане навечно застывали на Курильской земле.

В какое-то время огонь противника вдруг стих. Это справа от нас моряки, обложившие дот на мысе Котомари, добрались до его амбразур. Старшина 1-й статьи Николай Вилков после попыток забросать амбразуру гранатами, бросился и закрыл её своим телом. Он был коммунистом, как и его последователь — матрос Пётр Ильичёв.

Они оба своим самопожертвованием спасли жизни десятков своих однополчан и обеспечили успех атаки. К слову сказать, как мне рассказывали потом десантники, нечто подобное произошло и во время танковой атаки противника, когда со связками гранат бросилось под танки несколько военных моряков.

Но происшедшее на наших глазах так потрясло всех десантников, что наступило какое-то оцепенение. Вот в этот миг и поднялся наш командир, коммунист майор Александр Иноземцев. Он крикнул: «За нашу советскую Родину! За Ста...» Фразу он не закончил, рухнул, сражённый пулей вражеского снайпера. Но его клич подхватил замполит Деев, и десантники поднялись...

Все сейчас знакомы со снимком фронтового корреспондента, запечатлевшего где-то на Западном фронте политрука на бруствере окопа с пистолетом «ТТ» в поднятой руке, увлекающего бойцов в атаку. В такой позе и запомнился, остался в нашей памяти коммунист Иноземцев.

Или ещё такое. На второй или третий день десантная группа шла в атаку. Впереди было пространство, заросшее кедрачом-стлаником высотой не выше колена, а надо было

проскочить метров двести-триста под огнём противника. Наше движение стало замедляться, потому что по этому ковру быстро не побежишь. Вот в этот момент противник и использовал свой последний козырь — он бросил против нас свои танки. Их было около десятка, они двигались развёрнутым фронтом. Нам противопоставить им было нечего, кроме противотанковых ружей и гранат. Артиллерия к этому времени выгрузиться вся не успела, авиация помочь из-за низкой облачности тоже не смогла. Мы оказались с бронированным противником один на один. Пользуясь этим, японские танки уверенно, набирая скорость, двинулись на наступавших.

Цепи залегли, кое-где атакующие попятились. Я упал ничком в просвет между кустами кедрача. Рядом плюхнулся ещё кто-то, это был моряк. Заметив, что я несколько стушевался, увидев идущую прямо на нас бронированную машину, он как-то обыденно сказал: «Не дрейфь, браток, мы ещё с ними поспорим!» Он достал противотанковую гранату, я торопливо вытащил свою. «Ты лежи здесь, а я попытаюсь достать его с другой стороны», — сказал мой сосед и пополз в просвет между кустами.

Вражеские танкисты не могли видеть нас в кедраче. Когда до танка осталось метров двадцать, мы почти одновременно метнули гранаты. Моряк был сильнее меня, и его граната достигла цели первой, взорвалась под левой гусеницей. Танк развернулся, моя, чуть запоздавшая, угодила на моторный отсек, и он загорелся. Выскакивающих танкистов мы сняли автоматными очередями. Надо сказать, что расчёт противника на внезапность танковой атаки не оправдался. Десантники не растерялись, вражеские бронированные машины были уничтожены, и больше уже ничто не могло удержать наступавших. Мы пошли вперёд ко Второму Курильскому проливу, к военно-морской и военно-воздушной базам японцев, сметая по пути различные группы противника.

Кто-то может заметить, что я почти не упоминаю своих товарищей по роте, взводу. Уже говорил, что был контужен

и пролежал несколько часов на берегу в пункте сбора раненых. За это время наш батальон сместился в боевых порядках куда-то влево, и я попал в подразделения группы Иноземцева. Кстати, в 1943 г. он был моим первым командиром роты, когда я после призыва попал в учебно-стрелковый батальон. Родную же роту я разыскал уже на подходе к базам противника. К этому времени они уже были очищены.

Это было, кажется, 23 или 24 августа. Остров Шумшу был нами взят. За проливом возвышался другой остров, гористый, ещё более укрепленный, с многотысячным гарнизоном, хорошо оснащённым боевой техникой. За два дня перед этим во Втором Курильском проливе произошёл морской бой между нашими кораблями и японцами, так что пролив был очищен от вражеских судов, и мы могли беспрепятственно форсировать эту водную преграду.

Мы уходили с Шумшу, за который отдали свои молодые жизни тысячи бойцов и командиров нашего десанта. Только из группы захвата из полутора тысяч высадившихся остались в живых около трёхсот. А ведь несли потери и первый, и второй эшелоны, сопротивление противника было ожесточённым. Сейчас на местах боёв на островах Шумшу и Парамушир стоят на братских могилах обелиски и памятники. И лишь в круглые даты туда съезжаемся мы, оставшиеся в живых, но строй наш с каждой годовщиной становится всё меньше, ветераны уходят из жизни один за другим...

Накануне форсирования Второго Курильского пролива стало известно, что по приказу японского императора, подписавшего акт о капитуляции, войска противника складывают оружие. Нам оставалось только принять капитуляцию и выдворить пленных на большую землю, что и сделали, и занялись на возвращённой Родине земле обустройством своих военных городков.

Здесь, на Северных Курилах, мы захватили самоходные баржи противника, подготовленные для броска на побережье Камчатки, на бортах которых были написаны

места назначения: Халактырка, Озерная и другие прибрежные посёлки Камчатки...

1996 г.

КОКМ ОФ 34349/8. Рукопись

Меньшиков Афанасий Емельянович

Я родился 30 января 1913 г. в с. Уненкер Шилкинского района Читинской области. Из крестьян, русский. В Красной Армии с 1935 г., на фронтах Великой Отечественной войны — с 1941 г. Отличился при освобождении Лоевского района Гомельской области. 15 октября 1943 г. рота под командованием старшего лейтенанта Меньшикова форсировала Днепр, выбила врага из траншей, создав условия для переправы остальных подразделений.

В 1941 г. наша часть с Дальнего Востока была направлена на Запад, на Донской фронт под командованием К. К. Рокоссовского. Первый бой приняли на станции Грязи за освобождение Лоевского района Гомельской области. За форсирование реки Сож и проявленное при этом мужество я был удостоен ордена Отечественной войны 2-й степени. За то, что часто ходил в разведку за «языком», дважды награждён медалью «За отвагу».

После освобождения Белоруссии по приказу командующего фронтом К. К. Рокоссовского мы должны были форсировать Днепр по всему фронту. 15 октября 1943 г. командир батальона В. И. Нестеров дал приказ: обеспечить переправу роты. Под непрерывным огнём с большими потерями и огромными трудностями мы выбили противника с первого рубежа обороны. Враг отступил, мы продолжили наступать дальше, теснили его до второй линии обороны.

Связи с батальоном не было. Расставив роту по флангам и во фронт, я с ординарцем пошёл посмотреть, куда ведёт траншея, и обнаружил батарею немецких миномётов, бивших по нашей переправе. Я через ординарца вызвал взвод своих автоматчиков, они открыли огонь по батарее. Оставшиеся в живых немцы сдались в плен. Мы приказали

им развернуть батарею и открыть огонь по своим. После окончания обстрела всех немцев расстреляли, так как нужно было идти вперёд, занимать третью линию обороны.

Когда мы с командиром вышли на бровку дать команду «Вперёд!», недалеко от нас разорвалась мина, командира роты убило сразу, меня ранило в глаз, ординарца — в лоб, и нас вдвоём отправили в медсанбат, потом я попал на полгода в госпиталь.

За форсирование Днепра и закрепление обороны плацдарма на западном берегу реки указом Президиума Верховного Совета СССР 30 октября 1943 г. мне присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

25 марта 1982 г.

ККМГИ 17907. Рукопись

Мимоход Василий Александрович

Я... родился в семье крестьянина в с. Морозовка Погребщенского района Винницкой губернии 17 февраля 1921 г. Мой отец родился в 1890 г., мать Матрёна — в 1885 г. В семье было четверо детей. Я родился в 1921 г., брат в 1923 г., сёстры — в 1927 и 1932 гг. До 1931 г. мы жили на Украине, затем уехали на Камчатку. В те годы люди разъезжались кто куда или их высылали в Сибирь и на Дальний Восток. Было время сталинщины. Вот так я попал на Камчатку. Осенью 1940 г. был призван в Красную Армию, направлен в Хабаровск, в Амурскую флотилию, по специальности «водолаз». В декабре 1942 г. был отправлен на Запад. Но на фронт попал только в сентябре 1943 г. Проходил подготовку в г. Киржаче в воздушно-десантных войсках.

В ночь с 23 на 24 сентября 1943 г. в немецкий тыл высадились две бригады: 5-я и 6-я, всего шесть тысяч человек. Я служил в 5-й бригаде. При высадке погибло много бойцов и командиров. Наши самолёты сбивали из зениток и пулемётов. Командование намеревалось ударить противника с тыла десанниками, а с фронта — передовыми частями

и потопить немца в Днепре за три-четыре дня. Операция прошла неудачно. Днепр пришлось брать не за три-четыре дня, а целых два месяца — до ноября 1943 г. Операция сорвалась из-за неподготовленности. Обе бригады были разбиты и уничтожены почти полностью, не принеся никакого результата из-за большой разбросанности десантников — от пятидесяти до семидесяти километров друг от друга. При этом ожидалось, что разброс не превысит пятнадцать километров.

Мы имели питания сухим пайком на два дня, а тем, кто жив остался, пришлось растянуть его на два месяца. После выхода из тыла врага осталось всего восемьсот сорок семь человек из былых шести тысяч.

Я приземлился в районе г. Черкассы, недалеко от с. Русская Поляна. После высадки нас преследовали мотоциклисты и автомашины с немецкими солдатами. У нас имелось всего по два диска патронов и по одной гранате. С самолёта выбросили мешки с пулемётами и противотанковыми ружьями, миномёты, которых мы не нашли. Неизвестно, куда они попадали. Большая часть десантников имела не автоматы, а карабины. Патроны быстро закончились, остались мы безоружными, немцы могли только издеваться и расстреливать невооружённых солдат.

Высадили нас, можно сказать, на верную погибель. После приземления возле Русской Поляны собрались трое и ещё один раненый в ногу выше колена. Патроны были расстреляны ещё ночью 24 сентября, и мы этого раненого солдата таскали за собой трое суток рядом с немецкой передовой, находившейся в тринадцати километрах от г. Черкассы. Трое суток не имели возможности попить воды. Увидев деревню, решили зайти в неё, оказать раненому помощь, но нас обнаружили немцы, окружили на мотоциклах и захватили в плен. Допросили, как попали в их тыл. Затем мы находились под охраной в крестьянском доме. На вторые сутки немцы вручили нам штыковые лопаты и повели копать яму в соседнем огороде. Думали, что роем её для себя, но оказалось, нужна была эта яма для других целей: для

немецкого офицера, жившего у хозяйки, чтоб ему можно было прятаться от русской бомбёжки.

Через три дня нас отправили в станицу Крестиновскую, а затем в г. Умань, в лагерь военнопленных. Через некоторое время нас эшелоном повезли в Польшу, затем через г. Перемышль в Германию, недалеко от Берлина, километрах в сорока, название городка не помню. Здесь работали на одном из заводов, делали колючую проволоку. В декабре с завода бежал вместе с другом. За трое суток прошли всего километров тридцать пять и попались гестапо. Посадили нас в штрафной лагерь на шесть месяцев. Там занимались разбором разрушенных после американских бомбёжек домов, вытаскивали немецкие трупы. Потом перевели в гражданский лагерь, то есть к тем, кого угнали из России и Украины как гражданских, то есть мирных парней и девушек.

Работы выполняли разные. Не знаю, как произошло то, что нас двоих забрали, может, узнали, что мы не гражданские, а пленные солдаты? Нас посадили в тюрьму г. Кёльн. Ночные бомбёжки американцев заставили эвакуироваться, и нас осенью 1944 г. вывезли из тюрьмы в концлагерь Бухенвальд. Я находился там полгода, видел умирающих, трупы, которые утром на прицепах везли в крематорий. Бухенвальд находился недалеко от г. Веймар. На всю жизнь запомнил четырёхугольную трубу за воротами и четыре ряда колючей проволоки под высоким напряжением. Сколько лагерь существовал, ни одного побега оттуда не было, кроме как двое русских пленных бежали по канализационным трубам, но никто не знал, выбрались они или погибли. Тельмана (Эрнст, вождь германских коммунистов, казнён в Бухенвальде 18 августа 1944 г. — *Ред.*) в лагере уже не было, его расстреляли.

В лагере находились все нации: поляки, немцы, французы, итальянцы, американцы, русские лётчики и прочие. В середине апреля 1945 г. нас начали оттуда вывозить. Делали это для того, чтобы расстрелять на этапе. Измождённые люди по дороге падали, их пристреливали. Первыми гнали евреев, потом всех остальных. На ночь старались загонять

на мокрые лужайки. При падении десятки до утра застывали в воде. На этапе пленные ослабевали, тех, которые не могли идти, расстреливали в кюветах по обеим сторонам дороги. На третий день нас догнали американские танки и освободили. А ведь через несколько часов всех нас могли бы расстрелять!

После освобождения нам организовали лагерь, где мы ночевали и питались. Американцы нам помогали, но многие умерли, так как все были обессилены, начиналась дизентерия, заворот кишок. Затем американские власти приезжали в лагерь, предлагали ехать в Америку. Многие соглашались, их самолётами увозили в Америку. Наши власти говорили: возвращайтесь домой, на родину, вас ждут отцы и матери, жёны и дети! И вот мы шли пешком до Львова, а в России нас распределили кого куда. Меня — в шахту на Донбасс, кого — в Сибирь. Грузинов через три-четыре месяца всех отправили домой, а я в шахте проработал полтора года, благо то, что отец приехал с Камчатки с рыбой и меня спас. В тридцатых годах от Сталина бежали кто куда, а после войны он нас в шахты и в Сибирь отправил, сгноить. Он говорил, у меня нет пленных, у меня есть изменники родины. А чья вина, что генерал Власов сдал немцу армии солдат? А как получилось, что генерала Паулюса под Сталинградом взяли в плен? Бывает ли хоть одна война, где не было бы пленных?

Иной раз приходит мне мысль: пожил я на Камчатке шестьдесят лет, а какие богатства нажил? И вот нас осталось из трёх тысяч бойцов в живых сто семьдесят три человека. За что бились, не знаю. Где легло более двадцати миллионов человек?

В Умани рассказывали жители и пленные, что был выкопан большой котлован, где до 1942 г. находились военнопленные. Вот как их кормили: бросали в яму сырую картошку и свёклу или дохлую лошадь или корову, всё это съедалось сырым.

Когда нас в последних числах апреля освободили американцы, вот что мне запомнилось. Немецкая охрана нас

бросила и уехала на машинах. Недалеко от дороги стояли два или три дома бауэров. Мы ринулись во двор. Я успел схватить два яйца и задушил курицу, нашёл штук пять-шесть картофелин. Грыз картошку, съел яйца, а курицу, спрятав под куртку, принёс товарищам, которые не могли передвигаться. Они — кто травку ел, сползши с дороги, кто рожь, кто муку. Размешивая с водой, ели мучное месиво.

Запомнил, как хозяйскую свинью завалили человек пятнадцать. Она визжит, а они складными ножиками обрезают с неё мясо и едят. Увидев эту картину и услышав визг, американец с танка направился в эту кучу посмотреть, что происходит. Увидев всё это, что свинья мучается и визжит, вытащил пистолет, застрелил животное, а потом её голодные люди довели до конца — съели сырую. Многие умирали от этой еды.

Отдал курицу и высыпал муку. Вижу, позади нас километрах в полутора — село. Решил отправиться в него, видя, что оттуда идут люди, и давай выкатывать сыр, поднял и пошёл. Иду по кювету нагнувшись: если встретят такие же, как я, отберут. Но пронесло. Подхожу, стоит американский танк, вижу солдат. Думаю, попрошу хлеба, они меня поняли, один спустился в люк и вытащил две пачки галет. Я положил всё в мешок, добрался до своих товарищей. Рад, что у меня ничего не отобрали, сам наелся дорогой колбасы, сыру, без воды много не съешь.

Спросил, что сделали с курицей? Говорят, мы её съели сырой, побоялись, что у нас её кто-нибудь отберёт. Вижу: одни перья валяются, даже кишок не осталось.

Хочу ещё упомянуть о больших котлованах, выкопанных недалеко от ворот в лагерь Бухенвальд, слева. Там покоятся умершие пленные, которых не успевали сжигать в крематории. Мы их засыпали землёй и известью. В одном более тысячи семисот человек, во втором — полторы тысячи. Я могу показать это место. Мы сами засыпали эти трупы. Немцы, стоя с овчарками и видя, что плохо работаешь, сил нет, пускали собаку на человека, она его загрызала, здесь же его и засыпали.

Бежал из плена трижды, но безуспешно. Я до сих пор удивляюсь, как выжил? Хочется сказать, что мы говорили, что американцы — враг номер один для Союза. Но сколько они сделали для нас при освобождении от немца! Коснись войны, я не мог бы выстрелить в американцев, пусть он меня убил бы.

Я считаю большим счастьем, что мы, двое братьев, побывавшие на фронте, остались в живых. Я и он были на Западе. На Камчатке из состава 5-й бригады живу я один. Часто встречаемся в гг. Черкаassy, Канев, Марьино Роща, Киржач и Рязань.

НВФ 3878. Рукопись

Николкин Николай Платонович

Я родился в 1920 г. 26 февраля в семье батрака в дер. Шевелёвке Шкотовского района Приморского края. На Камчатку прибыл с семьёй в 1930 г. в Авачинский рыбокомбинат (Новая Тарья). До 1934 г. учился в с. Паратунка, затем в 1934 г. отца перевели на рыббазу «Моховая». Я учился в с. Авача. В 1936 г. поступил в педагогическое училище им. С. М. Кирова в г. Петропавловске-Камчатском. В 1937 г. окончил курсы радиотехников-радистов в Петропавловске, был практикантом, затем работал радистом в АКО и рыбном порту. В 1937 г. в порту был принят в комсомол. В сентябре 1940 г. призван в ряды Красного Флота, в Амурскую Краснознамённую флотилию (АКФ), 117-й гидроавиаполк, затем перевели в 18-й посёлок АКФ. В сентябре 1941 г. после неоднократных просьб был отправлен вместе с другими товарищами на фронт.

Все амурцы прибыли в октябре 1941 г. под Москву, в лагерь формирования бригад для фронта. Я вместе с товарищами из АКФ был направлен в 48-ю отдельную мотомеханизированную бригаду, здесь был зачислен в 3-й мотострелковый батальон. Бригада подчинялась непосредственно Ставке Верховного Главнокомандования. В ноябре 1941 г. бригада вступила в бои под Москвой на юго-западном на-

правлении. В первых боях освободили много деревень, в районах дер. Цыцыно, Сорокино и других бои затянулись. После них из мотострелкового батальона я как специалист — радист-слухач был откомандирован в штаб бригады на должность начальника радиостанции РСБ. В 1941—1943 гг. бригада воевала на Калининском, Смоленском, Брянском фронтах, Орловско-Курской дуге.

В 1943 г., после переформировки, 48-я бригада перестала существовать. После отдыха в расположении Тульских танковых лагерей под г. Загорском снова сформировали части. Остатки 48-й бригады были преобразованы в 17-ю мотомеханизированную бригаду и влиты в 4-ю танковую армию 1-го Украинского фронта.

Бригада вела тяжёлые бои. Полтора года наступления, контратак, обороны она не выходила из боевых операций. Особенно тяжёлыми были бои на Орловско-Курской дуге. В 1943—1944 гг. 17-я мотомехбригада, в которой я служил в должности начальника станции РСБ, затем старшиной стрелковой роты 1-го батальона, вела тяжёлые бои на Центральной и Правобережной Украине. Бригаде присвоили почётное звание гвардейской. В 1944 г., после госпиталя, меня направили в 18-й отдельный, затем ставший Львовско-Берлинским орденов Богдана Хмельницкого, Александра Невского и Красной Звезды, 6-й полк 4-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта. Здесь воевал командиром экипажа бронетранспортёра, вооружённого двумя пулемётами и радиостанцией.

По заданию командования армии, выполняя со своим экипажем боевые приказы особой важности, прикомандировывался к 10-му Добровольческому Уральскому танковому корпусу и 6-му механизированному корпусу в бригады и другие боевые единицы. В 6-м отдельном Львовско-Берлинском орденов Богдана Хмельницкого, Александра Невского и Красной Звезды полку 4-й гвардейской танковой армии воевал за освобождение Правобережной Украины, на Вислинском плацдарме, освобождал Польшу, брал Берлин, освобождал Прагу.

За время боевых действий и образцовое выполнение заданий командования бригад и армий был награждён орденами Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, медалями «За отвагу», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За победу в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

По окончании войны до 1946 г. был в действующей части в Венгрии. В июне 1946 г. демобилизован и вернулся на Камчатку, в рыбный порт, откуда и призывался во флот, на ту же должность.

В рыбном порту и рыбной промышленности Камчатки работал с 1946 по 1954 г. Был членом парткома порта, пропагандистом комсомольских кружков, заместителем директора базы Авачинского рыбокомбината, затем — в аппарате Главкамчатрыбпрома старшим инспектором отдела руководящих кадров. В 1954 г. по решению Петропавловского горкома КПСС направлен в строительные организации треста «Камчатрыбстрой» для укрепления партийной организации. С тех пор до 1981 г. избирался секретарём партийной организации строителей. В настоящее время работаю в Главкамчаткстрое в должности начальника АХО главка.

г. Петропавловск-Камчатский,
29 декабря 1984 г.

БН. Машинопись

Овчинников Алексей Иванович

Огромнейшее спасибо за то, что не забываете камчадалов (это я) и солдат — участников Курильской операции, где был и я. Тогда служил радистом при штабе 101-й стрелковой дивизии, впоследствии штаб Камчатского оборонительного района и далее 137-го стрелкового корпуса. Командиры: генерал-майор Дьяков и генерал-майор Алексей Романович Гнечко, который за Курильскую десантную операцию вручил мне на палубе тральщика орден Славы 3-й степени.

А сейчас о себе. Родился 28 марта 1925 г. в с. Юрьево Котельнического района Кировской области. Отец, мать, брат Николай (служил в 138-м стрелковом полку) и я приехали в Петропавловск-Камчатский в июне 1935 г. Мне было только десять лет, и мои воспоминания о городе и Камчатке всегда самые, самые хорошие. Тогда горожане жили в своих маленьких деревянных домишках, слеplенных из ящичных дощечек. Город был небольшой, с одной стороны заканчивался Култучным озером, далее шли посёлок АКО, Ближний совхоз, с другой стороны — посёлок Экипаж (там обитали моряки), жестянобаночная фабрика.

Мы жили в Ближнем совхозе. Первую зиму помещались в большой утеплённой палатке с печкой, в ней размещались шесть-восемь семей. Каждая «комнатка» от соседней отгораживалась ситцевой занавеской. По приезде отец в совхозе работал на заготовке сена на 17-м километре Елизовского шоссе. Был пильщиком на продольной пиле, а в 1936 г. сдал экзамен на шофёра. Мать была уборщицей в начальной школе совхоза, где я и учился до четвёртого класса, как и мой брат. Школа находилась в домике, где раньше располагался инкубатор-птичник.

С пятого класса учился в школе имени Толстого, а с седьмого — имени Горького (рядом находился городской рынок). Окончил восемь классов, а из девятого ушёл на курсы радистов при Акционерном Камчатском обществе. Через пять месяцев (опоздал на месяц) сдал экзамены, и трудился в посёлке АКО на радио, держал связь с западным и восточным берегами Камчатки (рыбоконсервные заводы от Хайлюли до мыса Лопатка), а также с Хабаровском, Владивостоком и Москвой.

16 апреля 1943 г. был призван в Красную Армию, стал наводчиком 82-миллиметрового миномёта в учебном батальоне, стоявшем на 23-м километре Елизовского шоссе. Прослужил мало, был переведён по спецсети в 279-й лёгкий артиллерийский полк на 6-й километр Елизовского шоссе радистом при штабе. В феврале 1944 г. направлен в штаб дивизии в радиороту, которая позже влилась в 134-й отдельный

батальон связи, располагавшийся в районе нынешнего дома Советской Армии (сейчас Дом молодёжи. — *Ред.*).

Для меня Петропавловск — это самый красивый город... Наш домишко стоял в Ближнем совхозе на улице Зеркальной, 38. На улице рос кедр, как и на Петровской сопке. Ходили купаться на Синичкино озеро. В окрестностях было много орехов и ягод. В детстве и юности бывал в Паратунке, Малках, Начиках, а когда служил — в командировках вместе с товарищами на лошадях от города до Мильково, от Петропавловска до Усть-Большерецка.

Начало войны нами было воспринято так же, как и всем народом нашего Союза. Взрослые работали, а мы учились в школе и военному делу. У каждого большого дома были вырыты щели-укрытия, город был затемнён, за этим следили. Камчатка и Петропавловск перешли на военное положение. Все новости передавались по радио. На площадях и в людных местах стояли громкоговорители. Лично слышал выступление В. М. Молотова по громкоговорителю, установленному у магазина в совхозе, где собрались все жители.

Молодёжь училась военному делу, осваивала пулемёт, винтовку, приёмы рукопашного боя. И старые, и юные готовились воевать, защищать свою Родину, что и пригодилось в дальнейшем. В начале войны на Камчатке было маловато воинских частей. В районе Петропавловска — 138-й стрелковый полк, 279-й легкоартиллерийский полк, 428-й гаубичный полк, батальон связи, авиадивизия, пограничники, моряки. Очень многие стремились на фронт, бить фашистов, но отпускали немногих, ведь под боком — Япония, а у неё уже подготовлена высадка в районе Халактырки. Кавасаки и другие суда на бортах несли это название.

Жители Камчатки, как и все народы нашей страны, неплохо помогали фронту бить фашистов. Выполняли планы по вылову рыбы, заготовке оленины, и всё это отправлялось на материк. Много было отправлено тёплых вещей в войска для наших бойцов. Все народы, населявшие полуостров, были настроены на победу и помогали всем, чем могли.

Самое яркое впечатление — День Победы...

Во время службы сдал экзамен на 3-й класс (ефрейтор), 2-й (сержант) и 1-й (старшина). Службу заканчивал в должности начальника радиостанции средней мощности (РСБ-Ф). После войны не раз участвовал в соревнованиях радистов корпуса, где занимал первые места и награждался подарками, был отмечен знаком «Отличный связист». 27 октября 1950 г. демобилизовался и уехал к родным, которые в 1948 г. перебрались в г. Никополь (Днепропетровская область, Украина. — *Ред.*). В начале 1951 г. уехал в г. Горький, работал радистом в Волжском грузопассажирском речном пароходстве. На курсах радистов вместе с товарищами готовил первых радистов для Волго-Дона. В 1952 г. уехал в Москву, в октябре поступил в «почтовый ящик» радиомонтажником, проработал до 1992 г. — сорок лет, и по старости уволили на пенсию...

Сентябрь 1994 г.

КОКМ ОФ 31389/11. Рукопись

Это стихотворение появилось в дни Курильской операции. Кто автор — не знаю. Может, сие произведение сумеете передать по радио или телевидению? Может, оно напомнит многим ветеранам те далёкие годы, когда мы были молодыми и красивыми солдатами нашей дорогой Родины — России-матушки? Если не успеете, то тогда — 3 сентября 1995 г., в День Победы над Японией.

Ветеран, бывший старшина-радист радиороты Камчатского оборонительного района, а также радиороты 134-го отдельного Полоцкого батальона связи 137-го стрелкового корпуса Алексей Иванович Овчинников. Переписал 4 апреля 1995 г., г. Москва.

Письмо от сына

*Здравствуй, родная!
С японского острова
На твои письма в ответ
Прими от сыночка, сокола ясного,
Низкий поклон и привет.*

*Мама, я шлю для тебя утешенье,
Сын твой живой и здоров.
Он, невредимый, закончил сражение
Против заклятых врагов.*

*Знаю, ты ночи без сна проводила,
Весточку сына ждала.
Знаю, на лоб твой глубокой морщинкой
Лишняя складка легла.*

*Знаю, приснится ли сон неприглядный,
К горлу подкатит комок.
Думаешь, жив ли родной, ненаглядный,
Уж не погиб ли сынок?*

*Поздно, ведь нет такой силы, какая бы
Русскую силу могла бы сломить!
Нет такой смерти, какая могла бы
Молодость нашу сломить!*

*Кончилась битва с японцами вскорости,
Смерть обойдя стороной.
Высушишь слёзы и сгладишь все горести,
Сын твой вернётся домой.*

*И на пороге, в объятьях сжимая,
Будет тебя целовать.
День этот скоро наступит, родная,
Добрая, старая мать.*

КОКМ ОФ 31389/27. Рукопись

Здравствуйте, Дмитрий Михайлович!

Спасибо огромное Вам за Ваши поздравления. Отвечаю на Ваши вопросы. Высланные мною погоны — это последние погоны моей службы, а в Курильской операции у меня был самый большой чин — ефрейтор. И ещё высылаю, но не знаю, будут ли они нужны, первую красноармейскую книжку, призывной документ и последний школьный класс в городе Петропавловске.

Дмитрий Михайлович! Можно ли ко дню 50-летия Победы передать от меня всем землякам-камчадалам, с кем учился, с кем работал на радиоузле АКО, с кем служил и с кем участвовал в Курильской операции, мои поздравления здоро-

вья, благополучия в жизни, огромнейшие приветище и поздравления с Днём Победы? Если можно по радио, или как сочтёте нужным. Заранее благодарю Вас, а также поздравляю с наступающим Днём Победы, здоровья Вам и благополучия в жизни.

С глубоким уважением, ваш земляк
по Петропавловску
Овчинников Алексей Иванович

КОКМ ОФ 31389/12. Рукопись

Павленко Алексей Денисович

...Нас посадили на пароход на судоремонтном заводе Петропавловска. Наша химическая рота была распределена по частям. Командиром роты у нас был старший лейтенант Авдеев, командиром взвода — лейтенант Волосевич, которого убили сразу утром 18 августа во время высадки на остров Симусю, первый от мыса Лопатки.

При подходе нашего каравана к острову в первую очередь начали высадку с десантных барж «ДС». На рассвете десантные баржи подошли к нашему пароходу, и нас пересадили на них и повезли к берегу. Там нас японцы встретили шквальным огнём. Баржа не дошла до берега метров сто пятьдесят, прозвучала команда «Вперёд!», и мы бросились в воду, кто с чем был. Выбрались на берег и сразу пошли в направлении на маяк по японским траншеям, которые они приготовили заранее. Маяк был окружён, а самураи сидели под землёй. После этого, когда уже стемнело, пришла команда: идти на берег, где шла выгрузка 45-миллиметровых пушек. Мы кто снаряды, кто пушки потащили на себе, три пушки. И вот по пути уже забрались на 171-ю высоту, где была очень большая битва.

Притащили одну пушку к маяку, поставили в укрытие, и артиллерист начал бить к ним прямо в двери дзота. Было светло, самураи молчали, как в рот воды набрали. Дело протянулось почти к двум-трём часам дня. Сначала пошли их танки, но мы отбили их атаку, и те, которые уцелели, вернулись

обратно. После этого смотрим, идёт к нам японская машина с белым флагом. Это был парламентёр, японский офицер. Он вышел из машины, подошёл к слуховым трубам и начал кричать, после чего подошёл к дверям дзота. Оттуда вышел японский офицер. Парламентёр предложил всем выйти из подземелья, и они тут же вышли, семьдесят три человека, которых мы увели на морской берег, где охраняли до утра, после чего их посадили на пароход и увезли в Петропавловск, где они в Коряках косили сено.

Мы перешли вечером за 171-ю высоту, которая была взята. Там окопались, как положено, и ждали приказа. На третий день он поступил: выйти на шоссе и следовать в Катаока. Там заняли офицерские казармы и стали отдыхать, а самураев согнали в лагерь, где их охраняли вновь прибывшие наши солдаты. Через четыре дня нас перевезли через пролив на японских десантных баржах, которые они называли «Халактырка», на остров Парамушир. На Парамушире было посажено очень много картошки, и вот мы их водили по двести пятьдесят человек на поля копать её. Строили они казармы для русских солдат, но не под землёй, а наверху, как положено...

г. Куйбышев, 15 сентября 1967 г.

ККМГИ 13949. Рукопись

Панков Александр Калистратович

Здравствуйте, дорогие десятиклассники 28-й школы Петропавловска-Камчатского!

Пишет вам ветеран войны Александр Калистратович Панков. Выражаю вам большую благодарность за труд и внимание, которые вы уделили, разыскивая меня. Большое спасибо за присланную книгу «Курильский десант», которую по вашей просьбе мне вручили на торжественном собрании.

Далеко позади остались те грозные годы, когда наша Родина, истекая кровью, сражалась с немецким нашествием и надёжно защищала дальневосточные границы от нападения японских империалистов.

Мне пришлось принимать активное участие в Курильской десантной операции, быть на передовой линии. Все медицинские работники трудились до изнеможения. Одни оказывали медицинскую помощь на поле боя, другие доставляли их в места сбора и на плавучий госпиталь, где круглосуточно проводились большие хирургические операции. Хирурги отдыхали только два часа в сутки, сменяя друг друга у операционного стола. Но вместить всех раненых корабль «Менжинский», где разместился госпиталь, не мог. Будучи загружен до отказа, он отплыл в Петропавловск-Камчатский. Сопровождала раненых часть персонала, продолжая в пути хирургическую деятельность, а остальные медицинские работники, в том числе и я, развернули свою деятельность на острове, где шли бои и появлялись всё новые и новые раненые.

Тыл был далеко, раненые надолго задерживались на острове в полевых госпиталях, но медицинские работники успешно справлялись со своими обязанностями, с их лечением. Отгремели последние залпы. Японцы капитулировали. Война закончилась. Пошли сложные годы восстановления разрушенного хозяйства.

После демобилизации я вернулся в свой родной город Ростов-на-Дону. Большая часть города была разрушена. На месте бывших красивых улиц и домов увидел сплошные руины, горы камней.

По приезду был назначен начальником отдела госпиталей инвалидов Отечественной войны, их было четыре, и два госпиталя для военнопленных. Затем по конкурсу был избран ассистентом на кафедру хирургии при Ростовском медицинском институте. С 1962 г. в течение двадцати лет был директором Ростовского научно-исследовательского онкологического института и одновременно продолжал хирургическую деятельность. Защитил кандидатскую, а затем докторскую диссертации. Присвоено звание профессора, заслуженного деятеля науки РСФСР. За эти годы моей деятельности все мысли и энергия сосредоточены на борьбе с опасной болезнью — злокачественными опухолями.

На этом поприще сделано много, опубликовано более двухсот журнальных статей, разработан ряд оригинальных операций, получено два десятка авторских свидетельств на изобретения и ещё больше на рационализаторские предложения. Подготовил четырёх докторов наук и тридцать кандидатов наук.

В настоящее время продолжаю трудиться в том же НИИ онкологии. По-прежнему продолжаю заниматься хирургией. В этом году награждён именным серебряным скальпелем с надписью «Дарующему жизнь» за более тысячи проделанных хирургических операций.

Желаю вам, дорогие ребята, чтобы каждый из вас сделал в жизни ещё больше, чем сделал я. Для этого нужно постоянно и много работать, не терять напрасно не только дни, но и часы. Этот год для вас всех — последний год учёбы в школе.

Желаю вам всем успешно окончить десятый класс и выбрать правильный путь в вашей жизни. Какую бы вы не выбрали профессию, её надо любить, а главное — нужны знания, которые вы можете получить в школе. Хорошее общее образование — это прочный фундамент в жизни.

Судя по всему, вы учитесь в очень хорошей школе. У вас хорошие учителя и наставники, которые направляют вас на добрые дела, и не сомневаюсь, что вы выйдете из школы хорошо подготовленными молодыми людьми. Цените и уважайте учителей, которые дают вам знания, желая видеть вас, своих учеников в будущем великими тружениками, мыслителями, творцами.

Я вас всех обнимаю и желаю успешной учёбы. Желаю поисковой группе успехов в выяснении данных о других участниках освобождения Курильских островов, не выясненных по настоящее время.

Мой сердечный привет директору школы Г. Н. Никифоровой, всем учителям вашей школы и сотрудникам областной библиотеки, которые помогли вам в розысках.

19 октября 1985 г.

КОКМ ОФ 31392/2. Рукопись

От редактора. В фондах музея имеется ещё несколько документов, касающихся жизни и деятельности А. К. Панкова. Вот письмо, написанное 26 августа 1994 г. его супругой, вернее, вдовой И. А. Панковой: «Многоуважаемый Дмитрий Михайлович! ...Получили Ваше письмо, спасибо за беспокойство. Мне приятно, что Вы занимаетесь временем нашей молодости. Александр Калистратович умер 23 ноября 1990 г., в день своего юбилея — восьмидесятилетия. Посылаю Вам фотографии и ответ на письмо, присланное школьниками 9 «Б» класса школы № 28 (от 29 ноября 1985 г.). Может быть, это поможет Вам в Вашей работе. Фотографии возвращать не нужно» [КОКМ ОФ 31392/1].

На пятничный день 23 ноября 1990 г. на 14.00 было назначено торжественное заседание учёного совета Ростовского-на-Дону научно-исследовательского онкологического института. Оно должно было проходить совместно с научным обществом онкологов Ростова и Ростовской области и посвящалось 80-летию со дня рождения и 63-летию практической, научной и общественной деятельности заслуженного деятеля наук РСФСР, заведующего отделением молочной железы, костей и мягких тканей, председателя правления научного общества онкологов Ростова-на-Дону и Ростовской области профессора А. К. Панкова. На повестке дня: «1. Вступительное слово директора Ростовского научно-исследовательского онкологического института профессора, доктора медицинских наук Сидоренко Ю. С. 2. Современные проблемы хирургического лечения злокачественных опухолей — заслуженный деятель науки РСФСР профессор А. К. Панков. 3. Приветствия» [КОКМ ОФ 31392/4].

Но случилось так, что юбилейный день уважаемого профессора стал траурным...

Переш Апполон Павлович
(из письма юным следопытам)

...Пётр Ильичёв и Николай Вилков были в нашем батальоне, оба они совершили героический подвиг. В критический момент боя рота автоматчиков под командованием старшего

лейтенанта Ивана Васильевича Кощея, ведя наступления против японцев у высоты 171,0 острова Шумшу, натолкнулась на жестокое сопротивление самураев. Они несколько раз ходили против нас в контратаку, а крупнокалиберные пулемёты дотов и дзотов и особенно двухамбразурный дзот не давали нам возможности продвинуться вперёд. Нужно было во что бы то ни стало заставить замолчать дзот, наносящий своим губительным огнём нам большие потери.

Вот замертво упал Семён Власов, выбыл из строя командир отделения Борис Орешкин. Рота залегла. Вдруг мы увидели: два моряка один за другим поползли вперёд. Японцы начали их поливать свинцом. Я дал задание своему ординарцу сержанту Виктору Тюрекову. Кто-то из храбрецов пополз к дзоту с гранатами, но это не помогло. Мы вновь поднялись в атаку, но опять непрерывный огонь, жертвы, рота залегла. Ординарец сообщил мне и Кащёю, что к доту ползут боцман плавбазы подводников Николай Вилков и матрос Пётр Ильичёв. Полетели гранаты, одна за другой, но пулемёты продолжали вести ожесточённейший огонь. Тогда два моряка поднялись во весь рост и, ведя непрерывный огонь по дзоту, рванулись вперёд, один за другим закрыли своими телами амбразуры. Пулемёты захлебнулись и замолкли. Рота моряков в ненависти к самураям за гибель своих товарищей поднялась с криками «За Родину», «Бей самураев!», «Долой японских захватчиков!» и штурмом захватила высоту 171,0.

Комсорг старший сержант Николай Панкратов, Алексей Додух, Иосиф Кириллов подбежали к дзоту, подняли на руки безжизненные тела героев — Николая Вилкова и Петра Ильичёва и бережно понесли в медпункт, где в минуты затишья был проведён траурный митинг, и их похоронили у подножья высоты 171,0 в братской могиле. В этом же бою несколько ранее совершила подвиг группа под руководством техника-лейтенанта Водынина. В момент ожесточённой танковой атаки первым [навстречу] вышел со связкой гранат командир взвода Александр Водынин, подбил вражеский танк и с криком «Бей самураев, назад ни шагу!»

с противотанковой миной бросился под второй танк, уничтожил его, и сам погиб героической смертью. Его примеру последовали старший сержант Иван Кобзарь, сержант Степан Рындин и матрос Арзуманян.

В это время два армейца из 101-й дивизии в борьбе против танков погибли смертью героя: Степан Савушкин и парторг роты противотанковых ружей. Они подбили по два танка, а под третий бросились со связками гранат. Из восемнадцати японских танков, участвовавших в атаке, только одному удалось вернуться в свою часть невредимым.

Вот что вкратце считал необходимым вам написать про героизм и храбрость. Мужество и отвага были неопишутемы. Советские воины, не щадя своей жизни, дрались, как львы. Они с честью выполнили свой воинский долг...

Д 2625. Рукопись

Попов Александр Трофимович

Родился 12 марта 1903 г. в г. Козлове (ныне Мичуринск) Тамбовской области в семье железнодорожного рабочего. Отец — Попов Трофим Фёдорович — работал на железнодорожной станции Козлова в качестве рабочего, в 1916 г. умер. Мать — Попова Анна Дмитриевна — домохозяйка, умерла в 1934 г. в г. Мичуринске.

В 1914 г. я оставил городскую школу из-за бедности и вынужден был поступить на работу в частную типографию. Через три года я стал наборщиком в Советской типографии в Мичуринске. В конце 1919 г. вступил в комсомол, где активно работал. Будучи комсомольцем, принимал участие в гражданской войне в добровольных коммунистических отрядах по борьбе с антоновскими бандами на Тамбовщине. В мае 1923 г. вступил в кандидаты ВКП(б), а с 12 января 1924 г. стал членом первичной организации партии при типографии г. Козлова.

В начале Отечественной войны 29 июня 1941 г. я был мобилизован в Красную Армию, где прослужил до 16 января 1946 г. Всё время находился в действующей армии. Вначале

был назначен членом, а затем председателем военного трибунала на Западном, Калининском, Брянском и Белорусском фронтах. Последнее звание — майор. Во время боёв был дважды контужен. В годы войны был награждён орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За взятие Кёнигсберга», «За победу над Германией», юбилейными и почётными грамотами.

После демобилизации в феврале 1946 г. возвратился к прежней должности члена Тамбовского областного суда. Всего на судебной работе находился с декабря 1947 по 1960 г., потом по состоянию здоровья оставил её.

К партийной ответственности не привлекался. Партвзысканий не имею, не судим. Всегда и всюду на всём протяжении своей работы проводил генеральную линию нашей партии. В годы коллективизации активно работал по организации колхозов, боролся с кулачеством и т. д.

Моё образование — среднее юридическое, в 1950 г. окончил Саратовскую заочную юридическую школу. Периодически повышал знания в совпартшколе, на Московских юридических курсах.

За границей был в 1944—1945 гг. в Польше и Германии в составе действующей Красной Армии. В плену и окружении не был. Никого из родственников за границей не имею.

19 февраля 1974 г.

ККМГИ 17407. Авторизованная машинопись

Поплевина (Бобрякова) Матрёна Прокопьевна

Я... родилась 9 мая 1920 г. в с. Мильково Камчатской области. Трудовую деятельность начала в феврале 1937 г. библиотекарем при клубе, затем перешла в райисполком секретарём-машинисткой. В 1939 г. ушла отсюда по семейным обстоятельствам. В 1940 г. с мужем уехала на Украину, где меня и застала война. В октябре 1941 г. эвакуировалась на Урал, в Челябинскую область. Там была заведующей яслями, а в ноябре 1942 г. добровольно пошла на фронт.

Нашу часть формировали под Москвой на станции Очаково. Часть называлась «Первая отдельная женская добровольческая стрелковая бригада» (1-я ОЖДСБ), относилась к войскам НКВД.

Как говорят, у войны не женское лицо, но, однако, ни одна война без женщин не обошлась. Женщинам было тяжело, но раз требовалось, то мы помогали, чем могли. Исполняла разную службу: окончила школу снайперов в Москве, после патрулировала улицы, несла службу на контрольно-пропускных пунктах, через которые уходили на фронт, участвовала в прочёсывании брянских и смоленских лесов. Ловила сигнальщиков, указывавших немецким самолётам, где бомбить.

Из армии демобилизовалась в декабре 1945 г., поехала домой, на Камчатку. Приехала в Петропавловск на пароходе, встретили нас хорошо. Получила «американские подарки» — вещи. Оделась, была очень рада, что я в «гражданке» и жива.

В августе 1946 г. с мужем уехала на материк. Работала машинисткой в Рязанской области в тресте «Торфопредприятие», в 1950 г. по оргнабору переехала с семьёй на Сахалин. Там тоже была машинисткой в Смирныховском леспромхозе Главсахалинлеспрома и в 1954 г. уволилась по окончании договора.

В 1955 г. вернулась с семьёй в родное Мильково, затем трудилась в Мильковской машинно-тракторной станции инспектором кадров, потом работала в киносети, продавцом рыбокооп. В 1970 г. ушла на пенсию.

Избиралась депутатом местных Советов, в родительский комитет школы, более тридцати пяти лет работала в женсовете села Мильково. Имею много грамот за труд и активное участие в общественной жизни, участница хора ветеранов, член клуба «Камчадал». Имею награды: орден Отечественной войны 2-й степени, медали «За победу над Германией», «Ветеран труда», юбилейные. Воспитала дочь Татьяну и сына Сергея.

ККМГИ 34348/3. Рукопись

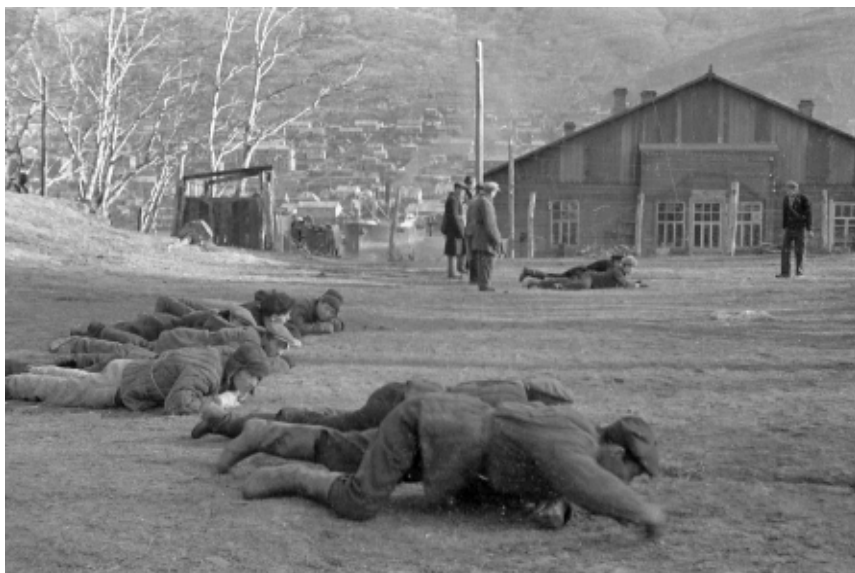
Командиры отрядов всевобуча получают боевое здание, 1942 г.
[ККМГИ 29622/59]

Обучение приёмам штыкового боя, 1942 г. [ККМГИ 29622/56]

Подготовка отряда всевобуча, 1942 г. [ККМГИ 29622/57—58]

Подготовка отряда всевобуча. Обучение переползанию. Петропавловск, Никольская сопка, 1942 г. [ЖКМГИ 26574/228—229]

Курсанты всевобуча Петропавловской судовой верфи на практических стрельбах из станкового пулемёта, 1942 г. [НВФ 3750]

Докмейстер судовой верфи В. Ф. Тиллер и С. С. Кашуба изучают станковый пулемёт «Максим», 1942 г. [НВФ 1019]

Заготовительный пункт в селе Мильково принимает упромышленную пушнину, 1941 г. [НВФ 3348/38]

Радиограмма НКС	
25/3 5'5 ЗУБОВА ОМР 1530	Время
Ирпень	Служба по отмотки
80 УИ МОСКВЫ 1401 51 25 0545	
№ _____ сл. _____ то _____ ч. _____ м.	
Высшая правительственная П/Р ИМЧ заместителю парторга Рыболовецкого колхоза имени С. И. Кирова тов. Ковалев заместителю председателя кол- хоза имени С. И. Кирова тов. Чапанну	
Передайте колхозникам и колхозницам Рыболовецкого колхоза имени С. И. Кирова сообщением 111 000 рублей на строительство синагога Сергей Григорьевич Киров мой братский привет и благодарность Красной армии И. С. Сталин	

Благодарственная телеграмма Верховного Главнокомандующего
 И. В. Сталина труженикам колхоза имени Кирова [Ф 393]

Зачинатели движения «тысячников» (выполняющих нормы на 1000 %) на Петропавловской судовой верфи: кузнец А. Д. Москвин (слева) и молотобоец Г. А. Моргун (в центре); передовой слесарь Кармилюк (справа), 1942 г.
[ККМГИ 29622/57—58]

Фронтальная женская ловцкая бригада колхоза имени XVIII партсъезда Усть-Большерецкого района Камчатской области, 1943 г. В первом ряду в центре — А. И. Аверина [НВФ 464]

Военнослужащие на сплаве леса для Ключевского
 деревообрабатывающего комбината, 1943 г.
 [КОКМ ОФ 33552]

Постановщики и участники спектакля «Мачеха» Камчатского
 областного драматического театра, сезон 1943/44 г. [НВФ 33572]

Бригада колхоза имени XVI партсъезда. Председатель колхоза — демобилизованный воин, 1945 г. [ККМГИ 27408/170]

Курсанты всевобуча на строительстве дороги по ул. Набережной в Петропавловске, 1942 г. [ККМГИ 26547/221]

Заготовительный пункт в Мильково принимает упромышленную
пушнину, 1941 г. [НВФ 3343/43]

Коллектив артели имени 24-й годовщины Красной Армии.
Петропавловск, 1944 г. Во втором ряду крайняя справа —
М. П. Бакалова [НВФ 3293]

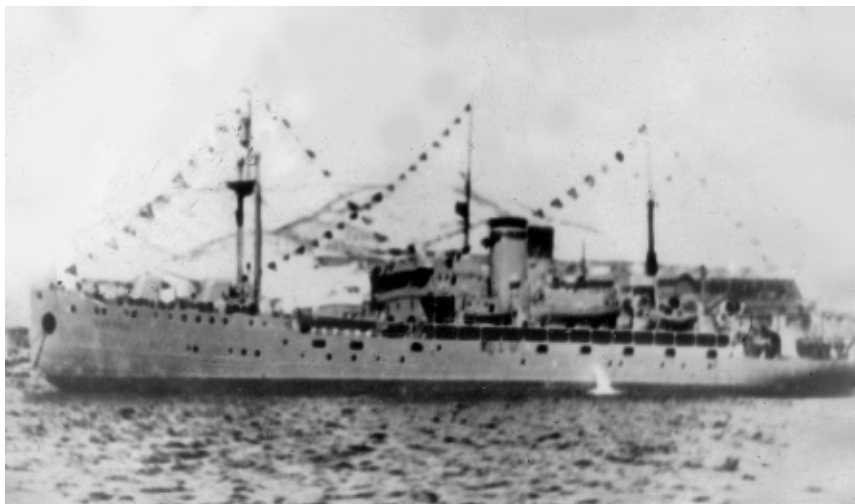
Аборигены-кочевники Чукотки сдают пушнину в Фонд обороны, 1942 г.
[ККМГИ 1519/11]

Ловецкая бригада колхоза «Красная связь» на закидном неводе.
Авачинская губа, 1941 г. [ККМГИ 27408/7]

Моряки минного заградителя «Охотск» на переходе из Петропавловска к острову Шушму, 17 августа 1945 г. [КОКМ ОФ 31823]

Минный заградитель «Охотск», 1945 г. [НВФ 2576]

Корабли и суда, входившие в состав Курильского десанта
[Ф 4634]

Разрушенный дот в районе
высадки десанта

Бронебойщики возле подбитого
танка [НВФ 3488]

Остров Шумшу. Японский гарнизон сдаётся в плен. Слева — подполковник Р. Б. Воронов, рядом с ним — командир японского гарнизона полковник Уэда [ККМГИ 30327]

Остров Шумшу. Сдача оружия японским гарнизонам. Слева — подполковник Р. Б. Воронов, в центре — полковник Уэда [ККМГИ 30326]

Советские воины на острове Шумшу, август 1945 г. [НВФ 3489]

После сдачи японцев в плен [НВФ 3487]

Фото Я. С. Приходченко

Фото Я. С. Приходченко

Митинг в порту и на улицах Петропавловска в честь возвращения
Фото Я. С. Приходченко [Ф 4629;

десантников с Курильских островов, сентябрь 1945 г.
Ф 4761; Ф 4630; ККМГИ 19337]

Путин Поликарп Васильевич

Я... родился 8 апреля 1913 г. в с. Лужково Очерского района Молотовской области (ныне Пермский край. — *Ред.*) в семье крестьянина-кустаря. Семья в то время состояла из отца Василия Назаровича Путина, матери Елены Павловны и братьев Петра (родился в 1900 г.) и Григория (1905). В 1915 г. родился брат Василий.

Основными занятиями родителей были: летом — земледелие, зимой — гончарное ремесло. В 1919 г. брат Пётр добровольцем ушёл в Красную Армию, отец в 1920 г. с семьёй переехал в Сибирь на станцию Яшкино Кемеровской области на постоянно место жительства. Здесь основным родом занятий стало гончарное ремесло. В 1923 г. я пошёл в школу, а в 1924 г. умер отец. Основным работником в семье стал брат Григорий. В 1930 г. я окончил семилетнюю школу. Так как средств для продолжения учёбы дальше не было, я там же поступил в школу фабрично-заводского ученичества, которую окончил в 1932 г. со специальностью «токарь». После окончания школы был командирован в г. Челябинск на строительство тракторного завода.

В ноябре 1932 г. добровольно ушёл в Красную Армию, служил в г. Сталинабаде Таджикской ССР (ныне г. Душанбе. — *Ред.*) в 7-м отдельном эскадроне связи. В 1934 г. был отобран для зачисления в Ленинградскую военно-медицинскую школу, для чего в Ташкентских лагерях прошёл курс общеобразовательной подготовки в объёме девяти классов, но учиться в этой школе не захотел, так как медициной не интересовался. В октябре 1935 г. демобилизовался и приехал обратно в Яшкино, поступил в районный финансовый отдел г. Тайга, что в двадцати пяти километрах от Яшкино. Стал вначале инспектором по налогам, затем бухгалтером. Через месяц был командирован на курсы финансовых работников в г. Барнаул, которые окончил в 1936 г. В сентябре 1937 г. уволился и переехал в г. Балеи Читинской области, где поступил в райфинотдел бухгалтером-ревизором, а позже стал старшим инспектором бюджета.

В июле 1939 г. я был мобилизован в Красную Армию и отправлен в Монгольскую Народную Республику в район реки Халхин-Гол, где в составе 293-го стрелкового полка 57-й стрелковой дивизии в должности помощника командира стрелкового взвода участвовал в боях против японцев. В феврале 1940 г. был командирован в г. Омск на курсы усовершенствования командного состава запаса связи. По их окончании получил звание младшего лейтенанта, был оставлен на курсах в должности командира взвода. За отличную подготовку выпускников в декабре 1940 г. приказом народного комиссара обороны СССР награждён знаком «Отличник РККА».

В декабре 1940 г. меня перевели в г. Кемерово. В мае 1941 г. в составе части прибыл на Украину, в г. Нежин, Харьковский военный округ, затем был переведён в г. Конопот на должность оперативного дежурного главного поста войск наблюдения и связи. Здесь вскоре меня застала война с фашистской Германией. В сентябре 1941 г. с боями отходили до г. Россошь, где нашу часть расформировали, и меня в ноябре 1941 г. направили под Сталинград на формирование зенитного артиллерийского дивизиона, который в июле 1942 г. был направлен в Москву на переформирование в 579-й зенитный артиллерийский полк Резерва Главного Командования.

В конце августа 1942 г. в составе этой части попал под Сталинград в должности начальника связи полка. Здесь в составе 1-й гвардейской армии принимал участие в боях. Далее полк в составе войск 3-го Украинского фронта с боями через Румынию, Болгарию и Югославию дошёл до Венгрии до г. Дунафёльдвар. Отсюда по болезни в январе 1945 г. был отправлен в Москву, в резерв Главного управления связи Красной Армии.

Здесь в апреле 1945 г. вновь заболел и попал в госпиталь. По выходе из него в конце октября 1945 г. был демобилизован. Последняя занимаемая должность — начальник связи артполка, воинское звание — капитан.

По демобилизации 11 ноября 1945 г. прибыл в г. Измаил, поступил на работу в областной финотдел на должность начальника сектора финансирования социально-культурных мероприятий.

В 1948 г. перешёл в областной отдел народного образования на должность заведующего планово-финансовым сектором. Освобождён от работы в связи с ликвидацией облоно.

Родственников, проживающих за границей, не имею. Репрессиям и лишению избирательных прав из родственников никто не подвергался.

12 марта 1954 г.

От редактора. Поздняя приписка на этом документе гласит: «Путин Поликарп Васильевич за боевые заслуги награждён орденом Красной Звезды, медалями “За боевые заслуги”, “За оборону Сталинграда”, “За победу над Германией”, юбилейными медалями.

НВФ 3998/20. Рукопись

Родыгин Александр Иванович

...Коротко сообщаю о себе. Родился в 1919 г. в Новосибирской области. Среднюю школу окончил в 1939 г. в с. Бакчар Томской области. В том же году поступил в Томский университет. По окончании второго курса 5 июня 1941 г. был призван в Красную Армию. В самые предвоенные дни наш эшелон двинули на Дальний Восток, хотя навстречу один за другим шли поезда с войсками и техникой. Бойцы кричали: «Эй, салаги! Куда вы? Поехали с нами, скоро с немцами война будет!» Это происходило 12—17 июня.

Нас привезли в г. Комсомольск-на-Амуре, где я и начал службу рядовым. Затем — Приморье (станция Мутная), потом военно-пехотное училище в Благовещенске, затем в г. Свободном. По окончании училища получил направление на Камчатку в 373-й стрелковый полк 101-й стрелковой дивизии. Это происходило в 1944 г. Стал командиром взвода, младшим лейтенантом, затем лейтенантом.

С августа 1945 по ноябрь 1946 г. служил в той же должности на острове Парамушир. До отправки пленных японцев на «материк» пришлось, правда с горем пополам, выполнять роль переводчика с английского языка, так что японцев я тогда хорошо разглядел. В ноябре 1946 г. демобилизовался, восстановился в университете, в 1950 г. окончил геологический факультет и был оставлен на кафедре ассистентом. В 1956 г. защитил кандидатскую, в 1969 г. — докторскую диссертацию. С 1969 г. — профессор, затем заведующий кафедрой исторической геологии, затем снова профессор этой кафедры, где и работаю в настоящее время. Имею более сотни научных трудов, в том числе десять книг. За эти годы проводил геологические исследования на Алтае, в Туве, в Забайкалье, в Кузнецком Алатау, два года работал в Рудных горах в Германской Демократической Республике...

Если вам известно о ком-нибудь из 4-й роты 2-го батальона 373-го полка, я очень прошу сообщить мне. Непростительно, конечно, но что поделаешь — растерялись сослуживцы, многое позабылось, многих, наверное, уже и нет.

Посылаю несколько фотографий, хотя они и не особенно качественные. Во время войны фотографирование было большой проблемой...

3 апреля 1995 г., г. Томск

КОКМ ОФ 34348/23. Рукопись

Семенчук Иван Фёдорович

Я... родился 24 сентября 1919 г. в с. Данильченково Ольгинской волости Приморской губернии (ныне Лазовского района Приморского края) в семье крестьянина-батрака. Родители мои: отец — Фёдор Иванович, мать — Елизавета Дмитриевна батрачили в те годы у местного кулака Осадчего, раскулаченного в 1932 г. и высланного из села.

По рассказам родителей, те годы были тяжёлыми. Больше и полнее об этом узнал уже в школьные годы от старших односельчан. Разве они могли быть лёгкими для батраков

и беднейших слоёв крестьянства до становления советской власти на Дальнем Востоке? А становится она стала, да и не сразу прочно, только в 1923 г. До этого в Приморье «хозяйничала» интервенция. Кого только не было: японцы и американцы, белогвардейцы атамана Семёнова и чехи восставшего Сибирского корпуса.

По рассказам старших односельчан, белочехи не скупились на патроны, и не раз бывало, что очередь ручного пулемёта догоняла курицу или петуха на огороде. Как видно, потомки «бравого солдата Швейка» беготнёй себя не утруждали.

После разгрома интервентов и белогвардейцев под станцией Волочаевка, изгнанием их из Владивостока ещё не скоро стало спокойно в Сучанской и Ольгинской волостях. Недобитая ударами Красной Армии и партизан «оседлая» белогвардейщина, всякие прихвостни и пособники интервентов объединялись в бандитские группы, и красным партизанам, в рядах которых был и мой отец Фёдор Иванович, ещё много месяцев приходилось громить бандитов в предгорьях Сихотэ-Алиня.

С установлением спокойствия в нашем селе молодая советская власть принялась за нормализацию жизни — установление справедливости. Не имевшие земельных наделов получили их. Какой участок первоначально был нарезан моим родителям, не знаю. Хорошо помню, что к началу коллективизации у нас было семь гектаров пахотной земли, и хозяйство считалось середняцким.

К 1929 г. отец построил свой маленький домик из кухни и комнаты площадью около четырнадцати квадратных метров. В обоих помещениях были настланы полы из кедровой доски, крыша покрыта гофрированным оцинкованным железом. «Цинковая», как говорили, крыша не была чем-то выдающимся, в селе большинство крыш были железными. Но это казалось значительным шагом против соломенной кровли, так часто пылавшей при пожарах.

К началу коллективизации, в 1930—1931 гг., наша семья уже насчитывала семь человек, из детей я — старший.

По моим суждениям, колхоз «Авангард» был крепким хозяйством. В летние каникулы (я учился в Маргаритовской школе) приходилось пасти колхозных овец. Их было много. На «трудодни» нам выдавали баранину, для многих колхозников, занятых на зимних работах, шили шубы из овчин собственной выделки.

В школе имелся «стол почёта». Он стоял рядом с учительским и сидел за ним, именно за столом, а не за партой, лучший ученик. Со второго по четвёртый класс им был я. Ещё в те годы понял, что всего можно достичь, следует только очень захотеть. Раза два-три школа вручала мне подарки в виде отреза на рубашку и штаны. Учителя, по-видимому, хорошо были осведомлены об обеспеченности нашей семьи, и эти подарки были очень кстати.

В 1933 г. закончилась моя учёба в школе и началась трудовая жизнь. В эти годы и в наше отдалённое село стали проникать ростки новой жизни. К моменту моего возвращения в селе уже не один год работало агентство связи. В здании начальной школы установили первый радиоприёмник коллективного пользования. Как сейчас помню его тип: РКЭ-3. Питание — батарейное, что не обеспечивало его продолжительную работу. Батареи разряжались, а заменить их было нечем. Однако и недолгая его работа позволила многим колхозникам услышать Хабаровск, отстоявший от села более чем за тысячу километров. Запомнилось, что, выходя в эфир, диктор объявлял: «Говорит Хабаровск через радиостанцию РВ-32».

Нельзя не рассказать, потому что теперь это смешно. Приходили послушать, хотя и немногие, старушки и, услышав слова «Говорит Хабаровск!» изумлялись, осеняли себя крестным знамением и со злом произносили: «Неправда, как это в ящике может быть Хабаровск!» А когда из «ящика» раздавалась музыка, то, по-видимому, им уже не помогало и крестное знамение. Бросая слова «нечистая сила», они быстро оставляли помещение школы.

В июне в село из Ольгинской районной конторы связи приехал инспектор связи Желинский. Возможно, это

был плановый приезд, а может быть, в контору поступили сигналы о недостатках в работе заведующего агентством Пахтусова. Тот давно жил в нашем селе, раньше работал лесничим.

Но настало время, когда стало ему неважно бродить по лесам и горам, и Пахтусов перешёл в агентство связи. В Данильченково он работал один, а из других, соседних сёл — Черноручья и Сокольчей, словно чередуясь, приезжали возчики почты. Через день они доставляли письма, иногда посылки из своих сёл. Их принимали в агентстве. В свои сёла увозили письма, и очень немного, сравнивая с сегодняшними днями, газет.

Инспектор Желинский произвёл ревизию агентства, и скоро в селе стало известно, что у Пахтусова имеется растрата в триста сорок рублей. Придя в сельсовет, Желинский сообщил председателю (им был мой отец), что Пахтусову контора связи больше доверять не может, нужно подбирать другого человека, грамотного. Кого сельсовет может рекомендовать? Ему ответили, что вопрос отходничества из колхоза может решить только общее собрание.

Оно состоялось на следующий день, а ещё через день отец сообщил мне: «Собрание выдвинуло тебя работать на почте. Когда встал вопрос, кого выделить, кто-то выкрикнул: “Сына Семенчука, он с Маргаритовской школы пришёл, теперь самый грамотный в селе”». Затем отец рассказал, что председательствующий заявил, что сын Фёдора Семенчука — сегодня самый грамотный, но он же ребёнок, ему, наверное, и четырнадцати лет-то нет. Желинский пояснил, что если нет другой кандидатуры, и колхозники считают, что он справится, а отец даст конторе связи письменное обязательство, что всю ответственность за работу сына принимает на себя, то это возможно. Отец заверил собрание, что я справлюсь, а он даст письменное обязательство о приёме ответственности на себя.

Так с 14 июня 1933 г. в возрасте тринадцати с половиной лет я стал работать в должности заведующего агентством связи села Данильченково. А ко дню празднования четыр-

надцатой годовщины Октября приказом по районной конторе связи № 81 меня премировали денежным вознаграждением в сумме ста рублей.

В апреле 1934 г. руководство Ольгинской районной конторы связи решило забрать меня из-под родительского крова, выпустить на более «широкую дорогу». Мать, Елизавета Дмитриевна, не соглашалась. Все дети — мал мала меньше, и она очень нуждалась в моей помощи, была слаба здоровьем, умерла на тридцать втором году жизни. Слово отца стало решающим.

В марте на перекладных, на тройке по зимнику я выехал в районный центр вместе с припиской к подорожной накладной почты. Помнится, что весна в том году запаздывала, морозы стояли ещё крепкие, и мне частенько приходилось бежать за санями, чтобы согреться. Почта двигалась по тракту днём и ночью, останавливаясь только в сёлах, где предусматривалось сменить лошадей да принять дополнительный баул с почтой.

Наконец — Ольга! В райцентр приехали 3 апреля 1934 г. С этого дня приказом по районной конторе связи № 041 я был зачислен учеником радиотелеграфиста при Ольгинской радиостанции Наркомата связи.

Перешагнув порог аппаратной, столкнулся с многочисленными глазницами приборов: чёрных, высоких и довольно объёмных стоек передатчиков. Аппаратура произвела на меня ошеломляющее впечатление. Не раздумывая, тут же попятился назад, к входной двери, замахал руками и писклявым голосом с отчаянием завопил: «Нет, нет! Я этого не освою, не освою! Поеду назад, домой!» Мужчина средних лет, позже я узнал, что это был начальник радиостанции Афанасий Иванович Хорошко, поспешно схватил меня за руку: «Постой, домой всегда успеешь. Не изучишь напугавшие тебя шкафы, так другое изучишь».

Впоследствии, когда я был назначен начальником радиостанции, сам смеялся над своим испугом. А тогда мои, четырнадцатилетнего деревенского мальчугана, страхи Афанасий Иванович понял правильно. Он стал моим ближайшим

учителем и наставником. Обучение началось тут же, без промедления, с азбуки Морзе.

Через месяц, может быть, несколько больше, появился на станции мой напарник — Паша Займа. Он был на год старше меня. Его появление стало положительным стимулом в учёбе, тем более, что я уже кое-что знал, а после двух месяцев обучения уже мог переговариваться на небольшой скорости, используя зуммер, с радистом Фёдором Кузьмичом Чёрным. Часто, используя гитарные струны (любимый инструмент Фёдора Кузьмича), надавливая на них, выговаривали буквы азбуки Морзе, договаривались, куда пойдём, а Паша Займа оставался в неведении, и это здорово заставляло его навёрстывать упущенное.

Сегодня наши тогдашние бытовые условия показались бы дикостью и ни в коей мере непозволительными. Летом мы с Пашей спали на веранде, а с наступлением холодов переносили топчаны в моторное отделение. На двоих имели только одну пару ботинок. В центр посёлка (радиостанция находилась на окраине в большом рубленом здании, ранее принадлежавшем кулаку Сушко) ходили поодиночке. «Выход на люди» ограничивался ботинками.

Подгонять нас в учёбе не требовалось, мы и так стремились скорее освоить приём морзянки на слух и передачу на ключе. Занятия по расписанию, поочерёдно, с нами проводили Афанасий Иванович и Фёдор Кузьмич. Вне расписания мы с Займой изводили друг друга до изнеможения приёмом комбинаций из точек и тире с зуммера и передачи этих комбинаций ключом.

Попискивание зуммера было устойчивым, без посторонних помех, в нём мы стали в совершенстве разбираться уже сами, без преподавателей. А вот приём с эфира требовал наибольшего сосредоточения. Тут требовалось суметь выбрать нужную станцию, «отсортировать» потрескивания и попискивания других.

Афанасий Иванович предупредил, что на экзаменах зачётным приёмом на слух будет эфирный. Теперь всё свободное от работы по расписанию радиостанции время мы

просиживали у приёмника в наушниках. Время летело стремительно. Не помню, чтобы Займе или мне пришлось скучать. Через три месяца Афанасий Иванович решил назначить мне экзамены. Поскольку при зачислении на учёбу было объявлено о шестимесячном сроке, я засомневался, не рановато ли? «Попробуем, по-моему, на начальный класс сдашь. Да и Фёдору Кузьмичу в отпуск надо ехать, на Украину, в Шепетовку».

Через некоторое время после этого разговора состоялись экзамены. Их принимали Афанасий Иванович, Фёдор Кузьмич и телеграфист из района Михаил Силин.

Афанасий Иванович был душевным человеком, относился ко мне, как родной отец. Нередко, бывало, зазывал к себе домой и подкармливал. Он постоянно интересовался, что пишут родители. Знал, что зарплата отца, председателя сельсовета, составляла всего двадцать пять рублей в месяц, мама болела. На материальную помощь из дома мне рассчитывать не приходилось. Получал я в месяц девяносто шесть рублей, дневное трёхразовое питание в столовой обходилось в четыре рубля. Следовательно, ученической «зарплаты» не хватало даже на еду. Хозяйственные дела в районе в 1934 г., как и в прошедшем 1933-м, были тяжёлыми. Недород хлеба породил голод.

По-видимому, осмыслив всё, Афанасий Иванович потцовски за час-два до экзаменов напоил меня сладким чаем, дал кусок хлеба, ласково и тепло попросил: «Не тушуйся. Сядешь на передачу, не спеши вначале, скорость набирай постепенно. Всё будет хорошо».

Действительно, всё обошлось удачно, мне присвоили второй класс радиотелеграфиста. Признаться, я и не рассчитывал, что за половинный срок обучения смогу стать им. Так с первых чисел июля 1934 г. я стал радиотелеграфистом. На какое-то время остался работать на станции райцентра.

2 января 1935 г. меня назначили радиотелеграфистом в посёлок Весёлый Яр, что в тридцати пяти километрах от Ольги. В августе того же года приказом по районной конторе меня вновь вернули на радиостанцию райцентра.

Время работы в Ольге можно было бы представить в виде целой повести из нескольких глав. В 1934 г. Ольгинский район и ряд других Приморья, севера Хабаровского края подверглись опустошительному наводнению. Во многих местах вода разрушила линии телефонной и телеграфной связи. Например, на участке Ольга — Милоградово разбушевавшаяся стихия снесла более двадцати пяти километров линий. Единственной ниточкой, связывавшей нас с административным центром Приморья — Владивостоком, осталось радио.

Помнится, двенадцать суток радиостанция Ольги работала круглосуточно. Сорок — сорок пять минут каждого часа собирались сведения о состоянии погоды, уровне воды в реках по всему побережью, вплоть до Петропавловска-Камчатского, и передавались во Владивосток, где находился штаб Дальневосточной зоны по борьбе с наводнением.

Тяжело пришлось мне тогда. Фёдор Кузьмич Чёрный был в отъезде, и вся двенадцатисуточная, с перерывами минут по пятнадцать через каждый час вахта легла на мои плечи. Но благодаря этому неизвестный дотоле радист стал довольно заметным. Приходившие на переговоры с Владивостоком секретари райкома партии, председатель райисполкома (Лешков, Леус, Мананников) обратили внимание на мою выносливость и распорядились усилить питание.

В феврале 1936 г. меня перевели на должность радиста в Киевскую станцию, что на юге Ольгинского района, в село Киевка. Вновь на почтовой тройке с появившимся к этому времени небольшим чемоданчиком, также с припиской к подорожной, отправляюсь к новому месту назначения. Теперь изменившееся положение в обществе обусловило ко мне другое внимание: при посадке в сани выдали добротный овчинный тулуп, что вызвало прилив тёплых чувств к начальству и, разумеется, избавило меня от частых пробежек за санями.

Работа в Киевке имела свои особенности, в частности, житейские. Там не было столовой. Встал вопрос, как же шестнадцатилетнему пареньку питаться? Как вести себя

в селе без наставника? Но со временем всё разрешилось. Главные события из того времени — в Киевке, где мне исполнилось шестнадцать лет, меня приняли в комсомол. Это случилось в октябре 1936 г., а в марте 1937-го комсомольская организация «сделала» меня пионервожатым начальной школы.

Районное начальство недолго держало меня в Киевке, 3 июня 1937 г. назначив начальником радиостанции Весёлого Яра. С юга Ольгинского района переехал на север, но на этот раз не почтовым трактом, а на пароходе «Монгугай». В Весёлом Яре проработал до октября 1939 г. Это время оказалось беспокойным. В 1938 г. — нарушение японцами границы у озера Хасан, в 1939-м — у реки Халхин-Гол, на территории дружественной нам Монгольской Народной Республики.

В Весёлом Яре, как и во многих сёлах и посёлках района, в то время не было радиоузлов, как и у частных граждан не имелось ни одного радиоприёмника. Работая на радиостанции, имел возможность после полуночи принимать сообщения ДальТасс, записывать, а вечером в клубе агарового завода рассказывать рабочим и жителям посёлка, посещавшим клуб, о военных событиях. Делал это по собственной инициативе. Активное участие в комсомольской работе с первых дней прибытия в Весёлый Яр, по-видимому, явилось причиной избрания меня секретарём комитета комсомола агарового завода. Здесь же в августе 1939 г. свершилось важное событие в моей жизни — вступление кандидатом в члены ВКП(б).

В октябре этого же года решением бюро Ольгинского райкома партии был отозван с работы и направлен в аппарат райкома ВЛКСМ, 15 октября утверждён заведующим организационно-инструкторским отделом и отделом кадров райкома. В апреле 1940 г. в связи с выбытием секретаря райкома Волкова был утверждён на эту должность. Решением двенадцатой районной конференции комсомола 12 сентября 1940 г. освобождён от неё в связи с призывом на службу.

Накануне Великой Отечественной войны началась моя новая жизнь.

В августе 1942 г. во Владивостокском флотском экипаже из военнослужащих Тихоокеанского флота, начавших службу по третьему году, формировался маршевый эшелон на фронт. Нас набралось три тысячи шестьсот человек. Куда покатятся заполненные нами вагоны, мы не знали. А они катились и катились. Осталась позади земля Сибирская...

Как-то ранним утром разбудила нас непривычная тишина. Нет ни покачивания вагонов, ни постукивания колёс на стыках. Кто-то вполголоса словно выдавил волнующий всех вопрос: «Стоим что-то долговато?» Ответ не задержался. Распахнулась широченная дверь вагона, на вопрос: «Какая станция?» донеслось: «Куйбышев».

«Понятно», — пробасил стоявший рядом со мной краснофлотец, которого за самый высокий рост кто-то из обитателей нашего сорок седьмого вагона назвал «Коротким». «А что понятно?» — не замедлили задать ему вопрос. «На Калининский фронт везут», — ответил тот тоном, не вызывающим сомнения.

Через час по вагонам передали распоряжение начальника эшелона: далеко не отходить, скоро отправляемся. Не прошло и пяти минут, как железнодорожники прогнали эшелон по станционным путям, и состав двинулся, но в обратном направлении. Вновь возник вопрос — куда? Однако теперь он интересовал уже немногих. Везут на фронт, туда, где нужнее. Так думали почти все.

Оставив Куйбышев, эшелон покатился быстрее. Часов через десять сидевшие у открытой двери краснофлотцы чуть не хором прокричали: «Саратов!» Тут всем стало ясно — везут на Сталинградский фронт. Саратов прошли по «зелёной улице». Первую остановку сделали за Саратовом, на станции Баскунчак-3. По-видимому, длительная задержка здесь была вынужденной. Она оказалась для эшелона и многих краснофлотцев роковой. Эшелон подвергся налёту вражеской авиации. На вагоны были сброшены бомбы, разорвавшие состав на две части. Бежавшие по степи, чтобы

сильнее рассредоточиться, краснофлотцы подверглись обстрелу из крупнокалиберных пулемётов. Подлетевшие три наших истребителя помешали фашистским лётчикам продолжить расправу.

Похоронив убитых, сдав раненых на станцию, начальник эшелона приказал рассредоточиться по степи, прекратив движение, до наступления ночи. Затем всех построили и объявили: дальше будем двигаться только в тёмное время пешим порядком до переправы на Сталинград. При налёте на эшелон меня подбросило взрывной волной, ударило о землю так, что какое-то время без поддержки товарищей не мог идти самостоятельно: сильно болело левое бедро. Дошли до Сталинграда и переправились через трое суток.

Вот так я попал на войну. Участвовал в обороне Сталинграда в составе легендарной 62-й армии генерала Василия Ивановича Чуйкова в должности командира взвода связи батальона.

...К Волге подошли ночью. Ширина реки здесь, как я узнал потом, достигала двух километров. Фашисты на противоположной стороне находились совсем близко от берега и держали переправы под прицельным огнём артиллерии и миномётов. В небе тогда ещё тоже господствовала немецкая авиация.

После нескольких попыток нам, тихоокеанцам, удалось, наконец, под покровом тумана переправиться на правый берег. Некоторые подразделения сразу влились в боевые порядки наших войск, занимавших оборону. Началась трудная фронтовая жизнь.

Впервые по-настоящему я испытал страх, когда в ночь на 7 ноября гитлеровцы, прорвав первую линию нашей обороны, оказались внезапно метрах в двадцати от нас, взвода связистов. Хорошо поработал тогда мой пистолет-пулемёт Дегтярёва: два диска по семьдесят одному патрону в каждом опустошились моментально. Атаку удалось отбить.

Наш батальон располагался между глубокими и довольно широкими оврагами, которые были тщательно пристреляны противником и простреливались насквозь. Преодолеть

их днём считалось делом безнадёжным. Но вот как-то перед полуднем вызывает меня в свой блиндаж командир батальона и даёт приказ: доставить пакет командиру полка. Предупредил: днём в полк ещё никто не проходил, но ты коммунист и должен пройти — пакет важный и срочный.

Когда у себя в землянке я сказал своим товарищам и помощнику, куда иду, они, как по команде, встали и молча сняли шапки. О чём они подумали в тот миг, было понятно. Я и сам знал, что проскочить днём два простреливаемых оврага, отделяющих наш батальон от штаба полка, и уцелеть почти невозможно. Но приказ есть приказ, его надо выполнять. К горлу подкатил комок. Каким-то не своим, сдавленным голосом с напряжением выкрикнул: «Бросьте меня хоронить живого. Одеть шапки!» И повернулся на выход.

Под защитой берегового кряжа подошёл к первому оврагу. Дно во всю его ширину завалено трупами. Разбитые или опрокинутые повозки, полевая кухня без колеса, убитые лошади с вздувшимися животами. Дорога не из наезженных.

Пробираться ползком? Нет, не годится, всё равно заметят и накроют огнём. Бежать? Слишком «дорога» неровная. Может, у самой воды попробовать, по отливной полосе? Только бы не вязко было...

Грунт там оказался плотным. Теперь — расслабить ремни, расстегнуть ворот, борта шинели, пригнуться до самой земли и — бежать, бежать, сколько духу хватит.

Стрелой выскочил из-за берегового кряжа, и тут же где-то вверху, слева от меня, послышалась пулемётная дробь. Запели пули, совсем рядом лопнула мина, осколки второй подняли фонтаны в реке. Бегу, пригнувшись так, что не вижу ничего, кроме мельканья своих носков да полоски мокрого песка под собой. Ноги наливаются свинцом, не хватает воздуха. Ещё рывок, ещё... Сил больше нет, падаю.

Отдышавшись, тихонько шевелю головой и осматриваюсь. До спасительного берега оврага осталось всего метра два. Подбираю под себя ноги и на четвереньках срываюсь с мес-

та. Считанные секунды, и я в безопасности. Только теперь почувствовал, как хочу пить. Во рту сухо, лицо в песке. Потянулся к фляге, но она оказалась пустой: чехол и одна сторона самой фляги пробиты осколком мины. След другого осколка обнаружил на шинели.

Можно назвать это, если хотите, чудом, но и второй овраг мне удалось благополучно пересечь таким же способом. И когда я предстал перед командиром полка, он спросил мою фамилию и потом пристально, изучающе посмотрел на меня. Наконец сказал: «Возвращаться в батальон будете с наступлением темноты. Командиру батальона передайте, что я разрешил вам отдых на три часа». Путь обратно, ночью, мне показался уже лёгкой прогулкой. Как только засвистит в темноте осветительная ракета, сразу падаешь вниз лицом и пережидает, пока она потухнет. А потом опять идёшь дальше...

За восемь дней до перехода фронта в наступление был ранен. Первое известие о нашем наступлении принесло радио в госпиталь в Энгельсе. В госпиталях и батальоне выздоравливающих в Оренбурге в общей сложности пребывал около пяти месяцев. После излечения в действующую армию больше попасть не смог.

С воинской службы уволился в запас в декабре 1952 г., находясь в Тамбове. Вскоре вместе с семьёй переехал в Харьковскую область и возвратился к прежней, довоенной, работе в связи. В августе 1954 г. по распоряжению Главного управления почтовой связи Министерства связи СССР откомандирован в распоряжение начальника Приморского краевого управления. Возвращение в родной и любимый Приморский край стало большой радостью.

До мая 1959 г. работал в Шмаковской районной конторе, в Лесозаводске, затем в Находкинской городской конторе связи. В один из майских дней проездом в отпуск сделал остановку в Находке, чтобы навестить товарищей. Незнакомый мне до этого Азик Яковлевич Бернштейн в разговоре со мною сказал: «А почему бы вам не поехать к нам, на Камчатку? Край Камчатский неповторимо интересный! А здесь

вы даже снега настоящего не видите! Кстати, в Олюторском районе вакантна должность начальника конторы. Подумайте».

Через некоторое время по телеграфу моё согласие испросил начальник Камчатского областного управления связи Николай Иванович Крачун, кратко сообщив условия. А 1 июня 1959 г. я уже был у него на приёме. Посмотрев мои документы, Николай Иванович лаконично сказал: «Думаю, сработаемся. Короче — строить будешь, начальником будешь. Приходилось строить что-либо?» — «Не строил, — ответил я, — но если нужно, значит буду». — «Очень нужно», — заключил он и пожал мне руку.

Райцентр Олюторского района — село Тиличики встретили хорошей погодой, тихой, приветливой, с улыбающимся солнышком. В ходе приёма хозяйства конторы связи уже в самом райцентре подтвердились слова Николая Ивановича, что «строить очень нужно».

Начались полные забот и беспокойств дни, недели, месяцы, годы в Тиличиках. Четыре года без отпуска, без выезда на материк основательно подорвали здоровье. Выехав в отпуск в июле 1963 г., тяжело заболел в Находке, куда приехали к родителям жены. Врачебная комиссия заключила, что я — инвалид второй группы по сердечно-сосудистым заболеваниям. Такой «приговор» не испугал, так как в апреле 1952 г. военно-врачебная комиссия Тамбовского гарнизона объявила, что я инвалид войны 3-й группы, имею основание идти на пенсию. Ни с тамбовским, ни с находкинским «вариантами» я не согласился. В Находке попросил врачей помочь с курортным лечением.

Возвратившись в 1963 г. из отпуска на Камчатку, получил новое назначение — начальником Усть-Камчатского районного узла связи. Нельзя не подвести итоги выполнения распоряжения начальника управления о строительстве в Олюторском районе. За годы работы в Тиличиках хозяйственным способом (с использованием возможностей самих связистов) построили: дизельгенераторную, обеспечивавшую питание аппаратуры связи и всех производственных помещений; передающую радиостанции с антенным полем, смонти-

ровали новую аппаратуру; трёхкомнатное каркасно-засыпное жилое помещение; материально-технический склад и самое крупное по тому времени двухэтажное здание конторы связи, первое в Тиличихах. Сметная стоимость последнего — около миллиона рублей.

Призыв руководства конторы об участии всех свободных от вахт, в субботные дни на строительстве, разумеется, безвозмездно, был подхвачен с пониманием. Я отработал сто семьдесят четыре дня с топором, молотком и ножовкой.

А с какой радостью каюр Старчиков, отец большой семьи, воспринял известие о выделении ему трёхкомнатной квартиры! Пусть этот дом был каркасно-засыпным, выстроенным из выброшенного леса, собранного на берегу Берингова моря. Семья Старчикова, состоявшая из семи человек, до этого размещалась в помещении площадью восемнадцать квадратных метров. В то время в Олюторской конторе связи насчитывалось свыше ста ездовых собак. Понятно, что мы были заинтересованы в создании условий, закрепляющих каюров на работе у связистов.

Для прокорма ездовых собак на зиму заготавливали шестьдесят четыре тысячи штук юколы из лосося! Эти тысячи снимались с вешал вялеными, готовыми для длительного хранения. А кто знает количество вывешиваемых каюрами Лынкиным и Старчиковым рыбин? Немало их побивал червь, надо было вывешивать новые тушки, чтобы к осени заготовить тысячи юколин. Летом же собаки тоже питались рыбой, так называемой «кислой», заготавливаемой в ямах. Нартовые собаки были единственным «вездеходным» транспортом для перевозки почты.

С 25 октября 1963 г. по день ухода на пенсию в июле 1978 г. я был начальником Усть-Камчатского районного узла связи. За это время 6 сентября 1965 г. ввели в эксплуатацию первую автоматическую станцию в старом райцентре. Это являло собой не только технический прогресс, но и позволило значительно увеличить количество телефонов в райцентре — на двести единиц. В 1967 г. административный центр района переместился в менее цунамиопасное

место — Новый посёлок (Варгановку). Встал вопрос о создании средств связи здесь, на новом месте, начиная с самого первого помещения...

В апреле 1980 г., со времени создания, я стал заместителем председателя Усть-Камчатской районной комиссии содействия Советскому фонду мира. За активное участие в работе фонда в 1980 г. награждён значком «Активист Советского фонда мира», в 1981 г. — почётной медалью. В ноябре 1981 г. Камчатская областная комиссия содействия Советскому фонду мира вручила мне памятный ценный подарок...

Петропавловск-Камчатский,
май-июнь 1982 г.

ККМГИ 21801. Авторизованная машинопись
Д 2419. Фрагмент газеты «Ленинский путь» за 12 апреля 1975 г.

Соловьёв Сергей Петрович

Родился в 1918 г., русский, член ВКП(б) с августа 1943 г., образование высшее, учёное звание — кандидат филологических наук, доцент.

Имею правительственные награды: ордена Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, «Знак Почёта» и медали «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», «К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина», все юбилейные, медаль «Ветеран труда».

Во время Великой Отечественной войны с августа 1941 г. находился на Ленинградском, Волховском, Степном, 1-м Украинском фронтах в составе 294-й стрелковой Черкасской Краснознамённой орденов Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого дивизии. Сначала в должности радиомастера, потом радиотехника, затем начальника мастерских связи дивизии. За участие в крупных боевых операциях имею пятнадцать благодарностей Верховного Главнокомандования. Участвовал в битвах под Синявиным, на Курской дуге, в форсировании Днепра, Корсунь-Шевченковской битве, Днестровской и Ясско-Кишинёвской операциях, в освобождении Праги.

После войны продолжил службу в армии до 1947 г. В 1947 г. был демобилизован и поступил в Ленинградский педагогический институт им. А. И. Герцена, окончил его в 1951 г. и сразу же зачислен в аспирантуру, которую окончил в 1954 г. После этого был назначен старшим преподавателем кафедры русской литературы. В 1956 г. был командирован в Китайскую Народную Республику, где работал до июля 1959 г. Затем вернулся в пединститут имени А. И. Герцена.

В октябре 1961 г. был назначен ректором Камчатского государственного педагогического института, с 1966 г. работал заведующим кафедрой русской и зарубежной литературы того же института, доцентом. В 1977 г. вышел на пенсию и поступил на работу в Горсоюзпечать киоскёром. С сентября 1983 г. — пенсионер.

24 декабря 1984 г.

БН. Машинопись

Солоди́ков Иннокентий Иванович

Я призывался на действительную службу в Красную Армию в 1940 г. из с. Анавгай Быстринского района. Военскую комиссию прошёл в Хабаровске, где остался служить в 181-м артиллерийском полку 13-й армии.

Во время вероломного нападения фашистской Германии наша часть находилась на полевых учениях. В четыре часа дня 22 июня 1941 г. командование перед строем объявило о нападении Германии. После митинга учения прекратили, часть сразу снялась в расположение, после чего находилась в летнем лагере недалеко от устья реки Уссури.

В октябре 1941 г. нас перебросили на станцию Лазо. В феврале 1942 г. была сформирована 88-я артиллерийская бригада Резерва Главного Командования. В марте её направили на фронт. После прибытия в Москву нас передали в 13-ю дивизию прорыва Резерва Главного Командования, которая в это время обороняла г. Серпухов. Затем в марте

1942 г. под командованием ныне Маршала Советского Союза товарища Жукова мы очистили от врага Московскую, Тульскую, Калининскую и часть Смоленской области, где нанесли фашистам большой урон.

В этих боях погиб наш командир полковник Незнамов, в марте 88-ю бригаду принял полковник Кофанов, ныне генерал.

Я прошёл войну артиллерийским разведчиком, встретил множество трудностей. Занимался наблюдением и корректировкой, определением сил противника. Несколько раз приходилось ходить в разведку. Дважды был отмечен в газете «Правда», но жаль, что её номера не сохранились. Пришлось дважды брать Харьков. Принимал участие в тяжёлых боях на Орловско-Курской дуге, во взятии Киева, затем областных городов Украины, таких, как Винница, Житомир, Сумы, Умань, Корсунь-Шевченковский.

Наша часть, как часть прорыва, перебрасывалась туда, где шли тяжёлые бои, чтобы брать укрепрайоны, так как 13-я дивизия являлась самой мощной, тяжёлой. Воевал в Бессарабии и Румынии, брал г. Яссы. После этого нашу часть перебросили в Западную Белоруссию, под г. Луцк, затем был г. Львов. Вступили на территорию Польши, освободили города Краков, Сандомир и Варшаву.

В январе 1945 г. началось общее решающее наступление Красной Армии. Наша 13-я дивизия в это время стояла в г. Сандомире. Оттуда начали движение через Чехословакию, освободили города Брно и Прагу, участвовали во взятии городов Германии.

Самые тяжёлые испытания приходились на форсирование рек. Завершил войну в Берлине.

Наша дивизия получила наименование Киевской, краснознамённой, ордена Кутузова прорыва Резерва Главного Командования.

Демобилизовался из белорусского Полоцка в 1946 г. С 1956 г. работаю заведующим Аनावгайской красной ярангой Быстринского районного отдела культуры...

ККМГИ 18878. Рукопись

Таран Филипп Денисович

Я родился 26 ноября 1922 г. в г. Краснодаре в семье рабочего. В 1937 г. окончил школу-семилетку и пошёл работать учеником электрика на кожевенный завод № 8, затем стал электриком. В комсомол вступил в 1937 г. В августе 1941 г. был призван в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию и зачислен в 1737-й отдельный сапёрный батальон, который в начале января 1942 г. направили на Крымский фронт. В апреле 1942 г. при минировании танкоопасного направления в нейтральной зоне был тяжёло ранен и вывезен в г. Ессентуки. После лечения в августе 1942 г. был направлен в г. Орджоникидзе в 4-й воздушно-десантный полк, который вскоре преобразовали в 10-ю гвардейскую стрелковую бригаду, которую срочно выдвинули на рубеж по реке Терек около сёл Сагопши и Пседах. В октябре 1942 г. бригаду срочно перебросили в район с. Карджин, тоже на Тереке, куда через перевал прорвалась немецкая альпийская дивизия.

Внезапно ночью немцы вышли к шоссейному мосту и с ходу начали по нему движение на машинах. Но мост был заминирован, и его взорвали наши сапёры. Много машин и солдат погибло, однако командир немецкой роты и с ним около взвода солдат успели проскочить по мосту на берег, занятый нашей бригадой. После небольшой перестрелки их захватили в плен. Особенно в этом бою отличился сержант Александр Мусухранов, к тому же шофёр. Он сел на трофейную машину и доставил пленных в штаб бригады. Недалеко от шоссейного был железнодорожный мост, и немцы предприняли попытку его захватить, открыли сильный миномётный и пулемётный огонь по нашим позициям. Наше отделение сапёров должно было взорвать мост, но оказалось, что во время сильного обстрела перебило провода от взрывной машинки к фугасу, заложенному под опорой моста, и взрыва не произошло.

Наши попытки пробраться к мосту днём и взорвать заряд при помощи капсюля и бикфордова шнура ни к чему

не привели. Наша артиллерия имела приказ: у моста себя не демаскировать, а стрелять только тогда, когда немцы пойдут по нему. Поздним вечером нашему отделению удалось взорвать мост, подплыв к нему по воде под прикрытием плывущего бревна. В этой операции я принимал непосредственное участие.

На этом участке враг был остановлен, и нашу бригаду срочно направили к станице Архонской, примерно в десяти километрах от г. Орджоникидзе. В ночь на 6 ноября 1942 г. бригада по оврагу в сторону с. Маймородах отрезала немецкую группировку, прорвавшуюся к г. Орджоникидзе. Фронт у нас был с двух сторон. Утром 7 ноября немцы в панике начали отступление от города через наши порядки. Бой был очень тяжёлым. Особенно отличились в нём бронебойщики братья Дмитрий и Иван Остапенко, которые из противотанкового ружья подбили тринадцать танков и бронетранспортёров. Дмитрию присвоили звание Героя Советского Союза, а Ивана наградили орденом Ленина.

Я вместе с другими сапёрами в этом бою забросал бутылками с горючей смесью и сжёг немецкий танк. После этого началось наступление по всему фронту, и наша бригада вышла к сильно укреплённой «Голубой линии» у станицы Крымской (сейчас г. Крымск), недалеко от г. Новороссийска. Там меня приняли в кандидаты в члены ВКП(б). Вскорости был контужен и ранен, отправлен на лечение в г. Краснодар. После лечения как ограниченно годный к службе был направлен в 13-ю инженерную бригаду, в составе которой в звании старшего сержанта участвовал в освобождении г. Темрюка и Крымского полуострова.

После освобождения Крыма бригаду направили на 3-й Белорусский фронт, где она участвовала в освобождении гг. Борисова, Минска, Каунаса. В конце 1944 г. меня послали в Москву на краткосрочные офицерские курсы, которые окончил в феврале 1945 г. В составе 13-й инженерной бригады в должности командира сапёрного взвода участвовал в переходе границы с Польшей, а затем в штурме г. Кёнигсберга, где и закончил войну. Имею боевые награды: орден Крас-

ной Звезды и медаль «За отвагу», а также десять других медалей.

Демобилизован в 1946 г., жил на родине в г. Краснодаре, работал дежурным щита управления на городской электростанции. Там окончил вечернюю среднюю школу и там же в 1949 г. был принят в члены ВКП(б).

С 1949 г. живу в г. Петропавловске-Камчатском. До 1952 г. работал в морском порту заведующим электрохозяйством. В 1952 г. снова был призван из запаса в Советскую Армию, в ноябре 1953 г. демобилизован и с тех пор работаю в тресте «Камчатморгидрострой». Заведовал электрохозяйством треста, трудился прорабом, старшим прорабом, директором комбината производственных предприятий, начальником машинно-прокатной базы, заместителем начальника строительного управления. В настоящее время — механик строительного управления № 458. В 1975 г. окончил Ивановский заочный энергетический техникум.

С 1965 г. являюсь бессменным выборным председателем Совета ветеранов Великой Отечественной войны и труда треста «Камчатморгидрострой», неоднократно избирался секретарём первичной партийной организации в стройуправлении № 457.

За успешное выполнение планов восьмой пятилетки награждён орденом «Знак Почёта».

8 декабря 1984 г.

БН. Рукопись

Тюлькин М. П.

...Вещей с фронта у меня не сохранилось. Фуражку и гвардейский значок ещё в 1948 г. я передал клубу Ключевского деревообрабатывающего комбината. Письма и вырезки из газет, которые были у родителей, тоже не сохранились. У сына имеются фотографии из госпиталя, где я снят с повязкой на голове...

Постараюсь описать два эпизода из боёв, в которых участвовал. В 1943 г. служил в 1156-м пушечно-артиллерийском

полку Резерва Главного Командования, был начальником разведки. В районе станции Лукашевка продвижение наших частей временно приостановилось. После длительных боёв они были малочисленны.

Пехотный батальон, которому поручили овладеть станцией, насчитывал всего двести человек. Наш дивизион, которым командовал капитан Назаренко, его заместитель Герой Советского Союза Леонтьев, поддерживал наступление батальона. Мне, как начальнику разведки, поручили выдвинуться на передовую, на позицию батальона, разведать цели и, если потребует обстановка, вести управление огнём. Батальон пехоты располагался по обе стороны железной дороги в лесонасаждениях, метрах в пятистах от окраины станции.

По прибытии на передовую я расположился вместе с командиром батальона в окопе, вырытом в снегу. Со мной прибыл взвод разведчиков, занявший оборону и начавший вести разведку противника. Командование поставило задачу 13 или 15 марта, точно не помню, занять станцию и развивать наступление в направлении г. Рыльского.

В засаде мы лежали целый день и наблюдали за действиями противника, выясняли места расположения его огневых точек и сосредоточения сил. На окраине станции стояла батарея противотанковых орудий. Мы тщательно изучили время смены караула, уточнили место, куда уходят отдыхать немцы.

Наступление было назначено на час ночи. Командир батальона, фамилии не помню, поставил задачу двум бойцам: тихо, без шума снять часового. Ночь стояла сравнительно светлая, подкрадываться по открытой местности было трудно, несмотря на то, что наши люди были в белых халатах. Немецкий караул сняли спокойно, бойцы прикололи часового ножом. После этого батальон без шума стал выдвигаться вперёд с тем, чтобы незамеченным выйти на станцию. Немцы в это время спали.

Я с разведчиками решил помочь батальону и двигался вместе с ними. Решили в первую очередь уничтожить не-

мецких артиллеристов, спавших в двух крайних домах. Это прошло успешно, врага застали врасплох. Немцы выпрыгивали из окон в нижнем белье, всех их перебили.

Большинство наших бойцов наступало в глубину станции. Когда немцы слышали стрельбу, то стали сосредотачиваться и начали сопротивляться. Мы попали в тяжёлое положение — силы противника превосходили наши. Наступление приостановилось.

Я решил вывести жителей занятых нами домов и заставить их кричать «Ура!» Группа разведчиков под руководством младшего сержанта Михаила Власова с этой задачей справилась успешно. Они расставили людей на разных участках и просили непрерывно кричать и продвигаться вперёд.

Немцы поверили, что на них наступают большие силы, бросились в бегство в направлении станции Пены. К утру Лукашевка была полностью занята, а на следующий день мы взяли и станцию Пены и пошли дальше в направлении г. Рыльска. Так криками «Ура!» население помогло освободить станцию.

Второй эпизод. В первой половине апреля 1943 г. мы стояли в обороне в сожжённом селе, название его не помню, на берегу реки Сейм. Прямо напротив на другом берегу располагался Рыльск, занятый немцами. Город и село между собой соединялись деревянным мостом. Я со взводом разведчиков и отделением связистов находился на наблюдательном пункте на окраине села со стороны речки и вёл непрерывную круглосуточную разведку противника. На реке стоял лёд.

Утром 8 или 9 апреля в девять часов утра мы обнаружили сосредоточение врага на другом берегу реки в районе моста, силами до батальона. О противнике и его подозрительном поведении я доложил командиру дивизиона капитану Назаренко, попросил, чтобы дивизион подготовили к обстрелу в случае атаки противника.

В селе, где мы находились, других подразделений не имелось. Через несколько минут немцы пошли в наступление

на нас, двигаясь по льду вдоль моста. Я попросил командира дивизиона открыть огонь. Так как командиры батарей этот участок не видели, управление огнём одной батареи, а затем и всем дивизионом поручили мне. Начал корректировать огонь, но немцы уже подобрались к нашему берегу, а вскоре ворвались в село.

Наши разведчики и связисты заняли оборону и начали отбиваться, но силы оказались слишком не равны. Наши бойцы вынуждены были отойти к наблюдательному пункту, откуда я управлял огнём дивизиона, и занять круговую оборону. Отстреливались из автоматов и бросали ручные гранаты. Кольцо сократилось до минимума. Огонь дивизиона я был вынужден перенести на себя. Наши тяжёлые снаряды рвались метрах в двадцати от наблюдательного пункта. Находясь в окружении, отражали атаку около двух часов. Ни один солдат, даже тяжелораненый, не покинул боя.

Примерно через два часа подошёл наш батальон пехоты. Совместными усилиями мы выбили немцев из села, а когда они очутились на льду, я открыл по ним беглый огонь. Лёд был разбит снарядами, немцы гибли от их разрывов и тонули в реке.

В этом бою в подразделении, которым я командовал, погибло пятеро, в том числе ефрейтор Кропачев, рядовой Трушин, остальных уже забыл. Восемь человек получили ранения, в том числе командир отделения младший сержант Власов. Немцы потеряли убитыми только в селе до сорока пяти человек и оставили десять-двенадцать раненых. Кроме того, много их погибло на льду и утонуло.

Всех участников боя из нашего подразделения, и оставшихся в живых, и убитых, наградили орденами и медалями. Я получил орден Отечественной войны 1-й степени.

Кроме описанного, пришлось участвовать в более крупных операциях в должности начальника разведки и командиром батареи, но обо всём не напишешь...

31 марта 1970 г.

Цвангер Люсиль Григорьевна
(о П. А. Носыреве)

Памяти Петра Александровича Носырева, незабываемого героя обороны Севастополя, посвящаю несколько строчек о тех днях.

Тогда — в конце июня 1942 г. — наш 224-й медсанбат 172-й дивизии потерял почти весь свой личный состав. Старшая сестра погибла, глаза командира роты, действовавшего в роли комбата, были обожжены, лучший санитар лишился зрения. Ведавшая стационаром, ныне врач, хорошо знакомый всем севастопольцам, Л. М. Домрачёва лежала тяжелораненая. Погибли все эвакуаторы, комендантский взвод...

Остальные были тяжело контужены. И лишь несколько слегка контуженых бойцов могли со мною переносить раненых из операционной в погреб напротив здания курсов на территории городка 35-й батареи (одно из наиболее мощных артиллерийских и фортификационных сооружений в окрестностях Севастополя. — *Ред.*).

Херсонесский мыс в Севастополе... Кто не склонял голову в то время? Кого не потрясла севастопольская трагедия?

26 июня в погреб, где мне удалось организовать помощь раненым, вбегает медсестра. «Привезли Носырева! Он в очень тяжёлом состоянии, не может говорить», — успела сказать она и уехала дальше по дорогам беды и смерти...

Начальник артиллерии 514-го полка 172-й дивизии Приморской армии был известен героическими действиями. Часто в одиночку вёл стрельбу из орудия и корректировал огонь, пробравшись в расположение противника. Это был воин, обладавший неповторимым накалом патриотического ожесточения в бою. Его боевые умения, знания, быстрота, воля и решимость дорого стоили врагу.

Заметка о его делах 14 июня известна камчатским людям. Это он тогда пригрозил телефонисту, что малейший намёк на отход при корректировке огня «на себя» пулей

Носырева прервёт его жизнь. Заметка в армейской газете ещё 16 июня заложила в наши сердца имя смельчака Носырева... А теперь он оказался передо мной контуженый, с тяжелейшей токсической дизентерией, которой страдал уже десять дней. Вот в таком состоянии и вёл он свои бесчисленные артиллерийские дуэли с врагом.

Уложили его в самый укромный, предполагалось, что недоступный всем видам огня, отдельный угол. Это была каморка для хранения сыра, под мраморной полкой, которой меньше угрожал обвал, если бы он случился. Во всяком случае, дождь осколков, если бы он достиг укрытия наших раненых.

С какой-то отрешённостью смотрели на меня тёмные глаза дочерна загоревшего человека. Волосы были покрыты густой копотью. Ему надо было дальше вести бой, он ни о чём не мог больше думать, но силы покинули его. Безукоризненный уход и меры по поднятию сил сердца уже несколько улучшили его состояние. (В тех условиях наш обыкновенный повар умудрялся выполнять все мои назначения по осторожному и частому питанию.) Такой он был у нас один!

За два дня — 26 и 27 июня — ему стало легче. Он отвечал на несложные вопросы, хорошо слышал. На убыль пошла контузия, видимо, отступала и дизентерия. Только сердце было слишком утомлено и билось вяло...

27 июня его увезли от нас в инфекционный госпиталь. Он уехал от нас, оставив в памяти горячий, благодарный взгляд. Может быть, он выражал и не то, чем я хочу закончить свой рассказ о встрече с Петром Александровичем Носыревым, но мне и тогда, и теперь кажется, что этим оценивал свою возможность — хоть и ползком! — продолжал громить врага.

23 мая 1968 г.

БН. Фотокопия авторизованной машинописи

От редактора. П. А. Носырев с детских лет жил в центре Петропавловска-Камчатского на улице Красинцев, учился в средней школе им. А. М. Горького. В 1938 г. он поступил

в Киевское артиллерийское училище, которое окончил незадолго до начала войны — в мае 1941 г.

Ниже приведены несколько документов, переданных в музей его отцом Александром Гавриловичем Носыревым в 1960-х гг.

Пётр Носырев честно выполнил свой долг

Сегодня вся советская страна, весь наш народ славит нашу артиллерию, которая в годы Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков показала свою мощь и силу русского артиллерийского огня.

День артиллерии является днём торжества не только наших грозных артиллеристов, а и всей нашей Красной Армии. Он также является и будет являться большим, торжественным праздником отцов и матерей, у которых сыновья-артиллеристы в дни Отечественной войны своим мастерством, стойкостью и отвагой прославили русскую артиллерию.

Мне, как отцу артиллериста, хочется рассказать о том, как мой сын, старший лейтенант Пётр Носырев, прошёл суровую школу артиллерийского искусства. В мирное время в училище его воспитала партия Ленина-Сталина, наша доблестная Красная Армия, а в дни Отечественной войны он проявил героизм.

Мой сын Пётр Носырев в первые дни Отечественной войны громил залпами своей батареи врага под Житомиром, а позднее защищал подступы к столице Украины — Киеву, где он учился в Краснознаменном артиллерийском училище. Под Киевом он был ранен, но молодой патриот долго в госпитале не задержался, с ещё не совсем зажившими ранами он вновь вступает в ряды Красной Армии и отправляется в Крым защищать город русской славы Севастополь.

Гарнизон Севастополя в 1942 г. вписал в историю новую блестящую страницу. Как сообщалось в печати, 14 июня 1942 г. находчивость и мужество проявил командир артиллерист

Носырев. Он пробрался в расположение врага и, замаскировавшись, оттуда корректировал огонь своих орудий. Когда вплотную к нему подползли фашистские танки, Носырев приказал открыть артиллерийский огонь по тому месту, где он сам находился. Его артиллеристы точными выстрелами подавили подходившие двадцать танков, а отважный командир Носырев невредимым возвратился в свою часть.

Хочется вспомнить его письма с фронта в те дни. «Дорогие друзья с Камчатки, — писал он, — будьте уверены, что командиры Красной Армии до конца выполнят свой долг перед Родиной, перед товарищем Сталиным».

Лично нам, родителям, он писал: «Дорогие родители, ваш наказ выполняю, и вам за меня краснеть не придётся». И в действительности наш сын-артиллерист Пётр Носырев своё обещание выполнил. За образцовое выполнение боевых заданий командования, за доблесть и мужество он награждён орденом Красного Знамени и медалью «За оборону Севастополя».

Мы гордимся, что наш сын-артиллерист удостоен высокой правительственной награды. Он погиб как герой, отдав свою жизнь за Родину, за Сталина, за наше счастливое будущее.

Отец артиллериста
А. Носырев

БН. Статья из газеты «Камчатская правда», 11 ноября 1943 г.

Копия справки, выданной Александру Гавриловичу
Носыреву, отцу П. А. Носырева, 1969 г.

Настоящим удостоверяется, что старший лейтенант Носырев Пётр Александрович, помощник начальника штаба артдивизиона, за образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество награждён орденом Красного Знамени.

Основание: приказ командующего Черноморским флотом № 39/с от 27 июня 1942 г.

Справка выдана для представления в местный Совет депутатов трудящихся на получение льгот, установленных общим положением об орденах СССР.

Начальник 6-го отдела Черноморского флота
подполковник интендантской службы

Дергачёв

Д 1202. Машинопись

Копия наградного листа на командира-корректировщика старшего лейтенанта П. А. Носырева, 1942 г.

1. Год рождения — 1920.
2. Национальность — русский.
3. Партийность — член ВКП(б).
4. С какого времени в РККА или РКВМФ — с 1939 г.
5. Участие в Отечественной войне: участвовал в боях в Бессарабии, Одессе, Севастополе.
6. Ранения и контузии: контужен под Севастополем.
7. Представлялся ли ранее к наградам: наград не имеет.
8. Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг (составляется в штабе войсковой части, соединения, учреждения или заведения):

Товарищ Носырев корректирует огонь всех батарей дивизиона, где проявил себя как опытный артиллерист-корректировщик. Так, благодаря отличной корректировке и определению правильного целеуказания товарищем Носыревым, батарея № 14 14 июня 1942 г. в районе Камары уничтожила свыше батальона фашистов; 15 июня 1942 г. в районе Камары уничтожила свыше взвода фашистов и средний танк; 14 июня 1942 г. в районе Итальянского кладбища уничтожила около роты фашистов; 12-я батарея 12 июня 1942 г. уничтожила около одной роты пехоты и четыре машины.

Товарищ Носырев во время бомбёжки и артобстрела на НП-20 20 июня 1942 г. перешёл на другое место, сохранил рацию и продолжал корректировать огонь батарей дивизиона.

Товарищ Носырев часто не только корректирует, но и управляет огнём батарей, добиваясь точной подготовкой данных с наименьшим расходом снарядов поражения целей противника. Товарищ Носырев смел, решителен, своим личным примером показывает стойкость и мужество. Так, 21 июня 1942 г. от разрыва бомбы товарищ Носырев был засыпан землёй и контужен, но отправиться в госпиталь отказался и через некоторое время, обнаружив цель, начал корректировать огонь батареи, которая своими меткими и точными попаданиями не раз срывала наступление немецких оккупантов.

За доблесть и мужество, проявленные в боях с немецкими оккупантами, товарищ Носырев достоин представления к правительственной награде — ордену Красной Звезды.

Командир 2-го САД БО майор *Черномазов*.

Военком 2-го САД БО старший политрук *Наумов*

«...» июня 1942 г.

Заключение вышестоящих начальников: ходатайствую о награждении орденом Красной Звезды.

Комендант БО ГБ ЧФ

генерал-майор БС *Моргунов*.

Военный комиссар БО ГБ ЧФ

бригадный комиссар *Вешинин*

Заключение военного совета флота: приказом командующего Черноморским флотом № 39/с от 27 июня 1942 г. награждён орденом Красного Знамени.

Д 1323. Машинописная копия

Фрагмент письма А. Г. Носыреву бывшего начальника артиллерии 172-й дивизии обороны Севастополя

И. М. Рупасова, 2 ноября 1969 г.

...В составе дивизии был из артиллерии 134-й гаубичный артполк трёхдивизионного состава и армейский противотанковый артполк из пяти батарей. Но в дивизии был Носырев, имя и отчество не помню. Старший лейтенант, а с мая, по-моему, уже капитан в должности начальника артилле-

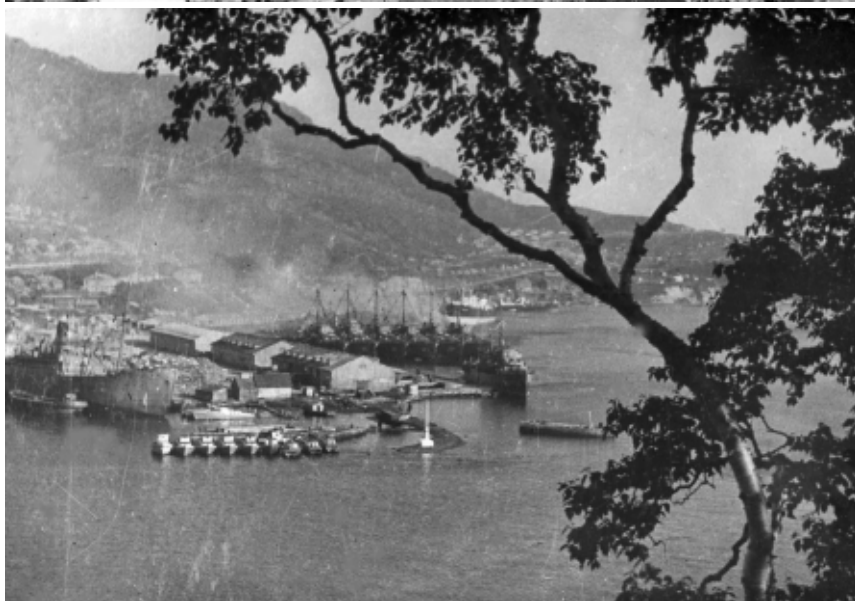
рии 514-го или 747-го стрелкового полка (если память не изменяет, то 514-го). Он на наблюдательном пункте вместе с командиром полка полковником Устиновым и другими вели бой в окружении, где и погиб командир полка.

Этот случай... мог быть, так как на участке 514-го полка действовали три противотанковых батареи, которые были подчинены стрелковому полку. Огонь батарей был построен на взаимодействии. Командиром полка был майор Регент, и эти батареи маневрировать с полком не могли, и огонь вели по танкам противника до последнего снаряда.

Носырев — офицер среднего роста, белокурый, всегда подтянутый, ходил в морской куртке и фуражке, волевой и бесстрашный командир.

Сообщите мне или пришлите копию наградного материала, чтобы восстановить в памяти те бои, которые описаны в материале. Буду весьма благодарен...

Д 1094. Машинописная копия

Петропавловские морские рыбный и торговый порты, 1946 г. У причалов видны американские корабли (фрегаты), полученные по программе ленд-лиза [ККМГИ 26547/207; ККМГИ 27595/124]

Командир Петропавловской военно-морской базы капитан 1-го ранга Д. Г. Пономарёв с моряками — участниками Курильской десантной операции, 1945 г. [Ф 3498]

День Военно-Морского Флота, 1946 г. В центре — командир ПВМБ Д. Г. Пономарёв, справа от него — генерал-лейтенант Герой Советского Союза Д. Р. Гнечко и первый секретарь Камчатского обкома ВКП(б) И. Ф. Петров [ККМГИ 29622/70А]

И. В. Деркачёв, 1939 г. [Ф 9911]

И. В. Деркачёв с супругой Марьей Гавриловной, 1939 г. [Ф 9912]

И. В. Деркачёв (справа), 1939 г. [Ф 9913]

П. М. Фролов (справа), г. Советская Гавань, февраль 1941 г. [Ф 11340]

А. И. Родыгин (справа) и И. А. Огнев,
Петропавловск-Камчатский, февраль
1945 г. [НВФ 2975/3]

К. И. Дембиков, командир отделения
боепитания (сидит слева). Курилы,
1945 г. [Ф 4627]

Группа сержантов 101-й горнострелковой дивизии на политзанятиях.
Сентябрь 1941 г. [КОКМ ОФ 34421/11]

Офицеры 101-й стрелковой дивизии, Усть-Большерецкий гарнизон, 25 июня 1944 г. Слева направо: старший лейтенант В. А. Кот, капитан И. Д. Кучинский, лейтенант П. И. Давыдов. Докладывает парторг 377-го отдельного артдивизиона лейтенант Я. Ицкович [КОКМ ОФ 34421/9]

Офицеры 198-го стрелкового полка 101-й стрелковой дивизии, 1944 г.
[КОКМ ОФ 34421/11]

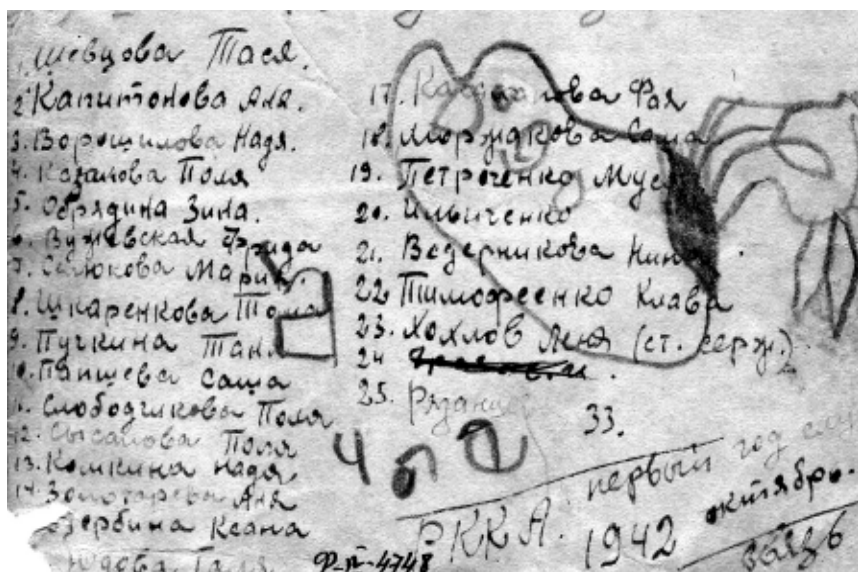
Лейтенант П. И. Давыдов (слева) и рядовой Крочачёв, 1944 г.
[КОКМ ОФ 34421/11]

Старший лейтенант П. И. Давыдов (слева) и старшина роты 198-го стрелкового полка Зарайский, 1945 г. [КОКМ ОФ 34421/4]

Рядовой И. А. Мудрый и ефрейтор Ю. М. Серов, 1946 г.

Групповое фото бойцов-связистов, октябрь 1942 г.

[Ф 4748]

Г. Н. Четыркина-Брюхова награждается медалью
«За оборону Сталинграда», 15 июня 1943 г.
[НВФ 3340/9]

Г. И. Четыркина-Брюхова на охране узла связи
[НВФ 3340/11]

Вот она, Германия, 1945 г. Справа — Г. И. Четыркина-Брюхова [НВФ 3340/13]

Л. А. Баранова, г. Франкфурт-на-Одере, 1944 г. [НВФ 3974/8]

Л. А. Баранова и Т. С. Бородуля [НВФ 3974/7]

Операция в полевом госпитале на Ленинградском фронте. Справа — операционная сестра А. А. Герасимова, выпускница петропавловской школы им. А. М. Горького [НВФ 463]

Концерт перед воинами-освободителями, июнь 1945 г. На «сцене» В. Д. Гусев, впоследствии заслуженный работник культуры РСФСР [НВФ 482]

1945 г.
Германия в Глатц
Бабкина Ружовская коллегия Л-на Роланова
Первый ряд сидит слева направо:

1. Красков	13. Орлов
2. Ткаченко Илья V	8. Тарасов Алексей
3. Зуева Лия	9. Барышниковая Елена
4. Роланов наз. синакти	10. Зубриков Николай
5. Токнов Лия	11. Коваленко
6. Гиринко Лия	12. Мещеряков Андрей
7.	13. Ивасов
	14. Ильин

Пресейный ряд
15. Александров Сергей V 16. Шмидтский,

Германия, г. Глатц, 1945 г. Группа связистов [НВФ 3974/5]

сфото в Герегавен
4 июля 1945 г.

фотограф. В.И. Мозаков.

г. Глатц
всех командой ГСБ

1. Мозаков Николай Иванович родной
2. Суровцев Сед. родной
3. Чилкова родной (Григорьев)
4. Еремин Алексей
5. Чернышев Игорь

Германия, г. Глатц, 1945 г. Группа связистов [НВФ 3974/4]

Л. М. Щепелев (второй слева) в день демобилизации, 1945 г.
[НВФ 4005]

Н. П. Николкин (третий справа) в день демобилизации.
Будапешт, 1945 г. [Ф 465]

Н. И. Калашников (справа) Германия,
1945 г. [КОКМ ОФ 34348/5]

А. И. Овчинников, участник КДО
[КОКМ ОФ 31389/3]

П. И. Юшина, Чехословакия, Прага,
1945 г. [ККМГИ 7672]

М. П. Поплевина-Бобрякова
[ККМГИ 34348/2]

Лейтенанты Ушаков, Христенко,
Наговицын. Остров Матуа, 1945 г.

198-й Курильский стрелковый полк.
Ю. Краснов, Б. Дорошко, А. Бudyко

Рядовые Н. Дмитриев, М. Кудрявцев,
И. Исин [НВФ 2921]

Старшина А. П. Костин, мл. сержант
М. М. Атаютк, рядовой А. А. Клименко
[КОКМ ОФ 34821]

ПО СТРАНИЦАМ ФРОНТОВЫХ ВОСПОМИНАНИЙ

В этом разделе, который можно условно назвать «литературным», собраны очерки, принадлежащие перу участников военных событий. В их числе и такие известные лица, как Герой Советского Союза вице-адмирал, бывший командующий Камчатской военной флотилией, почётный гражданин г. Петропавловска-Камчатского Г. И. Щедрин и тоже Герой Советского Союза, бывший командир передового отряда десанта, высаживавшегося на остров Шумшу, П. И. Шутов. Здесь же представлены работы бывшего командира базировавшегося в Приморье 1-го дивизиона больших охотников за подводными лодками охраны водного района Тихоокеанского флота П. М. Фролова (после войны он стал профессиональным журналистом); статья журналистки А. Клемичевой об участнике Курильского десанта В. Ф. Одинцове и фрагменты книги И. Буряка, посвящённой известному фотомастеру Г. А. Липскерову.

Г. И. Щедрин

Западнее Сан-Франциско

Начало пути. Ранним утром 25 сентября 1942 г. из Петропавловска-Камчатского в океан вышли подводные лодки Л-15 и Л-16. На траверзе мыса Маячный они круто развернулись влево и взяли курс на северо-восток. Ответив береговому посту на пожелание счастливого плавания сигналом «Благодарю», «Ленинцы», построившись кильватерной колонной, скрылись в туманной дымке.

Так начался далёкий и нелёгкий для них путь от самой восточной к самой западной окраине советского государства, чтобы иметь возможность принять непосредственное участие в боях с врагами Родины. Разве могли они знать, что ждёт их впереди, в трудном переходе через шесть морей и два океана, охваченных пламенем Второй мировой войны?

Куда направились, и с какой целью вышли корабли за ворота Авачинской губы, кроме командиров Комарова и Гусарова, никто толком не знал. В командах, конечно, понимали, что поход будет необычной продолжительности, тяжёлым, но пункт назначения, даже приблизительно, известен не был. Ещё в базе, готовясь к выходу и принимая на лодку полные запасы снабжения, краснофлотцы догадывались — уходят всерьёз и надолго. Каждому хотелось узнать свой новый адрес, но начальники молчали, а лишних вопросов в войну задавать не полагалось. И их не задавали...

К вечеру свободный от вахт личный состав собрался в самом просторном носовом торпедном отсеке. Из каюты командира отсюда принесли географическую карту мира с нанесённым на неё маршрутом перехода с Дальнего Востока на Север, в Полярный — главную базу Северного флота. Линия курсов, вычерченная красной тушью, пересекала Тихий и Атлантический океаны, Панамский канал, Берингово, Карибское, Саргассово, Норвежское и Баренцево моря и упиралась в Кольский залив. Цветными кружками с якорем были помечены порты захода: Датч-Харбор на Алеутских островах, Сан-Франциско, Коко-Соло в Панамской республике, Гуантанамо на Кубе, Галифакс в Северной Канаде, Рейкьявик на острове Исландия и, наконец, Екатерининская гавань.

Командиры, капитан-лейтенанты Василий Исаакович Комаров и Дмитрий Фёдорович Гусаров, каждый на своей лодке, объяснили подчинённым, что переход согласован между правительствами Советского Союза, Соединённых Штатов Америки и Англии. По договорённости, в водах, контролируемых союзниками, можно получить снабжение, произвести ремонт, а военное командование будет способствовать безопасности плавания наших кораблей. «Но, — тут же оговаривали они, — на бога надейся, а сам не плошай. Лучше, если мы будем считать, что успех дела зависит, прежде всего, от нас самих, от нашего умения довести его до конца».

Затаив дыхание, подводники выслушали правительственное задание. Им надлежало провести подводные лодки

практически вокруг света. Пройдя расстояние более шестнадцати тысяч миль по всем широтам северного полушария, следовало быть в немедленной готовности к выполнению приказов командования.

Из обстоятельных докладов командиров тихоокеанцы ясно представили себе опасности, подстерегающие их в пути. Они усугублялись тем, что в целях сокращения времени переход решено было совершить в надводном положении. Но подводники гордились оказанным им доверием, и никакие препятствия, никакие трудности не могли запугать экипажи и уменьшить их желание отлично справиться с боевой задачей.

Общее мнение, пожалуй, лучше всех выразил старшина 1-й статьи Иван Лещук. Он сказал:

— Сбылись самые сокровенные наши мечты! Мы будем иметь возможность мстить врагу за родных, за поруганную советскую землю. На Севере станем драться не только за себя, но и за товарищей, оставшихся в соединении и мечтающих, как и мы, попасть на действующий флот!

Краснофлотцы, старшины и офицеры встретили слова товарища аплодисментами. Каждый из них готов был повторить то же самое.

Вскоре разговор перешёл на деловые, вполне конкретные темы. Обсуждали, как лучше в походе обслуживать и сохранять механизмы, как организовать несение вахт, ремонт и отдых в иностранных портах. Говорили о некоторых вопросах боевой подготовки, на которые следовало бы обратить внимание, чтобы в Полярном не ударить лицом в грязь перед товарищами...

Маяк на мысе Африка был последним огоньком, светившим вслед подводникам с берегов родной земли. Вскоре и он скрылся за горизонтом. Теперь кругом, насколько хватало человеческих глаз, простиралась безбрежная ширь Берингова моря, свинцовые тучи на небе да вспышки фосфоресцирующего света на гребешках волн.

По заведённому порядку регулярно менялись вахты. Мотористы следили за работой дизелей, электрики обслу-

живали аккумуляторную батарею, рулевые старались точно удерживать заданный курс, а сигнальщики тщательно обшаривали биноклями горизонт, осматривая каждую волну, разглядывая каждое облачко. Им нести службу спустя рукава никак нельзя: всего в нескольких десятках миль к югу находится район активных боевых действий. Японские десанты недавно захватили у американцев Кыску и Атту — Алеутские острова из группы Крысых и Ближних. На подходах к ним действуют авиация, подводные лодки и другие силы военно-морских флотов обеих сторон. Нужно смотреть в оба...

Вот уже несколько суток на горизонте ни дымка, ни паруса. Лишь неутомимые живые планеры — чайки, нырки и редкие стаи кашалотов свидетельствуют о вечной, не прекращающейся жизни моря. Того моря, которое ещё сто пятьдесят — двести лет назад вдоль и поперёк избороздили храбрые русские мореходы и передовщики на утлых шитиках в поисках лежбищ морских бобров, котиков и славы своей Отчизны.

Литература по истории открытий и освоения русскими людьми северо-западного побережья Америки пользовалась на лодках наибольшим спросом. К сожалению, в библиотечках её оказалось слишком мало, поэтому каждый вечер, после вахт и работ, отсечные агитаторы, а иногда и офицеры рассказывали краснофлотцам не только о последних событиях, но и о подвигах их предков, совершённых в этих водах.

С большим вниманием и интересом слушали подводники беседы о путешествиях Семёна Дежнева и Федота Попова через Берингов пролив, о плаваниях Витуса Беринга и Алексея Чирикова к берегам Нового Света вдоль Алеутской гряды, об удивительной деятельности Шелихова и Баранова, о сотнях известных и тысячах безвестных героев-первооткрывателей и первопоселенцев бывшей Русской Америки.

На Л-15 лейтенант Григорий Гаврилович Исай зачитал вслух страницу из книги Соколова. Историк русского мореплавания писал: «По следам Беринга и Чирикова пустились сибирские купцы к берегам Америки, Курильским

и Алеутским островам для добывания пушных зверей, а казаки для сбора ясака. Чудесное мореплавание! Без карт, без инструментов, с одним компасом, иногда без компаса — совершались продолжительные плавания по морям безвестным. Не было ни материалов для прочного скрепления судов, ни знания для постройки их, ни даже командиров, умеющих управлять ими: управляли сами купцы, казаки, матросы и впоследствии штурмана... Многие суда пропадали в море, многие разбились у берегов. Люди гибли от голода, жажды, суровости климата и цинги, но спасшиеся возбуждали других на новые подвиги...»

Открытие, изучение и освоение Аляски, Алеутских и других островов потребовали смелости, настойчивости и кипучей энергии, которыми так богат наш народ. И не его вина, а его беда, что земли, омытые потом и кровью простых тружеников, попали в чужие руки.

Гордостью наполнялись сердца тихоокеанцев за деяния отважных мореходов Емельяна Басова, Михаила Неводчикова (кстати, остров Атту, у которого шли бои, впервые открыл он), Андреяна Толстых, Гаврилы Пушкарёва, талантливых путешественников и исследователей, чьи работы по сей день не утратили своего значения. И в это же время ни один раз за день недобрым словом поминали они бывшее царское правительство, легко уступившее, фактически подарившее американским капиталистам землю, принадлежащую народу по праву первооткрытия и освоения.

Семь миллионов двести тысяч долларов за без малого шестьсот тысяч квадратных миль территории со всем находящимся на ней имуществом и даже архивами Российско-Американской компании. Самая дешёвая сделка в истории землевладения — менее пяти центов за гектар! Недорого ценил царь со своими сатрапами пот, труд и кровь крестьян, казаков, промышленных людей...

Инженер-капитан-лейтенант Л-16 Борис Глушко захватил с собой комплект журнала «Природа и люди» за 1917 г. Во втором номере этого журнала помещалась статья Лебедева, посвящённая пятидесятой годовщине со дня прода-

жи Россией полуострова Аляска. В ней описывалась церемония передачи края новому владельцу. Статья ходила по рукам. В ней писалось:

10 октября 1867 г. вокруг острова Ситха встали на якорь несколько русских и американских военных кораблей. Все близлежащие бухты были забиты байдарами алеутов и индейцев. Около «Замка Баранова» — резиденции правителя — выстроились по одной роте солдат обоих государств, здесь же находилось несколько десятков офицеров и последний русский губернатор Аляски князь Максutow.

Официальные переговоры продолжались полчаса, а затем наступила полная тишина, нарушаемая только плеском волн и негромкими командами. Точно в назначенное время командующий русской эскадрой капитан 1-го ранга Пещуров, обращаясь к американскому генералу Руссо, сказал: «По повелению его величества императора всероссийского передаю вам, уполномоченному Северо-Американских Соединённых Штатов Америки, всю территорию, которой владеет его величество на Американском материке и на прилегающих островах, в собственность Штатов, согласно заключённому между державами договору».

После этих слов была подана команда: спустить трёхцветный флаг России, поднятый на высокой мачте перед домом правителя. Полотнище медленно пошло вниз. Но посредине мачты вдруг заело фалы. Один из матросов взобрался на мачту, отдал, но не смог удержать флаг в руках. Его понесло ветром в сторону и отбросило на штыки солдат, державших винтовки «на караул». Русский флаг, водружённый здесь подвигом народа, словно не хотел покидать Аляску...

Неутомимый бег времени далеко отодвинул в прошлое события, описанные Лебедевым, но они продолжали волновать моряков и сегодня.

— Не знаю, — сказал краснофлотец Градусов, обращаясь к старшине 2-й статьи Мелешко, — может, и не хорошо так говорить о союзниках, но приобретение их страной Русской Америки больше похоже на грабёж среди бела дня, чем на честную покупку.

— Будь спокоен, янки не переплатят! Всё, что плохо лежит, к их рукам всегда прилипало. А тут удача — у царя после Крымской войны в руках силёнки кот наплакал, удерживать дальние окраины нечем. Как же дяде Сэму мимо пройти! Вот, пистолет в одну руку, тощий кошелёк в другую, и будь здоров. Было ваше — стало наше! Это что, а вот Калифорнию у Мексики совсем за здорово живёшь оттяпали. Капитализм — слабых бьют!

Между тем поход проходил благополучно. Механизмы работали безотказно. Днём шла боевая подготовка, а одновременно с нею наводилась чистота в трюмах и отсеках. Ведь по состоянию кораблей и по поведению экипажей на берегу американцы будут судить обо всём советском Тихоокеанском флоте. Это накладывало как бы личную ответственность на каждого моряка за положение дел на лодке и заставляло чувствовать себя полпредами своего государства за границей. Великая страна требовала хороших дел...

Старший в группе подводных минных заградителей капитан-лейтенант Дмитрий Фёдорович Гусаров не был новичком в дальних походах. Совсем юношей, задолго до военной службы, он окончил мореходное училище и в должности помощника капитана побывал во многих странах мира, плавая на грузовых судах. Опыт, перенятый у старых капитанов и приобретённый в морях и океанах, теперь очень пригодился молодому флагману. Дмитрий Фёдорович лично разработал маршрут перехода и произвёл расчёты потребного времени на каждый его этап. Выручало также умение точно определять местонахождение корабля по наблюдению небесных светил.

Несмотря на неблагоприятную погоду и отсутствие многих навигационных пособий лодки не сбивались с намеченного пути. Об этом позаботились командиры и штурманы, сутками не сходявшие с мостика и не пропустившие ни одной возможности «поймать» секстаном высоту Солнца или звезды.

29 сентября пересекли линию смены дат — сто восьмидесятый меридиан и перешли из восточного полушария

в западное. На следующий день календарь показал то же число. Сутки не в переносном, а в буквальном смысле длились сорок восемь часов. Если бы этим правилом пренебрегли, то была бы повторена ошибка известного Филеаса Фогга — героя жюльверновского путешествия вокруг света в восемьдесят дней, то есть жили бы на сутки впереди всего остального человечества. Но все, кто отвечал за службу времени на лодках, помнили, как следовало им поступать, пересекая демаркационную линию, и 29 сентября повторилось не только потому, что все они в детстве читали великого французского фантаста...

На мостик в помощь вахтенному сигнальщику дополнительно выделяются два наблюдателя, один из которых одновременно дежурит у сорокапятимиллиметровой пушки. Межу этим триумvirатом чётко распределены сектора наблюдения, и каждый отвечает за свой сектор на воде и в воздухе. Вахтенный офицер наблюдает «внакрой» за носовой полусферой.

Надёжность принятой системы наблюдения получила серьёзную проверку на следующие же сутки. Утро этого дня выдалось пасмурное и туманное. Лодки, как обычно, шли кильватером в двух кабельтовых друг от друга. Неожиданно чуткое ухо сигнальщиков уловило шум мотора, а затем они увидели едва различимую точку в небе. Самолёт!

Едва над Л-16 взвилась ракета, означавшая «немедленно погрузиться», как оба «Ленинца» исчезли под водой. Командиры остались довольны: воздушная цель была обнаружена на обоих кораблях одновременно.

После всплытия в надводное положение плавание продолжалось при плохой видимости в густом тумане. Но это не помешало лодкам прибыть в назначенную точку randevу к установленному времени. Здесь встретились с американским противолодочным кораблём. Под его проводкой Л-15 и Л-16 вдоль побережья острова Уналашка направились в военно-морскую базу Датч-Харбор.

Вскоре на высокой скале входного мыса замигал прожектор сигнально-наблюдательного поста, поздравивший

подводников с благополучным прибытием. Буксирный катер, попыхивая дымком, развёл боновые ворота гавани, и в пятнадцать часов сорок минут 1 октября лодки ошвартовались к причалу. Множество собравшихся на стенке американских солдат, матросов и офицеров дружески приветствовали наших моряков. Им впервые довелось увидеть у себя в базе советский флаг.

В иностранном порту. Датч-Харбор в переводе значит «Датская гавань». Но вряд ли в целом мире найдётся человек, способный членораздельно объяснить, какое же отношение имеют достопочтенные датчане к Уналашской бухте, ранее называвшейся Капитанской.

Впрочем, объясняется это очень просто. Правящие круги Соединённых Штатов, вырвав из одрахлевших рук Дома Романовых Аляску, Алеутские и множество других островов в северо-восточной части Тихого океана, спешили вытравить из бывшей Русской Америки всё, напоминающее о России, даже географические названия. По их мысли, ничто не должно было напоминать людям о настоящих хозяевах присвоенных земель — русских, алеутах, индейцах. «Зачем, — рассуждали они, — достаточно, что за них заплачены американские доллары!»

Для переименования населённых пунктов и приметных мест на островах и материке в спешном порядке создаётся специальная комиссия. Она в своей работе руководствуется единственным принципом — по возможности не оставлять ничего русского. А так как русские из уважения к местному населению на своих картах сохранили в основном алеутские, индейские и эскимосские названия, то не щадили и их. После работы комиссии от старой географии не осталось камня на камне. Ново-Архангельск на острове Баранова стал Ситкой, а Капитанская Гавань на Уналашке — Датч-Харбором.

Однако простая замена названий не способна изменить существа дела. В этом подводники убедились при самом беглом знакомстве с местностью. Лодки шли мимо небольшого алеутского посёлка на самом берегу бухты. И хотя

формально здесь и не пахло русским духом уже семьдесят пять лет, но постройки были такими же, как учили строить русские. Даже колокольня и церквушка с медными крестами и главами-луковицами точно копировали старое русское село. Если бы власти несколько месяцев назад не выселили коренных жителей деревушки на архипелаг Александра, то краснофлотцы удивились бы ещё больше, встретив среди островитян Ивановых, Петровых и Сидоровых. Эти фамилии по сей день носят алеуты.

Подводники с интересом рассматривали место стоянки. Датч-Харбор вместе с бухтой Иллюлюк образуют довольно обширный водоём, способный вместить несколько десятков кораблей. Кругом его обступили невысокие каменистые сопки с оврагами и распадками. В низинах блестели озёра с многочисленными ручейками и заболоченными берегами. Зелени уже почти не было, всё выглядело однообразным и серым. Низкие обложные тучи и непрерывно моросящий дождь делали ещё более грустным и без того невесёлый пейзаж.

Перед Второй мировой войной американцы начали оборудовать здесь манёвренную базу лёгких сил флота. Построили причалы, аэродром и аэропорт, склады, военные городки, для защиты стоянки кораблей с моря и воздуха установили береговую и зенитную артиллерию, вход в гавань загородили бонами и противолодочными сетями. На рейде стояли крейсер, четыре эскадренных миноносца, несколько торговых судов, а к стенке искусственного бассейна ошвартовались две американские подводные лодки.

Военнослужащие, собравшиеся на пирсе, у места швартовки «Ленинцев», составили солидную толпу в несколько сот человек. По их восклицаниям и одобрительным репликам было видно, что не одно праздное любопытство привело сюда американцев, но и дружеское расположение к русским. Они хотели видеть и пожать руки представителям народа, отважно сражающегося с фашистами.

Едва закрепили на кнехтах швартовые концы и краснофлотцы вышли на палубу, чтобы вдохнуть свежего возду-

ха, посмотреть вокруг или сделать несколько хороших затяжек табачным дымом, как десятки рук предупредительно потянулись к ним с берега с раскрытыми пачками «Кэмела» и «Честерфильда»: «Сигэрет, сигэрет, плиз!»

Через пять минут войны обеих национальностей с увлечением беседовали друг с другом, если можно назвать беседой язык жестов, взаимное похлопывание и крепкие рукопожатия. Среди команд лодок нашлось несколько человек, немного понимавших по-английски, а у американцев — двое, говоривших на смеси всех славянских диалектов. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы выразить то, о чём думаешь. Язык дружбы в переводе не нуждается...

Не прошло и получаса, как основы языков были усвоены окончательно, русские поняли значение американского «о кей», а американцы — русского «хорошо» и «на полный ход». Теперь уже объяснялись без всякого труда.

Советских моряков не переставало удивлять пристрастие американцев к сувенирам. Сувенир — любой предмет, вещь на память о ком-то или о чём-то. Им может быть всё что угодно: мелкая монета, почтовая марка, значок, пуговица, спичечная коробка, на худой конец, автограф в блокноте. Материальная ценность сувенира, по-видимому, не играет большой роли. При первом же знакомстве с гостеприимными хозяевами гости раздали им всё, что имели. Американцы особенно ценили звёздочки с бескозырок, которые тут же приспособливали на пилотки или к нагрудным карманам гимнастёрки. В ответ краснофлотцев отдавали сигаретами, шоколадом, перочинными ножами и другой мелочью, случайно оказавшейся под руками у любителей сувениров.

На лодку прибыл американский офицер, хорошо говоривший по-русски, и, доложив, что он будет помогать решать вопросы, связанные с командованием базы. «А пока суть да дело, — сказал он, — на берегу для ваших матросов и офицеров приготовлена баня. Нужна ли она вам?» «Не откажемся!» — в один голос подтвердили командиры Гусаров и Комаров.

К пирсу подкатили автомашины, и разделившиеся на две очереди подводники, прихватив с собой бельё, отправились на мытьё в военный городок. Дорога к казармам была покрыта слоем жидкой липучей грязи. Её счищали грейдерами, но она вслед за широкими отвалами стекала с обочин на середину, и пешеходы утопали до колен в коричневой жиже. Не спасали и высокие, до колен, резиновые боты на ногах датч-харборцев.

Шоссе ещё не достроили, и на каждом шагу попадалась дорожная и строительная техника, а по полотну непрерывной вереницей мчались грузовики с материалами для постройки пирсов, технических помещений, складов. Из-под колёс стекали потоки грязи. База обустривалась...

Автомашины выехали на пригорок, откуда открылся общий вид местности. Постройки окаймляли бухту только с двух сторон. В южной части гавани расположилась уже знакомая алеутская деревушка, сообщавшаяся с наиболее застроенной восточной стороной с помощью портового паромы, способного перевозить людей, автотранспорт и грузы.

Гражданское население эвакуировано с острова, а в его домах расквартированы военные. Судя по веренице автомашин и технике, живут там солдаты инженерных или строительных частей. Возле церкви находится небольшой магазинчик с немудрящим ассортиментом товаров. На косогоре восточного берега выстроились в ряд стандартные полуцилиндры казарм из гофрированного оцинкованного железа, а немного поодаль вытянулась улица небольших, тоже стандартных офицерских флигельков.

У одного из металлических барачных машин остановились. Навстречу краснофлотцам выбежали несколько американских матросов. Они повели гостей в душевую, выражали самое дружеское расположение, предлагали мыло, мочалки, полотенце и даже чистое бельё. Их поблагодарили за гостеприимство, но нужды ни в чём не было.

После бани, с разрешения хозяев, моряки ознакомились с условиями жизни и размещения в казарме. Внутренние помещения оказались неплохими, тепло, сухо, хорошая

вентиляция, ярко горят лампы дневного света. Здание двухэтажное, верхний этаж жилой. На двухъярусных койках разместилось около двухсот человек. Внизу — камбуз, столовая, она же кинозал, душевая и подсобные помещения. Стены и потолки покрыты изоляцией, железа под ним не видно. Плохо, что мало естественного освещения.

На столах, тумбочках, над койками, везде, где позволяло место, наклеены открытки и вырезки из журналов. С цветных фотографий глядят улыбающиеся полуобнажённые красавицы голливудского типа и такие же легкомысленные франты в модных костюмах или в военной форме с неизменными бокалами и сигаретами. А кое-где не постеснялись выставить на всеобщее обозрение откровенную порнографию.

Низкопробное украшательство, видимо, должно внушать обитателям казарм простую мысль: для счастья нужны деньги. Имея доллары, можно пить, развлекаться, ни о чём не думать. Делай деньги, добывай их любыми путями, и ты счастлив. В этом смысл жизни! Увлечение матросов иллюстрациями бездельниц и бездельников, всякими «мисс Америками», наверное, поощряется в военно-морском флоте, судя по тому, что, бывая на кораблях, нашим морякам приходилось видеть в рубках, кубриках и каютах целые «картинные галереи» этого же содержания.

Новые знакомые угощали дешёвым шоколадом, пивом, принесли даже виски, но краснофлотцы наотрез от него отказались, чем искренне огорчили американцев. Поблагодарив коллег за всё, ими сделанное, и распростившись с ними, моряки поспешили в машины, чтобы сменить на лодках товарищей.

Гусаров и Комаров нанесли визит командирам военно-морской базы и флотилии подводных лодок. Они были в звании кэптенов (капитан 1-го ранга. — *Ред.*), приняли советских моряков вдвоём весьма предупредительно и обещали помочь всем, чем располагают.

Кэптен, командовавший базой, рассказал, что на Датч-Харбор базируются лёгкие силы флота и подводные лодки,

действующие у западного побережья Японии. Имеется также авиация для ведения разведки и нанесения ударов по оккупированным противником Кыске и Атту. Здесь отстаиваются конвои с грузами для Алеутской гряды и заходят советские транспорты, совершающие рейсы между Соединёнными Штатами и Дальним Востоком.

Японская авиация не оставили без внимания Уналашку и уже несколько раз бомбила базу. В результате бомбардировок разрушены две казармы с человеческими жертвами и уничтожены две большие ёмкости с горючим. «Поэтому, — говорил кэптен, — мы испытываем очень большие затруднения с жидким топливом, и если на ваших кораблях его хватит на переход до Сан-Франциско, покорнейшая просьба не запрапляться в Датч-Харборе». Командира базы поспешили успокоить, сказав ему, что ни в топливе, ни в машинном масле лодки не нуждаются.

Приём завершился приглашением подводников осмотреть одну из американских лодок, посещать клуб, киносеансы в казармах и чувствовать себя здесь как дома. Гусаров поблагодарил за внимание и в свою очередь пригласил кэптенов посетить корабли в удобное для них время.

За время стоянки на лодках не было недостатка в посетителях. Принимали командира базы с командиром флотилии, командиров подводных и надводных кораблей, старшего авиационного начальника и начальника госпиталя, офицеров штаба, зенитной и береговой артиллерии. А толпа солдат и матросов, приходивших к пирсам поглазеть на большевистские корабли, не убывала.

Экипажи в целом и каждого моряка в отдельности буквально засыпали приглашениями посетить ту или иную часть, подразделение, корабль или сходить вместе в кино, провести время. Конечно, принять все или хотя бы половину предложений не было никакой физической возможности. Но кое-где побывать пришлось.

В базе находились две подводные лодки типа «Американский Голланд». На одну из них, С-31, был приглашён личный состав заградителей в ответ на визиты американских

подводников. Моряки обрадовались возможности сравнить хваленую иностранную технику со своей, а заодно присмотреться, как за ней ухаживают и как содержат свои корабли американские коллеги.

Возвратились краснофлотцы разочарованными. Лодку им показали старую, шестиотсечную, построенную в двадцать третьем году. Несмотря на солидное, около тысячи тонн, водоизмещение, она была вооружена слабо: всего четыре носовых торпедных аппарата и четырёхдюймовая пушка, если не считать восьми запасных торпед и ручных пулемётов. Палуба с деревянным настилом через доску, похожа на рыбины. По технике она далеко отстала от наших лодок, и в этом отношении не представляет никакого интереса. Механизмы устаревшей конструкции, система беспузырной стрельбы отсутствует, стрелять с больших глубин нельзя. Торпеды короче наших и очень тихоходные. Торпедисты жалуются, что они часто не рвутся при попадании в цель.

Если несовершенство техники С-31 ещё понятно — корабль ведь старый, то содержание и уход за механизмами, чистота не выдерживают никакой критики. В отсеках феноменальная грязь. В трюмах вода и ржавчина. Трущиеся детали машин покрыты коркой загустевшего масла, смешанного с пылью.

— Теперь мне понятно, почему американцы удивляются чистоте «Ленинцев», — говорил за ужином лейтенант Жуйко. — Когда они хвалили, я, признаться, не верил в искренность похвал. Думал, подшучивают. Какая уж тут чистота, когда сотни людей оставляют на настиле десятки вёдер грязи. Оказывается, у них на корабле хуже, чем в плохой конюшне. Как им не стыдно показывать такую грязь-ищу. Удивляюсь...

— Вот и я всю остальную жизнь удивляться буду таким беспорядкам, как на С-31, — перебил товарища лейтенант Маринич. — На такой грязнухе постеснялся бы плавать любой уважающий себя моряк. А они даже не краснеют, как будто бы так и нужно. Вот неряхи... Почему нам не

показали гидроакустическую рубку? Что ты, что ты, там уже новая техника. Наверное, «Асдик» — гидролокатор установлен. Они и радиолокационный прицел не показали. Вам, говорят, англичане устанавливать будут, а у нас он секретным считается. Вот тебе и союзники. Дружьями-то они до первого городского оказались, как в старину говорили.

— Командование лодки здесь ни при чём, — заступился Гусаров за американских подводников. — Люди они военные и выполняют приказы старших начальников.

— Я и имел в виду этих самых начальников, — возразил ему старший политрук.

В первом отсеке разговор шёл о том же. И подводники пришли к единодушному мнению, что их коллеги к воинскому порядку не приучены и корабли свои не любят. Какой там может быть порядок и чистота, когда на всей лодке двух человек, одетых в одинаковую форму, не встретишь? На службу ходят, кто во что горазд, вечером в городке полно пьяных, на корабле мусора по колено. «Не было вояк, и это не вояки», — заключил боцман.

Последние дни стоянки использовались для тщательной подготовки к переходу в Сан-Франциско. А вечерами личный состав выкраивал время ходить в кино. Хотелось посмотреть хотя бы одну содержательную кинокартину. Но ожидания оказались тщетными. На экране показывали необыкновенные приключения бравого матроса в тропиках: портовые кабачки, полуобнажённые красавицы, пьяные драки. А труда, забот, войны как будто бы нет и никогда не было. Фильмы уводят зрителя от реальной жизни...

— Сэр, куды пидуть ваши шипс фром порту? — с таким вопросом обратился к Комарову американский солдат, украинец или поляк по национальности.

— Не знаю, друг, куда прикажут, наверное, в пункт назначения, — попробовал отшутиться капитан-лейтенант.

— Мабуть тэнде, куды и ти четыре, що слидом за вами идуть?

— Какие четыре? Откуда идут?

И солдат со знанием дела пояснил, что вслед за «Ленинцами» в Датч-Харборе ожидают четыре подводные лодки, вышедшие из Владивостока.

Ни Комарову, ни Гусарову об этом до сих пор ничего не было известно. Но оказывается того, во что по соображениям секретности не посвящались даже командиры — участники перехода, американское командование сочло возможным не скрывать от рядовых солдат. По меньшей мере, странное отношение к соблюдению военной тайны...

Вечером у командира военно-морской базы состоялась «конференция», как у них называлось совещание. Лодкам были назначены курсы и скорости движения на переходе до Калифорнии, даты прохода контрольных точек, уточнены вопросы связи и опознавания. Выход назначен на утро.

Трагедия в океане. С рассветом 5 октября, как и было условлено на «конференции», «Ленинцы» снялись со швартовых. Несмотря на ранний час и дождливую погоду на пирсе собралось много штабных офицеров и американских подводников. Пожелать советским кораблям счастливого плавания прибыл и командир базы со своей свитой.

«Хорошего счастья и доброй охоты! Скорой победы! Все торпеды в цель!» — с таким напутствием выходили в море Л-15 и Л-16 из первого пункта стоянки в заграничных водах.

— Приятно, что нас так тепло провожают, — поглядывая на берег, сказал Гусаров, обращаясь к своему заместителю по политической части Ивану Марковичу Смышлякову, — но уж очень много лишних людей знают о нашем выходе. Наверное, известно, и куда мы идём. Не нравится мне это. Нужно команде рассказать и напомнить ещё раз, что в море ним зевать нельзя.

— Я и сам так думаю, Дмитрий Фёдорович. А с краснофлотцами сегодня же обязательно поговорю.

Почти такой же разговор шёл в это время и на мостике Л-15:

— Какая пропасть народу собралась на пирсе, будто всю базу оповестили о нашем выходе, — заметил лейтенант Жуйко, принимая вахту от старшего помощника Кофанова.

— Базу — полбеда. Хуже, если и микадо с его флотом проинформированы. При такой помпе это не исключено. Неужели и на второй год войны в американских штабах не поняли необходимости соблюдать в тайне передвижение сил на театре?

— Напрасно так думаете. Я видел, как двое суток назад уходила их лодка. Её никто не провожал. Подводники ни со своими, ни с нашими моряками не прощались... Выходит, что когда дело касается американских кораблей, они язык за зубами держать умеют. А наш выход своей заботой не считают.

— Не нравится мне, товарищ командир, что американская эскадра вперёд нас в море вышла, — обратился к Комарову комендор Нефёдов.

— Почему?

— О нашем переходе знает народу больше, чем нужно. Кто их знает, что у них на уме. Выйдет за угол, пальнет в борт торпедами, и поминай нас как звали.

— Не болтайте ерунды! А чтоб так не получилось, внимательно наблюдайте за своим сектором!

— Есть не болтать, а наблюдать!

День стоял пасмурный, хмурый. За воротами бухты тучи клубились над самыми гребнями волн. Ветер слабый, на море гуляла пологая мёртвая зыбь — отголосок недавних штормов. Берег закрывал туманчик, и через несколько минут очертания Датч-Харбора скрылись за кормой.

Впереди подводных лодок, обеспечивая эскортирование, шёл сторожевик РВ-142. Связь с ним поддерживала флагманская Л-16. Оставляя едва приметный след взбиваемой винтами пены, колонна кораблей уходила от берегов, сливаясь с серым фоном воды и неба.

Изрядная бортовая качка напомнила, что спокойная стоянка у стенки окончилась, и ухо следует держать остро. На подходах к базе вероятны атаки японцев из-под воды, поэтому и Жуйко, и Нефёдов, и рулевой Смольников, так же, как и командир корабля, всё своё внимание сосредоточили на наблюдении за поверхностью моря.

Спустя два часа при улучшившейся видимости колонна подошла к Акутану — проливу, отделяющему остров того же наименования от Уналашки, и легла курсом на выход из Берингова моря в Тихий океан.

В сумерках американский сторожевик, пожелав счастливого плавания, повернул в базу, а «Ленинцы» продолжили идти на юго-восток в сторону самого большого порта Калифорнии, до которого оставалось более двух тысяч миль.

С наступлением темноты, когда опасность атак уменьшилась, и напряжение несколько спало, командиры рассказали личному составу последние сведения, полученные в штабе базы. По пути движения действуют японские подводные лодки. Потоплений кораблей в последние недели не было. Американские конвои ходят в сильном охранении по прибрежным фарватерам вдоль Канады и Аляски. Перевалочной базой служит порт Сиэтл.

Наши лодки, чтобы не быть принятыми за неприятельские и не подвергаться атакам сил флота США, пойдут мористее. График движения установлен жёсткий. Командованием назначены шесть точек, которые необходимо пройти в назначенное время. Отклонения в обе стороны от курса более пятнадцати миль, опережение более тридцати миль и отставание свыше пятидесяти не допускаются и безопасность не гарантируется. При необходимости связь поддерживается с Сан-Франциско. Для лучшего взаимопонимания и разрешения неясных вопросов на Л-16 послан американский офицер связи лейтенант Михайлов.

Командиры не скрывали от экипажей своих опасений. «Японская военщина, — говорили они, — способна на любую подлость. Никто не может поручиться, что в Датч-Харборе она не имеет своей агентуры, и о нашем походе ещё не известно в морском генеральном штабе. Нельзя быть уверенным и за соблюдение тайны маршрута перехода. Он разработан без нашего участия, и слишком много людей знают о нём. Отсюда задача — надеяться на самих себя. Врага нужно ждать, обнаружить и уклониться от него раньше, чем он успеет сделать своё чёрное дело...»

Радисты приняли и записали последние известия, переданные широкопередаточной станцией Хабаровска. Тетрадь с записями пошла гулять по отсекам. Её читали и перечитывали. Здесь, на другом полушарии, вдали от Родины, подводники узнали настоящую цену каждому слову, посланному ею в эфир. Ведь все мечты и чаяния связываются с ней — любимой Отчизной, с родной землёй, на полях которой решаются судьбы и будущее человечества.

Скупые строчки сводок от Совинформбюро оживлённо обсуждались в отсеках. Жаль, что в них не было ничего утешительного. Ожесточённые бои шли в предгорьях Кавказа и у стен волжской твердыни — Сталинграда. На фронтах наступило равновесие сил: гитлеровцы уже не могли двигаться вперёд, а у Красной Армии ещё не накоплено достаточной мощи, чтобы начать контрнаступление. Вот когда бы помог второй фронт! Но союзники не спешат с выполнением своих обязательств.

В других сообщениях говорилось о повысившейся активности фашистских подводных лодок на коммуникациях в Атлантике. С этим подводникам ещё предстоит встретиться впереди.

— Пожалуй, и на нашу долю перепадёт подраться, — начал разговор старшина команды трюмных машинистов Павлов. — А то и так может случиться: попадёшь на действующий флот к шапочному разбору, а потом попробуй, объясни своим будущим деткам, как это ты, будучи военным, умудрился не нюхать пороху.

— Наверняка повоюем, — успокоил друга боцман Демичев, — иначе нас не послали бы «на край света». Наверное, не дешёвое это удовольствие. Тут дело в другом, Игорь, — как мы себя в бою показать сумеем. Стыдно нам будет, обогнув Земной шар, осрамиться перед товарищами на Севере. Тогда позора не оберёшься.

— Нет, братцы, этого не будет! Хватило же у нас смекалки два года удерживать первенство по флоту в боевой подготовке. Почему же её может не хватить на настоящие атаки и минные постановки? Вы видели суточный план на завтра?

Скучать не придётся. Старший лейтенант Кофанов весь день занятиями да учениями расписал, — вмешался в разговор старшина группы торпедистов Голентовский.

— И правильно старпом делает, по-суворовски: тяжело в учении, легко в бою!

Трое главстаршин разошлись на отдых по койкам. Завтра им предстоял, как всегда, напряжённый день боевой учёбы.

Лодки шли над водой, не меняя курса. Чем дальше продвигались они на восток, тем больше голубело очистившееся от облаков небо, ярче светило солнце и теплее становился воздух. Океан спокойно и ритмично дышал, плавно и осторожно убаюкивая корабли на своей могучей груди.

В отсеках несли вахту, но вместе с этим объявлялись тревоги, проводились учения. Словом, подводники не жалели сил и не теряли напрасно времени — готовились к войне. Лучше пролить пот, учась, чем кровь, борясь. Так было написано в сегодняшнем «Боевом листке».

Командиры и штурманы не сходили с мостика. Проверая друг друга, они с увлечением определяли место, чтобы обеспечить абсолютную точность плавания. Время от времени сигнальщики обменивались между собой короткими семафорами — это шло взаимное оповещение о рассчитанных широтах, долготах, течениях, сносах.

В первом отсеке собрался личный состав Л-15. По просьбе краснофлотцев штурман Маринич рассказывал о побережье, вдоль которого совершался поход.

— От Алеутских островов до Сан-Франциско, — начал лейтенант, — нам предстоит пройти около двух тысяч миль. На всём пути мы не увидим берегов, они остаются к северу вне видимости. Материк от Аляски до островов Королевы Шарлотты принадлежит Соединённым Штатам. Далее на юго-восток до порта Виктории — Канаде, а к югу от острова Ванкувер — снова Штатам.

Аляска является отдельной территорией США с административным центром в городе Джуно с пятью тысячами семьями жителей. Всего на полуострове проживает семь-

десять пять тысяч человек, из них меньше половины белых. Остальное население составляют алеуты, эскимосы и индейцы. Кроме коренных обитателей, на сезонные работы, главным образом в горную, лесную и рыбную промышленность, ежегодно приезжает до двадцати тысяч рабочих.

Местность здесь неровная, горы перемежаются с высокими плато. Отсюда начинаются Кордильеры — величайшая по протяжённости горная система Земного шара. Она простирается по тихоокеанскому побережью обоих континентов Америки на пятнадцать тысяч километров. На севере Кордильеры составляют Алеутский и Аляскинский хребты, Береговые и Скалистые горы. На Аляскинском хребте возвышается самая могучая гора Северной Америки — Мак-Кинли, поднявшая свою вершину на высоту более шести тысяч метров. На Аляске и прилегающих к ней островах множество вулканов. Среди них десятки действующих и имеющих огромную высоту: Санфорд, Врангеля, Илиямна и Шишалдина на острове Уникак.

У залива Якутат в явную погоду хорошо виден белый снеговой конус горы Святого Ильи высотой в пять с половиной километров. Название ей дал командор Витус Беринг, приходивший сюда с Камчатки на пакетботе «Святой Пётр». С горы к океану спускается ледник длиной тридцать семь и шириной сто тридцать километров. Вдоль берега на всю эту ширину простирается отвесная стометровая ледяная скала. От неё то и дело с пушечным грохотом отваливаются огромные айсберги.

Свои бурные студёные воды несут к морю легендарный Юкон и многие другие реки, открытые и описанные русскими путешественниками. А к северу раскинулся золотосный Клондайк, воспетый талантливым пером Джека Лондона.

Побережье юго-восточной Аляски покрыто густыми лесами, высокими травами, мхами и крупными папоротниками. Из деревьев наиболее распространены канадская сосна, кедр, тополь. На снеговых склонах растёт ольха и дикая яблоня. Верхняя граница леса проходит на высоте восьмисот

метров. Из животных водятся бурые и чёрные медведи, лисы, норки, куницы. А там, где редко ступает нога человека, встречаются олени, дикие бараны, козы, горный лев.

Береговая черта Аляски изрезана скалистыми фьордами со многими удобными для стоянки кораблей бухтами. Среди полутора десятков относительно крупных портов некоторые сохранили свои прежние названия: Ситха, Врангель, Петербург. Население занято оленеводством, в горнодобывающей промышленности, на пушном промысле и охоте за морскими котиками. Но основу хозяйства составляет рыболовство.

Туземцы безжалостно эксплуатируются и спаиваются американскими хозяевами. Они вымирают так же, как и коренные жители островов. Особенно быстро исчезают с лица земли индейцы обоих главных племён — атабаскайцев, проживающих внутри страны, и тлинкитов, населяющих прибрежные районы.

Штурман так же обстоятельно рассказал и о Британской Колумбии — провинции Канады на тихоокеанском побережье Америки. Миллионное население проживает на территории почти в миллион квадратных километров. По этническому составу оно мало отличается от населения Аляски. Только города здесь крупнее. Например, порт Ванкувер в устье реки Фрезер вмещает до трёх десятков океанских кораблей, имеет до четверти миллиона жителей, а административный центр провинции — город Виктория — около четырёхсот тысяч.

Как и на Аляске, через Британскую Колумбию тянутся Береговые и Скалистые горы, покрытые густыми влажными лесами с деревьями-гигантами, достигающими высоты до шестидесяти, а то и девяноста метров, и богатой фауной. В экономике первое место занимают лесоразработки и добыча полезных ископаемых: угля, ртути, меди, цинка, серебра, золота. Развито также судостроение, мясная и рыбоконсервная промышленность, имеется сельское хозяйство.

Много интересного рассказал Маринич о природе, климате, животном и растительном мире, путях сообщения и заня-

тиях населения в странах, у границ которых проходили лодки. Затем ответил на вопросы.

Старшина 2-й статьи Владимир Веселов интересовался, что такое доминион и воюет ли Канада с гитлеровской Германией. Лейтенант объяснил, что доминион в переводе означает владение, власть. Доминионы — бывшие английские колонии, составные части Британской Империи, получившие некоторую долю самостоятельности, но не освободившиеся ещё полностью от зависимости. Канада перестала быть колонией и стала доминионом с 1867 г. По договору 1931 г. за доминионами формально признана самостоятельность в проведении внутренней и внешней политики. С 1938 г. Канада находится в состоянии войны с Германией, предоставив свои вооружённые силы в полное распоряжение Англии. В этом году по просьбе Канады установлены дипломатические отношения с СССР.

После интересной беседы долго ещё не отходили подводники от карты, пока сигнал отбоя не заставил их улечься в койки.

11 октября на вахте лейтенанта Исай в половине пятого разошлись в непосредственной близости с неизвестным судном. Полностью затемнённое, без единого огонька на борту и палубе, оно исчезло в ночи так же внезапно, как и появилось. После Алеутских островов встретили первую живую душу, и та скрылась, как «Летучий голландец». Что за корабль, какой национальности, и рассказать нечего.

— Похоже, что океан начинает оживать. Наверное, Сан-Франциско уже близко, товарищ лейтенант?

— До Сан-Франциско, товарищ Рыбин, ещё далеко, около девятисот миль. А теперь будем наблюдать внимательнее и не отвлекаться разговорами. Может, здесь действительно движение большое.

— Есть!

Восходом солнца залюбовались все, кто был на мостике. Спокойный пурпур на воде и небе обещал ясную маловетреную погоду и не обманул ожиданий моряков. После подъёма флага не появилось ни единого облачка. Воздух над водой

прозрачный, чистый, видимость полная. Гладь океана морщит мелкая трёхбалльная зыбь с редкими белыми барашками на изгибах.

Лодки построились в обычный порядок — кильватерную колонну, на расстоянии в три кабельтова. Ход малый, готовность к погружению немедленная. Впереди шла Л-16. Нестерпимо яркое солнце и блики на воде мешали сигнальщикам наблюдать в носовых секторах. Пришлось надеть тёмные защитные очки.

В одиннадцать часов пятнадцать минут (в двадцать два пятнадцать по Москве) с мостика второй лодки увидели, как позади ограждения рубки флагмана на десятки метров кверху взметнулся столб пламени, воды и чёрного дыма, скрывшего корабль из видимости. Через секунду докатился звук взрыва.

Когда над Л-16 рассеялся дым, она с громадным дифферентом скрывалась в пучине океана. А когда форштевень ушёл под воду, последовали ещё два, более глухих, чем первый, взрыва. Теперь лодка, по-видимому, камнем падала на дно, унося с собой мёртвых и тех, кто оставался в отсеках живым...

Наблюдавшие эту картину с мостика Л-15 стояли, словно поражённые громом. Короткое время люди находились в шоковом состоянии, будто зачарованные, смотрели они на место гибели товарищей, с которыми многие годы были связаны узами самой тесной дружбы, и молчали.

Первым пришёл в себя командир:

— Самый полный ход! Артиллерийская тревога!

У форштевня и за кормой дыбились буруны. Лодка набирала скорость, из люка выскакивали артиллерийские расчёты с касками на голове и с противогазами через плечо, занимая места у пушек. Вместе с ними на мостик поднялся радист и протянул телеграфный бланк Комарову. Обрывок радиограммы был коротким: «Погибаем от...» Больше радиотелеграфист Л-16 ничего передать не успел. Его или залило водой, или антенна лодки к этому времени скрылась под поверхностью...

— Справа, дистанция пять кабельтовых, перископ! Отставить — два перископа! — взволнованным голосом докладывал рулевой Смольников.

— Открыть огонь!

Кто потопил Л-16? Наводчик кормовой пушки привёл на крест нитей хорошо видимый в прицел бурунчик по правому борту лодки.

— Цель поймана!

В то же мгновение рявкнул резкий, болью отозвавшийся в ушах, орудийный выстрел. За ним без всякой паузы второй, третий, пятый!

Два высоко поднятых перископа чертили воду, оставляя заметный след на её поверхности. Подводный пират любовался результатами своей разбойничьей работы, полагая себя в полной безопасности. Но первый же снаряд, выпущенный из пушки и разорвавшийся рядом, разубедил его в этом. Пришлось нырять.

— Цель потеряна!

Стрельба прекратилась и больше не возобновлялась, перископы не показывались. Лодка прошла над местом гибели Л-16. Два прямых, как стрела, следа от прошедших торпед вспороли поверхность океана. Один из них обрывался там, где плавали соляр и масло. Следы шли со стороны солнца. На воде никого не было. Экипаж флагмана не пережил своего корабля. Штурман записал координаты места гибели: широта 45°41' северная, долгота 138°56' западная, под килем 4 888 метров.

Здесь, в восьмистах двадцати милях западнее Сан-Франциско, далеко от родной русской земли, на месте, где, идя её защищать, только что сложили свои головы их товарищи — верные сыны Родины, тихоокеанцы оставили частицу своих сердец. Никто не нарушал скорбного молчания. Перед мысленными взорами подводников стояли их погибшие друзья: живые, весёлые, сильные и смелые юноши, такие, какими они были всего несколько минут назад...

Мстить! Беспощадно мстить за их смерть!

Но кому? Кто убийцы? Осиротевшая, оставшаяся в одиночестве Л-15 зигзагом на большом ходу уходила от рокового места.

— Отбой тревоги! Орудия в исходное положение. Арт-расчётам разрешается перекурить!

Над мостиком поплыл зеленоватый дымок с крепким махорочным запахом. Курили молча, разговор не клеился. Слишком неожиданно и свежо было горе, чтобы начинать им делиться.

— А всё-таки перископы были такими же, как и на американских лодках в Датч-Харборе, — ни к кому не обращаясь, отвечая каким-то своим мыслям, громко сказал Нефёдов.

Василий Исаакович Комаров промолчал. Но странно, именно та же мысль занимала его. Он хорошо понимал, что трудно, почти невозможно по расположению двух перископов, торчащих из воды, распознать тип подводной лодки. Но сходство с С-31 было поразительным...

Радиограмма о гибели Л-16 несколько раз передавалась в эфир. Но ни Владивосток, ни Петропавловск не подтверждали получения и не давали квитанции. Они не слышали лодки, или лодка не слышала их. Пришлось адресоваться к американцам, а это не очень улыбалось. Шифра для связи с ними не имелось, донесение посылалось открытым текстом и могло быть прочитано любым, принявшим его. Но Сан-Франциско на вызовы тоже не отвечал. По-видимому, в базе для передачи ошибочно дали не ту волну, на которой несли приёмную радиовахту. Круг замкнулся.

Командир, выслушав доклад, приказал прекратить передачу радиограммы. «Дела всё равно теперь не поправить, — рассуждал он, — а становиться объектом радиопеленгования для всех желающих — удовольствие маленькое. Хотелось бы донести, что пойду скоростью больше назначенной, но, может быть, даже лучше, если об этом никто не будет знать. Какой толк из того, что мы все дни точно выдерживали график?»

Капитан-лейтенант собрал личный состав и объявил ему об обстоятельствах гибели флагманской лодки со всем её

экипажем. В наступившей торжественной тишине, повинувшись единому чувству, без команды, но все как один, присутствующие сняли головные уборы и стали по стойке «смирно» в память о товарищах. У многих на глазах блеснули слёзы.

— Враг ответит нам за всё, и за их кровь тоже! А теперь я хотел сказать: мы всё равно пойдём на Север, и пока будем идти, самым важным нашим оружием должна быть бдительность. Распространяться не буду, вы и сами всё понимаете.

— Разрешите!

— Пожалуйста, старшина.

— Мы не из робкого десятка, и гибель Л-16 нас не запугала, а только злее сделала. Пойдём, куда приказано, без колебаний. И если для этого два раза через собственную смерть перейти нужно — перейдём. Но скажите, товарищ командир, кто мог сделать эту подлость? Японцы? Мы с ними не воюем. Американцы? Они наши союзники. А больше как будто бы и некому?

— Не знаю, товарищ Сироткин. Рано или поздно это станет известным. Шила в мешке не утаишь. А пока будем считать, что в океане бродит враг, и подставлять ему борт нельзя. Об этом прошу не забывать.

— Не забудем!

Несколько суток плавания прошли без приключений. А вечером 15 октября в точке randevu встретились с американским эскадренным миноносцем. Под его проводкой на следующий день прошли знаменитый мост «Золотые ворота» и опшвартовались к стенке крупного судостроительного завода у одного из предместий Сан-Франциско.

Лодку встретили военные власти: офицеры командующего силами флота западного побережья Америки и от адмирала Фриеделла — командира соединения подводных лодок, базирующегося на Сан-Франциско. Всех их интересовала судьба Л-16. Они заявили, что самолёты и эскадренные миноносцы вот уже несколько дней разыскивают её, но не могут обнаружить.

На борт прибыл генеральный консул СССР в Сан-Франциско Яков Миронович Ломакин. Комаров доложил ему о несчастье и передал шифrogramму, адресованную народному комиссару Военно-Морского Флота СССР. О случившемся Ломакин немедленно поставил в известность советского посла в Вашингтоне Максима Максимовича Литвинова, а тот — Москву. Скорбная весть достигла Родины в тот же час.

Американское командование было извещено о месте и обстоятельствах гибели «Ленинца». Простые люди Америки устроили команде Л-15 восторженную встречу. Её наперебой приглашали в гости, в клубы, на вечера и даже в рестораны. За девятисуточную стоянку у завода на лодке побывали многие сотни рабочих, инженеров, служащих, и каждый считал своим долгом хоть чем-нибудь выразить восхищение Стране Советов и расположение к её посланцам в военной форме.

Очень душевно встретили и в гарнизоне. На официальных приёмах и в частных беседах с нашими моряками американские офицеры часто задавали один и тот же вопрос: «К какой национальности, по вашему мнению, принадлежала лодка, уничтожившая Л-16?» «Нам это неизвестно», — отвечали подводники, но в глубине души многие были уверены или, во всяком случае, не исключали, что потопление нашей лодки — дело рук союзников. Само выспрашивание военными людьми наводило на грустные размышления. В водах, где произошла катастрофа, могли находиться только американские и японские военно-морские силы. Если американцы исключаются, то зачем спрашивать? А кто потопил, подводникам и самим хотелось знать.

Узнав о потере в Тихом океане одного из «Ленинцев», советское правительство через своего военно-морского атташе в Вашингтоне немедленно приняло шаги по выяснению и уточнению причин и виновников гибели. В морском министерстве США на запрос сообщили, что ко времени выхода лодок из Датч-Харбора в районе острова Кадьяк и у западного побережья Канады отмечались японские подводные

лодки, действовавшие на коммуникациях Калифорния — Аляска — Алеутские острова. В районе торпедирования Л-16 4 и 5 октября были потоплены два американских транспорта, а 9 октября разведка обнаружила нахождение там одной японской подводной лодки.

По сведениям того же морского министерства, широко-вещательные радиостанции Токио 27 декабря на японском, а 28 декабря на английском языке передали два сообщения. В первом говорилось: «Наша подводная лодка, оперирующая у западного побережья США, добилась исключительных успехов, уничтожив подводную лодку противника. Потопив два транспорта по десять тысяч тонн, подводная лодка на рассвете 12 октября обнаружила две большие подводные лодки противника, следовавшие, по-видимому, в Сан-Франциско. С дистанции нескольких метров наша подводная лодка выпустила одну торпеду, вслед за тем был услышан взрыв, а через перископ можно было видеть, как одна подводная лодка противника тонула, а другая уходила от нас».

Во второй передаче указывалось: «Мы получили сообщение о наличии подводных лодок противника. Немедленно погрузились и вскоре обнаружили две больших подводных лодки. Наш командир с небольшой дистанции выпустил торпеду, и через перископ было видно, как одна из подводных лодок после сильного взрыва затонула, а другая, немедленно отвернув, открыла безуспешный артиллерийский огонь».

После окончания Второй мировой войны в Японии вышла книга «Потопленные» капитана 3-го ранга Матецура Хасимото — одного из немногих оставшихся в живых командиров подводных лодок, принимавших личное участие в боевых действиях. Автор рассказывает о деятельности японского подводного флота в 1941—1945 гг. (эта книга переведена на русский язык и выпущена в свет издательством иностранной литературы в 1956 г.).

Хасимото описывает, как в 1942 г., в ответ на бомбардировку Токио американскими «летающими крепостями»,

японские подводные лодки — носители самолётов предприняли действия против американского континента. На лесные массивы штата Орегон решено было сбросить бомбы сильно-го зажигательного действия с лодочных самолётов. Выполняя эту задачу, подводная лодка И-25 под командованием капитана 3-го ранга Тагами перешла из Йокосуки к мысу Бланко на западном побережье Америки. В течение сентября пилот мичман Фудзита дважды поднимал свой самолёт в воздух с лодки и сбросил четыре бомбы на леса Орегона. Высокая температура зажигательной смеси вызвала сильные пожары с человеческими жертвами.

В начале октября погода резко испортилась, взлёт и посадка самолёта стали невозможны, и лодка вышла на коммуникации в северной части побережья. Атаковав несколько встреченных американских судов и потопив два танкера, И-25 сама подверглась налёту бомбардировщика, повредившего ей антенну и выведшего из строя радиосвязь. Несмотря на повреждения лодка продолжала выполнять задание. «К северу от Сиэтла, — читаем мы в книге, — она обнаружила две американских подводных лодки, следовавших курсом на юго-восток. У И-25 оставалась всего лишь одна торпеда. Сблизившись на дистанцию четырёхсот пятьдесят метров, командир выстрелил по цели. Торпеда попала в одну из американских лодок. Последовал сильный взрыв, и американская лодка затонула».

Очень вероятно, что погибшей лодкой была не американская, а советская Л-16. Правда, в описании японской атаки отсутствует упоминание двух существенных деталей: артиллерийский обстрел перископов И-25 с уцелевшей лодки и советские военно-морские флаги, поднятые над мостиками кораблей, которые Тагами не мог не видеть, сблизившись для залпа чуть ли не вплотную.

Казалось, можно было бы и поставить точку. Однако факты, относящиеся к потоплению Л-16, не исключают сомнений, высказанных в своё время капитан-лейтенантом Комаровым и его экипажем в отношении виновников её гибели. Дело в том, что в японской версии не всё совпадает

с тем, что наблюдали на Л-15. Например, датой уничтожения «американской лодки» токийское радио называет 12-е, а не 11 октября (в «Потопленных» приведён только месяц). Время атаки указано «с рассветом», тогда как Л-16 торпедирована почти в середине дня. И-25 выпустила одну торпеду, а с Л-15 наблюдали два следа и несколько взрывов.

Кроме того, в Сан-Франциско командование базы и офицеры проявляли повышенный интерес к обстоятельствам гибели «Ленинца», а многие намекали на то, что потопить его по ошибке могла и американская подводная лодка. При стоянке в Гуантанамо офицер связи, болгарин по национальности, заявил Комарову, что Л-16 торпедирована американской лодкой вследствие путаницы с оповещением в переходе советских кораблей. Не рассеялись эти сомнения и при переходе четырёх «Сталинцев» под командованием Героя Советского Союза капитана 1-го ранга Александра Владимировича Трипольского, шедших из Владивостока в Полярный. В связи с выявившейся опасностью всей группе из Датч-Харбора в Сан-Франциско было предложено идти совместно, в охранении двух эскадренных миноносцев. На возражения о том, что это увеличивает риск по сравнению с одиночным переходом, а если и следовать совместно, то необходимо выделить больше кораблей эскорта, представитель командования Алеутского сектора обороны ответил: «Мы предлагаем вам охранение от американских лодок. Для этого двух миноносцев более чем достаточно, а от японских и десятков безопасности не гарантируют». Видимо, он имел основание так заявить.

На переходе Тихим океаном до Панамского канала «Сталинцы» дважды безуспешно атаковывались из-под воды, а в базе Коко-Соло матрос с американской подводной лодки «Кат фиш» рассказывал краснофлотцам, что они дважды выходили в практическую атаку по советским лодкам.

Следует сказать, что «Кат фиш» отправилась из Сан-Франциско на трое суток раньше и прибыла в Панаму двумя днями позже наших лодок. По прибытии в Коко-Соло американские подводники приняли шесть боевых торпед.

Маловероятно, чтобы они не имели полного их запаса, выходя из Сан-Франциско.

Недоумение вызывает и то, что командиры «Ленинцев» не были оповещены о действиях японской подводной лодки 4 и 5 октября в районе, через который им предстояло пройти. И совсем непонятно, почему их не предупредили об этой лодке, перешедшей непосредственно на курс следования советских кораблей 9 октября. Хотя на борту Л-16 специально для этой цели был послан американский офицер связи. Одно коротенькое предупреждение или приказание изменить курс могло бы предотвратить катастрофу, но их не последовало...

Заслуживает внимания заявление токийского радио и строки из книги «Потопленные»: «Мы получили сообщение о наличии подводных лодок противника...» Действительно, организация встреч, стоянок в порту и выходов, производившихся американским командованием, не способствовали сохранению в тайне перехода наших подводных лодок.

Но кто бы не потопил Л-16 с её экипажем — японцы, с которыми наша страна не находилась в состоянии войны, или американцы — союзники по войне с гитлеровской Германией, в обоих случаях допущена вопиющая, ничем не оправданная подлость. Ошибка здесь маловероятна.

Тихоокеанец! Запомни координаты: широта 45°41' северная, долгота 138°56' западная! В этой точке на глубине около пяти километров покоятся вечным сном твои товарищи по принадлежности к флоту. В трудное для Родины время они шли защищать её. Помни о них и соблюдай бдительность!

Москва, 27 марта 1961 г.

Д-II 2322

П. И. Шутов

Десант на Шумшу

Девятого августа 1945 г. радио принесло весть о начале войны с империалистической Японией. Это особенно всколыхнуло размеренную жизнь Петропавловска. Идя по его ули-

цам, я всюду видел группы оживлённых людей. Небывалый патриотический подъём охватил всех воинов гарнизона. Солдаты и сержанты, казалось, только и ждали сигнала к выступлению.

Вокруг города спешно возводились оборонительные сооружения, в создании которых участвовало главным образом местное население. Руководить этим строительством поручили мне. Утром 14 августа я, как обычно, вышел на оборонительный участок. Несмотря на ранний час люди уже работали. Отдав необходимые распоряжения, поднялся на вершину сопки. День выдался тихий и солнечный. Я смотрел на безбрежную ширь океана и не сразу заметил, что ко мне подошёл посыльный из штаба.

— Товарищ майор, вас вызывает генерал.

Генерал-майор Гнечко любил краткость.

— Для вас, Пётр Иванович, — сказал он, — у меня есть новость. Мы решили назначить вас командиром сводного отряда захвата. Задача: высадиться на остров Шумшу, захватить плацдарм и обеспечить высадку главных сил. Мне сообщили, что отряд решено формировать из лучших бойцов-комсомольцев, умеющих хорошо плавать.

Мне придавались также отряд морской пехоты во главе с майором Т. А. Почтарёвым и отряд пограничников. Заместителем по политчасти рекомендовали старшего лейтенанта В. А. Кота, начальником штаба — старшего лейтенанта Т. Б. Дайна. На формирование отряда и его полную подготовку к погрузке на десантные суда дали два дня.

Сразу встретился со старшим лейтенантом Василием Котом.

— Я подберу таких людей — в огонь и в воду... — не находя слов от сильного возбуждения, он заходил по комнате.

— Этим сейчас и займитесь. Учтите, что бойцам отряда действительно придётся идти в огонь и в воду, — подчеркнул я последние слова.

После встреч со старшим лейтенантом Дайном и майором Почтарёвым я направился в роту автоматчиков, которой командовал старший лейтенант А. Г. Иноземцев. Это была

отличная рота. Она неизменно добивалась лучших показателей в части и почти целиком состояла из комсомольцев. Иноземцев построил бойцов прямо в казарме. Я объяснил, что создаётся отряд для выполнения особого задания, не скрыл, что операция будет трудной, что она потребует от них огромного напряжения сил и большого мужества.

— Кто желает добровольно идти в отряд — два шага вперёд! — скомандовал я.

Сейчас трудно сказать, кто первым сделал два шага. Помню только, что это был высокий плотный сержант с правого фланга. В тот же миг по нему выровнялись остальные.

К концу второго дня, 15 августа, отряд был полностью сформирован. В ночь на 16-е началась погрузка. Стояла тихая, безветренная погода. Небо заволокла дымка. Туман всё больше сгущался, и это делало ночь особенно тёмной.

В океан вышли на рассвете. Суда построились в кильватерную колонну. Впереди шли боевые корабли Петропавловской военно-морской базы во главе со сторожевиком «Дзержинский». Над водой висела густая пелена тумана. Мы имели возможность, оставаясь незамеченными с воздуха, приблизиться к острову и внезапной атакой захватить плацдарм. Первый день плавания прошёл спокойно. Имея в своём распоряжении катер, мы со старшим лейтенантом Котом побывали на других судах, побеседовали с бойцами. Все основательно готовились к предстоящей схватке с врагом.

В одной группе наше внимание привлёк богатырского сложения сержант. Это был командир отделения бронебойщиков Костылев. Он вынул из вещевого мешка неприкосновенный запас продовольствия и укладывал на его место патроны для своего массивного ружья.

— Думаю, эти штучки, — Костылев указал на патроны, — нам будут нужнее сухарей и консервов.

— Пожалуй, это верно, — согласился Кот. — Вы что же, сами додумались до этого?

— Никак нет. Все моряки уже так сделали.

— А если придётся вести бой суток двое-трое?

Костылев на минуту опустил глаза, потом спокойно ответил:

— Я так думаю: если драться придётся двое-трое суток, то боеприпасы опять-таки нужнее, чем неприкосновенный запас. А насчёт сухарей — потерпим, не из хилых. Только вряд ли так затынем. Острова здесь небольшие, на любом из них справимся за сутки.

Не бахвальство, а твёрдая вера в свои силы была в этих словах.

Наступила последняя ночь перед высадкой десанта. Вот замедлил ход и затем остановился «Дзержинский» и другие корабли. Мы прошли мимо них прямым курсом на Шумшу. Большой силы встречный ветер несколько замедлил движение наших десантных судов. Поэтому мы подходили к острову не ночью, а на рассвете.

Утром был туман, но верховой. Это исключало действия авиации, видимость же над морем внизу была довольно хорошей. От бдительности японцев и от эффективности их огня теперь зависит, насколько близко мы подойдём к острову.

Сквозь серую пелену уже различимы скалистые берега. Полным ходом идём к ним. Японцы молчат. Томительно тянутся минуты. Впечатление такое, что суда плывут слишком медленно. Однако берег всё ближе. Кажется, ещё немного, и мы ступим на землю. Но в этот момент воздух пререзал свист снаряда. Вслед за первым засвистел второй. Почти одновременно в разных местах острова огнём и дымом вздыбилась земля. Это по нашему радиосигналу ударила советская артиллерия с боевых кораблей и с мыса Лопатка на Камчатке. Бой начался.

До берега оставалось не более полукилометра, когда в группе Иноземцева загорелось одно судно, затем второе. Вспыхнуло судно в группе старшего лейтенанта Дайна, а также и в нашей. Поступили сообщения о первых потерях. Горящие суда, не замедляя хода, продолжали идти к берегу. До него — от пятидесяти до двухсот метров. Наступил

момент, когда с высадкой дальше медлить нельзя. Я приказал прыгать всем в воду и добираться до суши вплавь. Те, у кого были пулемёты, миномёты, противотанковые ружья, опустили их на дно и, держа в руке другой конец каната, тоже поплыли. Передние, почувствовав под ногами землю, поднялись и теперь уже шли к берегу в полный рост.

Самураи не ожидали такого порыва советских воинов. Они растерялись и не смогли оказать сколько-нибудь сильного сопротивления в борьбе за первые две траншеи. Мы овладели ими с ходу. Оставалась ещё одна, последняя. Несмотря на усталость бойцов атака продолжалась успешно. Десант вклинился в лощину между сильно укреплёнными мысами. В случае захвата третьей траншеи мы получали возможность выйти в глубь острова. И вдруг самураи с близкого расстояния ударили по цепи из пулемётов. Били из хорошо замаскированного дота. Меня ранило.

Укрывшись за небольшим бугорком, решаю что делать. Выигрыш во времени позволил бы противнику подтянуть резервы, поэтому надо было не дать ему этого времени, любой ценой уничтожить дот. Орудий нет. Выход один: взорвать. Несколько бойцов во главе с начальником химической службы дивизии майором А. Н. Курбатовым, нагрузившись взрывчаткой, поползли в обход дота. Противник заметил смельчаков. Офицер был ранен, один из бойцов убит, но остальные сделали своё дело. Дот взлетел на воздух.

Впереди — высоты 165,0 и 171,0 — основной узел сопротивления японцев. Силами одного десанта их не возьмёшь. И вдруг передо мной вырос матрос:

— Товарищ майор, я имею связь с «Дзержинским».

Я тут же доложил Гнечко:

— Ближайшая задача выполнена. Прошу огня.

Залп артиллерии был точен. Он помог нам овладеть первой траншеей на подступах к высоте. Завязался упорный бой за вторую, японцы оборонялись с яростью обречённых. Пока рота капитана А. Н. Суханова вела бой слева, громя колонну автомашин противника, японцы предприняли отчаянную попытку разгромить нас: они бросили танки,

их было свыше двадцати. Развернувшись в боевой порядок, танки с нарастающим грохотом приближались. В открытом люке одного из них, держа в руке знамя, стоял японский офицер.

— Похоже на психическую атаку, — произнёс один из бойцов.

— Ничего, встретим, — ответил ему спокойный голос, показавшийся мне знакомым. Так и есть. Сержант Костылев. Он хладнокровно устанавливал своё ружьё. Ждать больше нельзя.

— Огонь!

Остановилась первая вражеская машина, вспыхнула другая. Не более чем через две минуты горело уже шесть танков, однако остальные быстро приближались. Хорошо вижу перекошенное лицо японского офицера со знаменем. Раз за разом нажимаю на спусковой крючок автомата, офицер падает ничком, знамя валится на землю. Через мгновение замирает и танк: его остановил меткий выстрел сержанта Костылева.

Ожесточение боя нарастало. Потери нёс не только противник, но и мы. Но почти все раненые оставались на местах. Один из них, матрос Власенко, с забинтованной головой, метнул в ближайшую вражескую машину связку гранат. Видимо, в этот бросок он вложил свои последние силы, потому что тут же упал на дно траншеи. Танк закрутился на месте. Другому танку гранаты не принесли вреда. Ещё миг — и он ворвётся на позицию. В этот момент героический подвиг совершили техник-лейтенант А. М. Водынин и сержант С. Рындин. Они выскочили из траншеи и с противотанковыми минами бросились под танки.

Десантники устремились вперёд. На высотах взвились красные флаги. В это время я лежал на плащ-палатке в толькo что занятой траншее с пробитой грудью. Мимо проходили группы пленных японцев. Сражение за остров подходило к концу.

В этом бою многие бойцы совершили незабываемые подвиги. Многие из них пожертвовали своей жизнью ради победы.

В решающий момент боя за высоту Николай Вилков и Пётр Ильичёв закрыли своими телами амбразуры дота. Погиб Александр Иноземцев, водивший своих десантников в рукопашную схватку. Я помню этих простых советских людей.

Их помнит и Родина. В Петропавловске-Камчатском на одном из памятников высечена надпись: «Вечная слава героям, павшим в боях за честь и свободу нашей Родины. Память о вас, вернувших Родине Курильские острова, переживёт века. Август 1945 г.».

Д 2624. Машинопись

П. М. Фролов

Незабываемые встречи

В канун войны с Японией Дальневосточный край посетили многие выдающиеся деятели литературы и искусства. Они выступали с концертами в городских театрах, клубах, армейских гарнизонах, на кораблях. Помнится, с неизменным успехом давал концерты народный артист СССР Николай Константинович Черкасов, создавший ряд замечательнейших образов на экране, — профессора Полежаева («Депутат Балтики»), Александра Невского в одноимённом фильме, царевича Алексея («Пётр Первый»). Он рассказывал о своей творческой лаборатории, играл отрывки из некоторых лент, неизменно вызывая бурю аплодисментов.

С огромным успехом выступала народная артистка СССР Антонина Васильевна Нежданова. Её голос — лирико-колоратурное сопрано, замечателен по красоте, нежности и серебристости тембра, кристальной чистоте. Пение замечательной гостьи отличалось проникновенностью, теплотой чувств.

Владивостокцы помнят выступления поэта Александра Андреевича Жарова. В годы войны приобрели известность его песни «Заветный камень», «Грустные ивы». Обычно он появлялся перед публикой вместе с композитором Василием Павловичем Соловьёвым-Седым. Играли и пели песни «Ве-

чер на рейде», «На солнечной поляночке». Ему вторил голос друга.

Надолго останутся в памяти психологические опыты профессора Вольфа Григорьевича Мессинга, загадочные, интересные, всегда вызывавшие у публики потаённое восхищение. Ведущая предлагала избрать жюри, и тотчас за небольшой столик садилась группа зрителей, помогавших артисту в работе.

Поступает первая записка: «Пусть телепат найдёт запряженный в зале пакет и прочтёт его содержимое». Поправив на переносице очки с толстыми линзами, Мессинг спустился со сцены и попросил автора записки подойти к нему. Он энергично взял руку за запястье, сделал шаг, другой... Моряк с крейсера, повинуясь его воле, рассеянно посмотрел на лёгкое движение правой руки. Пронизывающий, целеустремлённый взгляд профессора заставил идти к тому месту, где запряжан пакет. При этом Мессинг настойчиво повторял: «Не отвлекаться, а думать, думать»... И вот обогривательная батарея. Мессинг заставляет моряка извлечь из-под неё конверт и вручить его председателю жюри. Тот, ловко вскрыв конверт, громко читает: «Расскажите о своём названном сыне». Ведущая делает жест в сторону Мессинга — ей удобнее выполнить просьбу моряка. Вот как это было.

На Балтике героически дрался с немцами лётчик Герой Советского Союза Константин Федотович Ковалёв. Ножиданно он получает в штабе полка приказ отбыть в Сибирь. «Ты слышал о профессоре Мессинге? — спросил командир и, не дожидаясь ответа, добавил: Он дарит тебе новенький истребитель».

Ковалёв в пути. За дорогу он многое узнал о необычном человеке. В прохладный день 25 марта 1944 г. поезд Москва — Владивосток застыл на пристанционных путях большого сибирского города. На перроне полным-полно народу. В людском потоке Ковалёв ничем особенным не выделялся среди других военных. Но, тем не менее, Мессинг подошёл к нему, хотя до этого никогда его не видел.

— Фидотовиш? — слышался ломаный, но полный динамизма голос.

Ковалёв взглянул на худощавого смуглого человека в шляпе с тёмными выразительными глазами за толстыми стёклами и немного удивился, как он смог узнать его в толпе.

— Здравствуйте, я вас давно жду, — продолжал Мессинг и, взяв лётчика за локоть, повёл к машине.

Вольф Мессинг и Константин Ковалёв жили в одной гостинице, завтракали и обедали за одним столом. Остальная часть дня складывалась в зависимости от приглашений, в которых у Ковалёва недостатка не было. Но нередко лётчику удавалось побывать и на представлениях телепата.

На Балтику Ковалёв попал в блокадные дни Ленинграда. Жестокие сражения с врагом следовали одно за другим, часто приходилось драться против двоих, пятерых самолётов противника. Совершено сто боевых вылетов, двести, четыреста. Финский залив напоминал безжизненную саванну: не видать ни парусника, ни силуэта большого корабля. Шестёрка «ястребков», которую однажды вёл Ковалёв, была уже у цели. И вдруг впереди — восемнадцать «мессеров». Уйти? Но так советские лётчики не поступают. Командир группы дрался с четырьмя врагами. Увидев, что лётчика Кириллова фашист намеревается расстрелять в упор, Ковалёв бросился на выручку. «Мессершмитт» рухнул в воду.

В другой раз в паре с Иваном Корниловым Ковалёв ввязался в бой с восьмёркой «Фокке-Вульфов». На его долю пришлось шесть самолётов, остальных взял на себя Корнилов. Сражение длилось недолго, враг недосчитался трёх машин. Наши лётчики вернулись домой невредимыми.

Трудно понять, почему Мессинг, увидев снимок Ковалёва в газете, решил купить на свои сбережения самолёт именно ему. Вероятно, мысль профессора сработала так: этот всегда будет с победой. И он не ошибся. Прославленный герой сбил тридцать один самолёт, из них шестнадцать лично. И нынче два патриота — профессор и лётчик — на заводском аэродроме. Состоялся митинг.

— Вручаю самолёт тебе, сын мой Костя, — взволнованно говорил профессор. — Бери его и бей врага, чтобы советская земля и небо были всегда свободны. Гневом к врагам нашим, любовью к Отчизне благословляю тебя на месть, на победу!

Профессор взял Ковалёва под руку и оба подошли к «ястребку». «За победу!» — крупными буквами выведено на его фюзеляже и далее: «Подарок от советского патриота профессора В. Г. Мессинга балтийскому лётчику Герою Советского Союза К. Ковалёву». Лётчик занимает место в кабине, включает двигатель. Профессор торопливо утирает глаза платком.

На новом истребителе Ковалёв лично сбил ещё четыре машины противника. Немцы предпочитали уклоняться от схватки с самолётом, на борту которого замечали слово «Мессинг». В своё время профессор жил в Польше и в 1937 г. предсказал с театральных подмостков гибель Гитлера. Его голова была оценена в двести тысяч рейхсмарок, но фашистам не удалось расправиться с этим человеком. Он стал гражданином нашей страны и здесь продолжил борьбу с её врагами.

...Концерт продолжается. Ведущая сообщает о поступивших записках. Вот одна из них: «Спрятана иголка, пусть Мессинг найдёт её». Записка передана в жюри через зрителей, профессор, естественно, не мог видеть, кто её написал. Он спускается со сцены и направляется в зал. Остановившись в проходе, говорит:

— Мужчину на пятом месте тринадцатого ряда прошу подойти ко мне.

Руки в захвате, слышатся всё те же слова: «Думать, думать!»... Проходят две-три минуты, и Мессинг заставляет вынуть из левого кармана кителя коробку папирос «Казбек», просит открыть её и во втором, нижнем, ряду взять четвертую с краю папиросу, извлечь из мундштука иголку. Жюри подтверждает находку. В следующий раз другой зритель спрятал иголку в левой поле бушлата, и там Мессинг обнаружил захоронку. Выходит, что поговорки не всегда бывают верны.

Жюри объявляет Мессингу об очередной записке. Тут же был показан вчетверо сложенный тетрадный лист. Профессор отыскивает автора, и снова тот же захват рук, тот же приказ думать. Мессинг ещё не знал, что в смежных комнатах размещена библиотека. Он называет полку и просит отсчитать книгу в ряду. Это — томик сочинений Ленина.

В зале по указанию Вольфа Григорьевича члены жюри отыскивают нужную страницу (называет номер) и требующийся абзац (указывает строку, отсчитанную сверху). Слышится громкий голос: «И вот взятие Владивостока показало нам (ведь Владивосток далеко, но ведь это город-то напешенский), показало нам всем всеобщее стремление к нам, нашим завоеваниям. И здесь, и там — РСФСР. Это стремление избавило нас и от врагов гражданских, и от врагов внешних, которые наступали на нас. Я говорю о Японии».

— Теперь раскройте записку, — приказал Мессинг. — Что написано в ней?

— То же самое, — поступило подтверждение.

Буря аплодисментов. В общем патриотическом подъёме неожиданно раздали слова паренька в бушлате, сказанные безо всяких обиняков, как думалось, к слову: «Нынче будем воевать с Японией».

Мессинг на какое-то мгновение растерялся, и оттого, что слишком прямолинейно был задан вопрос, и оттого, что слишком он оказался военным. Но тут же нашёлся: «У вас есть свои военные тайны, у меня свои...»

Предвидел ли он возможность войны с Японией, никто не знает. Всего за несколько месяцев до начала войны на Дальнем Востоке всё было, как всегда, тихо, спокойно. Проводились учения флота, читались обычные лекции, доклады, в которых наряду с мировыми новостями сообщалось и об агрессивной Японии. Но общий настрой глубоко будоражил подсознание.

Через несколько дней, вооружившись букетом цветов, мы — трое друзей — преисполненные любопытством, постучались в дверь гостиничного номера. Перед нами в изящном халате предстала Аида Михайловна Мессинг, жена и имп-

ресарио Вольфа Григорьевича, хрупкая, обаятельная. Рядом стоял сам властелин дум. Усаживают нас, начинаем беседу. Она что-то не ладится: зачем пришли? Потом: как это у вас получается, в чём секрет? Мессинг, которому десятки, сотни раз зрители задавали такие вопросы, всегда отвечал: «Как это получается, я сам не знаю». Предупреждал, что он не хочет представить свои способности чем-то непознаваемым, сверхъестественным, таинственным. Ничего этого в них нет, во всяком случае, не больше, чем в любых других способностях человека.

В качестве предположения он высказал мысль, что чувствительность мозга к биотокам, рождённым в другом мозге, значительно выше, чем у приборов. Надо ставить опыты, надо выяснить, участвует ли электромагнитное поле в передаче мыслей. И далее: «Для меня почти безразлично, есть ли у меня личный контакт с моим инструктором или нет, то есть держу я его за руку или нет. Большинству же телепатов проще проникнуть в мысли человека, если он держит его за руку. Может быть, этот факт поможет учёным в поисках истины».

Мой друг Николай Потапов, услышав эти мысли Мессинга и немного помявшись, спросил: «Как у меня сложится жизнь?» Николай крепкий, красивый моряк, женился на глухой и крайне чувствительной девушке, всегда тревожился: из-за болезни с женой может произойти непоправимое.

«Ты счастлив, а жена — настоящая подруга. И сын твой будет счастливым». Эти предсказания подтвердились.

А мичман Фёдоров, пожилой, невесёлый, с овровской плавбазы «Алдан»? На одном из представлений Мессинг поднял его с кресла, посмотрел в глаза, погладил голову, покружил ладонью вокруг лица и сказал: «Ваши головные боли прошли, садитесь, пожалуйста». Фёдоров, действительно, долгое время чувствовал себя хорошо: боль прошла, улучшился аппетит.

Автор этих строк и Константин Ковалёв много раз после войны встречались с Вольфом Григорьевичем Мессингом. Когда он бывал у нас в Краснодаре, мне иногда приходилось

исполнять роль ведущего на его концертах, рассказывать о знаменитых психологических опытах.

В дни подготовки к сорокалетию Великой Победы вспоминаем необычное дарование своего друга, его неистребимую ненависть к врагам. Вспоминаем и гостеприимную квартиру, где среди многочисленных грамот, адресов, откликов на видном месте хранился подарок экипажа крейсера: тельняшка, синий форменный воротник, бескозырка с лентой «Тихоокеанский флот».

Д 3469. Авторизованная машинопись

От редактора. Фрагмент этого материала под тем же заголовком был напечатан в центральной воинской газете «Красная звезда» 5 января 1967 г., № 4 [Д 3468]. Статья сопровождалась фотографией с подписью «В. Г. Мессинг (в центре) и балтийский лётчик К. Ф. Ковалёв у самолёта (фото 1944 г.)».

П. М. Фролов

Против танков

Бессмертный подвиг неизвестного комендора-тихоокеанца

Бой, о котором рассказывается ниже, не выдуман. Это происходило на одном из островов Курильской гряды в первые дни войны с Японией. Автор — сам участник этого боя. К сожалению, имя героя-моряка, совершившего свой высокий подвиг, осталось неизвестным, и все попытки установить, кем был отважный истребитель танков, оказались безрезультатными. Тихоокеанцы бережно сохраняют память о неизвестном герое, отдавшем свою жизнь во славу и процветание Родины.

Рано утром наши корабли подошли к острову и незаметно для японцев начали высаживать морскую пехоту. Стоял туман. Волны, шипя, дробились о береговой гранит. Вслед им сотни моряков сбегали по широким трапам десантных барж и скрывались в глубине острова. Где-то вдалеке завязался бой: слышалась сплошная автоматная стрель-

ба, гигантский взрыв потряс воздух. Потом покатилося мощное флотское «Ура!» А к берегу подходили всё новые суда. Люди, прыгая прямо в воду, стремились туда, где витала смерть.

Сыны Ямато ещё почивали в койках под покровом крепкого сна, когда на них обрушился неожиданный удар. Они считали, что всё необходимое против вторжения сделано. Пленный японец, стоявший перед нами в одном нижнем белье, глуповато улыбался, говоря, что русские перехитрили их: они не ожидали десанта с этой стороны.

Матрос не был любопытным. Он не стал задерживаться в занятом пункте и ушёл к небольшой сопке, откуда, точно десятки цепных собак, таякали вражеские миномёты. Он рвался в бой, который с каждой минутой становился ожесточённей. К берегу то и дело подносили раненых.

Начался общий штурм острова-крепости.

Оборонительная линия, построенная рабами из Китая, представляла собой долговременную, глубоко эшелонированную цепь укреплений. Высоты, взаимодействующие между собой, были насыщены мощной разветвлённой системой огневых точек. К ним паутиной тянулись траншеи с железобетонными входами, окрашенными в защитные цвета. Там, в подземелье, — казармы, госпитали, склады с продовольствием и боеприпасами. Японцы бахвалились, что в таких укреплениях можно провоевать двадцать лет, даже не опасаясь атомных бомб.

Моряк пригнулся, пополз. Вдали показалась амбразура дота. В нескольких метрах от него осторожно пробирался армейский лейтенант, чтобы подорвать ту же огневую точку, мешавшую продвижению наших войск. Вдруг японский пулемётчик, поднявшись над окопом, дал короткую очередь. Матрос ещё плотней прижался к земле, а когда повернул голову, то увидел, что лейтенант лежит неподвижно.

Грохотала корабельная артиллерия, и снаряды, гудя над головой, проносились куда-то вдаль.

Несколько минут матрос лежал, не шелохнувшись, затем осторожно поправил гранаты и двинулся дальше.

«Только вперёд, только вперёд!» — как будто в такт биению сердца, одна мысль проносилась в мозгу.

Моряк по-пластунски пробрался к воронке от снаряда и, достигнув её, опустился на дно. Сначала он пытался испробовать старый метод приманок — поднять вверх каску, чтобы обнаружить притаившегося противника. Но, передумав, отказался от этой мысли: может быть оттуда, из окопа, его передвижение не заметили, а показав каску, можно выдать себя не только пулемётчику, но и снайперам.

Определив примерное местонахождение окопа, моряк метнул в ту сторону пару гранат. Один за другим раздался взрывы. Пользуясь поднявшимися фонтанами земли как маскировочным средством, матрос круто свернул влево к траншее, зигзагами ведущей к доту. В это время левый фланг батальона морской пехоты продвинулся вперёд за сопку, где шёл ожесточённый бой.

Краснофлотец пробрался к тяжёлой двери дота и бросил противотанковую гранату. Снова взрыв потряс воздух. Дот умолк, путь оказался свободен. Десятки бойцов ринулись в атаку, оглашая пространство громовым «Ура!»

Через несколько часов враг был выбит с передового рубежа и отброшен на вторую линию обороны. Она представляла собой также целую серию укреплённых высот с подземными ходами, минными полями и проволочными заграждениями. Здесь же были установлены автоматические пушки, которые, произведя выстрел, мгновенно откатывались в глубь железобетонной ниши, закрывая за собой окно стальным щитом.

Морская пехота, встретив новое препятствие, остановилась и залегла, командир батальона попросил с кораблей «огоньку». Там не замедлили исполнить просьбу. Воздух вновь наполнился шумом артиллерийской стрельбы. Вокруг всё содрогалось от тяжёлого бесперебойного обстрела. Чёрно-пепельные клубы взрывов заволокли полуденное солнце. Люди изнывали от жары и жажды. Лица бойцов покрылись копотью, грязные струи пота сбежали наземь. Наступили томительные минуты ожидания.

Но вот приказ отдан. Войска устремились туда, где только что бушевал огненный смерч, где сотни трупов японских солдат и офицеров валялись на развалинах дотов и дзотов, в траншеях и окопах. Могучим порывом был сметён и этот укреплённый вал. Враг капитулировал. На высоте развевался алый флаг. Из уцелевших подземелий нехотя вылезали грязные и оборванные японцы, усиленно раскланивающиеся перед советскими автоматчиками.

Но борьба продолжалась. С флангов и из засад то и дело раздавались выстрелы «смертников». И хотя высота была в наших руках, каждый чувствовал, что японцы не оставят в покое поредевший батальон.

Действительно, вскоре разведка донесла, что за сопкой скопилось несколько танков. Десантники насторожились. Моряк лежал вместе с ними и устремил глаза на небольшой склон, откуда, гремя гусеницами, выполз головной танк, на борту которого был нарисован красный круг с расходящимися лучами. Всё это происходило словно в кино. Увлечённый этой картиной, матрос не испытывал чувства страха и спокойно наблюдал за приближением бронированного чудовища.

— Танки! — вскрикнул рядом лежавший с ним седовласый боец и ещё плотней прижался к земле.

— Где танки? — попросил моряк соседа. — Я вижу только одну машину...

Но японцы не заставили себя долго ждать. Показались второй и третий танки, а дорога, по которой они шли, вся заволоклась клубами пыли, скрывая подножье сопки и спуск к ней. Сколько было их там — неизвестно.

Моряк с сожалением посмотрел на свой автомат: против брони он был бесполезен. Захотелось иметь под руками пушку, что была на его корабле, и прямо с ходу расстреливать танки врага.

— Слушай, отец, — сказал матрос своему соседу-армейцу, — дай мне противотанковое ружьё. Я — природный комендор, не бойся, не промахнусь. Душа горит, ведь я рассказывал тебе свою историю.

Солдат отвернулся, словно не расслышал просьбы. Потом глухо проговорил:

— Я сам десять тысяч километров ехал сюда, чтобы рассчитаться с японцами. Ты называешь меня отцом, а может быть, мы с тобой ровесники? Вот что со мной немцы сделали...

— Отдай, Петров, ему ружьё, — сказал командир роты, присутствовавший здесь и слышавший разговор бойцов. — У тебя старые раны, ты довольно пострелял на Западе. А матросу надо утолить свою ярость.

Попов уступил своё оружие и, обиженный, отвернулся.

Моряк поблагодарил, потом, выбрав удобную позицию, внимательно стал наблюдать, как семь танков один за другим приближались к переднему краю нашей обороны. Он закурил трубку, затянулся, прилёг ниже к земле и долго выбирал цель.

— Стреляй! Что же ты? — раздавались кругом голоса.

Моряк ещё плотней прилёг к прикладу и вместо ответа подал себе команду:

— По японским танкам, огонь!

Концевой танк запылал и застыл на месте. Путь к отступлению был закрыт: японские танки оказались в ловушке. Матрос методично расстреливал отрезанную группу, выводя один танк за другим. Обрадованный первыми успехами, он стрелял ещё лучше, ещё метче.

Вот загорелась моторная группа у головного танка, и клубы чёрного дыма стали подниматься вверх. Матрос ещё раз выстрелил по башне, но промахнулся. Из подбитой машины заговорил пулемёт. Пули, разбив цевьё ружья, сразили героя прямо в грудь. Моряк выронил трубку изо рта, и красная пенящаяся струя крови хлынула из горла. В последние минуты он почувствовал, как его нежно обняла чья-то грубая солдатская рука. Он открыл глаза. Перед ним склонился всё тот же седовласый воин, что отдал ему своё противотанковое ружьё. Матрос тихо промолвил:

— Прости, друг. Скажи от моего имени... скажи всем, что я умер большевиком...

Он умолк. Попов бережно опустил тело героя на землю, а сам схватил ружьё и, поставив разбитое цевьё в каску, прижал к плечу, выстрелил. Пуля пробила броню, и пулемёт врага умолк. Танковая атака была отбита: восемь сожжённых машин догорали на поле боя.

Д 3446. Фрагмент газетной полосы

А. Клемичева

Они из Курильского десанта

Трудно назвать одним словом чувство, которое охватило Василия Акимовича Одинцова. Взволнован, потрясён... Перед ним лежала книга «Курильский десант» Василия Семёновича Акшинского. Документальная повесть о событиях, которые произошли около сорока лет назад, и участником которых был он, Одинцов. Лаконичная надпись: «Сорокалетию Победы посвящается».

Василий Акимович углубился в чтение. Всё верно, всё так и было. Вот и первое упоминание о 373-м стрелковом полку, где служил он: «П. А. Артюшин создал свою группу захвата второго эшелона главных сил десанта во главе с заместителем командира 373-го полка майором И. Г. Борисовым. Дальнейшие события подтвердили правильность этих решений».

Рассказы о родном полку встречались в книге часто. Автор посвятил однополчанам целые страницы из воспоминаний. И каждый такой эпизод — рассказ о героизме и бесстрашии советских солдат. «Советские десантники подготовили врагу в тот день ещё один сюрприз: главные силы нашего десанта нанесли тогда решительный удар по японским позициям с фланга, а некоторые подразделения 373-го стрелкового полка зашли им в тыл. Противник был вынужден отойти на запасные позиции, понеся значительные потери». «Удары артиллерии по танкам противника позволили командиру 3-го батальона 373-го стрелкового полка выйти в тыл вражеских позиций. Когда же он и его заместитель

были ранены, а начальник штаба батальона убит, командование взял на себя заместитель командира по политической части капитан С. К. Татаринцев. Он действовал смело, решительно, обеспечил выполнение боевой задачи и был награждён тогда орденом Красного Знамени».

А ведь Василий Акимович помнит Татаринцева. Не забылись и ходившие в полку слухи о том, что капитан ещё в гражданскую войну командовал эскадронам конницы в дивизии Щорса, участвовал в разгроме махновских и петлюровских банд.

Вот ещё: «В 373-м стрелковом полку высокие правительственные награды за участие в боях на Курильских островах получили 410 рядовых бойцов, 291 сержант, 61 офицер».

Закрывается последняя страница. Василий Акимович аккуратно обернул обложку. Эта книга принадлежит не ему одному. Как бы не потрепалась, ведь её должны прочесть все, кто остался жив после сражений, кто не умер от ран, их дети, родственники, знакомые. И пришло решение: в канун сорокалетия победы над Квантунской армией он должен побывать в Тогуле (село в Алтайском крае, основанное в 1801 г. — *Ред.*). В 1940 г. он уходил оттуда в армию вместе с такими же двадцатилетними. Их из Тогульского района призывалось семьдесят шесть человек, и все они в основном вошли в 373-й полк. Не менее шестидесяти человек участвовали в Курильском десанте.

Василий Акимович сдержал своё слово. В августе нынешнего года он приехал в Тогул. С помощью председателя районного совета ветеранов М. В. Тананы и сотрудников редакции разыскал однополчан, и все они собрались в редакции, чтобы ещё раз вспомнить о былом, рассказать о том, как живут сейчас.

Их пока трое: Николай Дмитриевич Иушин, Иван Михайлович Танков и Василий Акимович Одинцов. Алексея Ивановича Кулагина мы не успели найти — времени в обрез. Василию Акимовичу надо было возвращаться домой, в Новокузнецк, и встрече никак нельзя было отложить.

Но, надеемся, после прочтения этой статьи Алексей Иванович откликнется, придёт в редакцию, напишет Василию Акимовичу. Он оставил свой адрес. Возможно, кто-то ещё из солдат сражений с милитаристской Японией живёт на тогульской земле. Мы просим сообщить о себе, поделиться воспоминаниями.

А теперь вернёмся к нашим героям. Время не пощадило их лица: покрыло сединой волосы, добавило морщин на лице. А характеры не изменило. Остались прежними их оптимистический взгляд на жизнь, их глубокая вера в правду. Не забылось и прошлое. «Да, нам было всего по двадцать лет, когда началась мобилизация, — вспоминает Василий Акимович. — Друг друга мы не знали. Познакомились позже, на Дальнем Востоке, где и довелось нам служить, а потом воевать все долгие шесть лет. Ушли в армию комсомольцами, оставив кто родителей, кто братьев и сестёр. Война с Германией коснулась нас тем, что наши позиции продвинулись сразу к берегу моря. Жизнь стала суровее: урезали паёк, ужесточилась дисциплина. Все мы учились воевать, просились на фронт. Без нас получали на родной стороне похоронки. В 1942 г. погиб мой брат Николай».

«Танковых воевало с германцами трое, — вступает в разговор Иван Михайлович. — Брат Пётр погиб. Как хотелось отомстить за него! А нам говорили: “Ваше время не пришло. Охраняйте границу”».

Николай Дмитриевич добавил: «Иван Михайлович успел навоеваться. В боях с самураями он тяжело ранен и получил медали “За боевые заслуги” и “За победу над Японией”, а всего имеет восемь наград». В этих боях был ранен и Одинцов. И он, и Н. Д. Иушин награждены медалями «За отвагу», «За победу над Японией».

Я гляжу на ветеранов. Сколько же наград имеют они?! У Николая Дмитриевича рядом поместились мирный орден «Знак Почёта» и боевые регалии — всего тринадцать. У Одинцова их девять.

Это были лучшие представители тогульской молодёжи. «Иван Михайлович брал уравновешенностью, — рассказывает

Одинцов. — Недаром он в полку считался одним из ведущих снайперских стрелков. А Николая Дмитриевича в нашем подразделении называли сорвиголовой. Вспоминается такой случай, приключившийся ещё в начале службы. Никак не выходило у нас со строевой подготовкой, командир за голову хватался. И вот однажды встречается ему рядовой Иушин. И так чётко он отпечатал шаг, так лихо козырнул, что командир без долгих слов приказывает солдатам построиться, вызывает из строя Иушина и велит ему показать, как надо солдату маршировать. Со временем научились солдаты не только печатать шаг, но и освоили всю военную науку, что называется, на «отлично». Она пригодилась им, когда пришёл приказ наступать.

Много лет прошло, но та памятная ночь не исчезнет из памяти. Для освобождения Курильских островов направлялся караван кораблей и судов, где находились свыше 8 800 человек, около сотни орудий, свыше ста миномётов, пулемёты, запасы всего необходимого для успешных боевых действий. Выстроившись в колонну, наши корабли и люди шли навстречу опасности, суровым испытаниям, бесмертной славе. Так же, как и на всех кораблях, на барже, где шли наши земляки, прошли открытые партийные и комсомольские собрания. Решение было единогласное: «Боевой приказ Родины выполним с честью, очистим от японских захватчиков исконно русские земли — Курильские острова. Водрузим на них знамя победы».

Берег зловеще молчал. Но вот японцы обнаружили баржу. Защёлкали пули, вспыхнули прожекторы, начался ураганный артиллерийский обстрел. Баржа содрогнулась — в трюм попал снаряд. Первая кровь, первая смерть. Но берег близко. И наши воины не растерялись. Поливая японцев градом пуль и забрасывая гранатами, упорно продвигались они вперёд по всей линии фронта. Подразделение, где были тогульчане, попало в самый центр сражений. Десантники несли тяжёлые потери, но сражались с беспримерным мужеством и отвагой. О том, как воевали наши земляки, вы можете прочесть подробнее в повести Акшинского. Эту книгу Василий

Акимович вместе с фотографией передал в дар Тогульскому историческому музею. О бессмертном подвиге десантников говорят и грамоты Верховного Главнокомандования за подписью И. В. Сталина с благодарностью за героизм в боях на Курилах, которые бережно хранят наши фронтовики. Теперь Курильские острова являются пропускной границей свободного выхода в море советских судов. И, наконец, самой главной своей заслугой видят ветераны то, что они внесли свою лепту в дело установления мира на Земле. «У каждого из нас дети, внуки, — сказал на прощанье Н. Д. Иушин. — Они живут спокойно, счастливо. И нам, бывшим солдатам, отцам и дедам, всему советскому народу, война не нужна!»

КОКМ ОФ 34349/19. Фрагмент газетной полосы

От редактора. Эту газетную заметку, датированную 3 сентября 1985 г., в музей 11 декабря 1994 г. выслала супруга В. А. Одинцова — Елена Георгиевна, сообщившая, что её муж — Василий Акимович — тяжело болеет. А позже, 28 февраля 1995 г., пришло ещё одно её письмо: «...Сообщаю, что нас постигло большое горе. 27 января 1996 г. ушёл из жизни наш дорогой муж и отец, не дожид до Дня Победы, сильно болел... Вы просили биографию, я могу вам написать. Мы родились и выросли в одной деревне. Извините, что плохо написано, я тоже больна, у меня сильно больное сердце. Извините, фото, что до призыва в армию, нет».

Вот некоторые биографические сведения о В. А. Одинцове, сообщённые его женой: родился 20 июня 1920 г. в Алтайском крае в большой крестьянской семье. После окончания школы учился на курсах животноводов и до призыва в Красную Армию работал. Шесть лет отслужил на Камчатке и Курильских островах, о которых часто вспоминал. «Как потопили их корабль, он был ручной пулемётчик, первый номер, а С. Спешнев — второй номер. В трюм попала бомба, и почти всех убило, и Спешнева убило. Он чудом остался жив, попал на мель и вышел на берег с перебитой рукой. Тут их осталось очень мало». После окончания войны жил в г. Новокузнецке, трудился в пожарной охране, был отличником боевой и политической подготовки [КОКМ ОФ 34349/16—17].

Доставка снабжения в порт
Касивабара, 1945 г. [НВФ 227]

Рядовой Файзрахманов.
Остров Матуга, 1945 г.

5-я батарея на острове Шумшу. И. М. Попов (в белой куртке),
стоит второй справа — К. Ф. Демидов

Краснофлотец (морской пограничник) Д. Е. Игнатьев удостоен чести сфотографироваться у знамени отряда как передовик боевой и политической подготовки, 21 марта 1939 г. [КОКМ ОФ 34349/4]

Рядовой С. А. Власов у знамени части [НВФ 3974/1]

Члены экипажа плавбазы «Север» на отдыхе в Паратунке, 1943 г.
Второй слева — Н. А. Вилков [Ф 4504; Ф 4503]

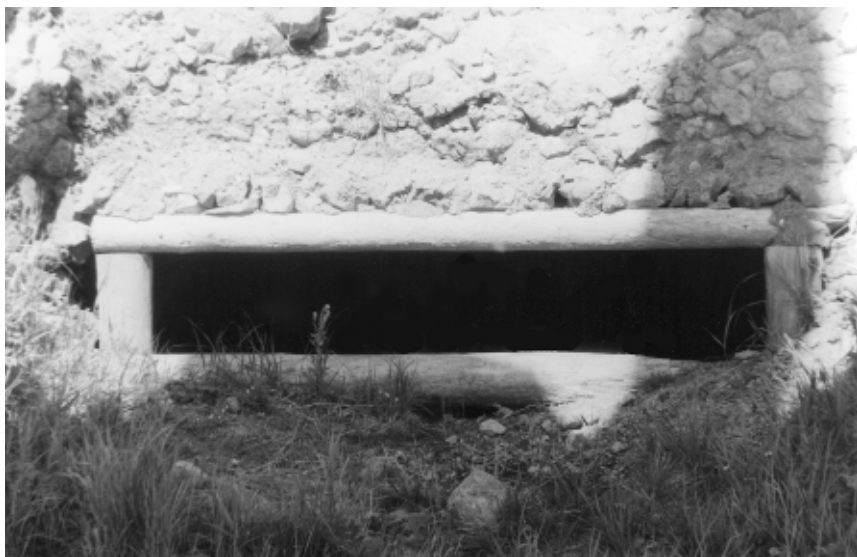
Н. А. Вилков во время службы
на Камчатке [НВФ 3860]

Дзот, закрытый Н. А. Вилковым
[НВФ 1717]

Памятник Н. А. Вилкову [НВФ 236]

«Ильичёвская амбразура» дзота на высоте 171,0, остров Шумшу
[КОКМ ОФ 34349/32]

Мать Петра Ильичёва Наталья Сергеевна у бюста сына

Мать героя Н. С. Ильичёва в пионерском лагере во время открытия памятника сыну. Омская область, 1975 г. [ККМГИ 17908]

Живая картина «У дзота». Петропавловск-Камчатский, празднование 50-летия камчатского комсомола, 1973 г. Фото О. Дзюбы [НВФ 1736]

Памятники П. И. Ильичёву: в Паратунке, на месте гибели, на родине, в селе Пугачёво Омской области [ЖКМГИ 18875; 18872а; 18876; 18873]

Обломки японского истребителя «Зеро» возле бывшей базы Какаока
(посёлок Байково), остров Шумшу
[КОКМ ОФ 34349/34—35]

Подбитые японские танки возле высоты 171,0 на острове Шумшу
[КОКМ ОФ 34349/34—35]

Герои Советского Союза В. А. Кот (слева) и С. А. Савушкин

Герой Советского Союза В. И. Сигов [ЖКМГИ 29622/68]

Начальник политотдела КОР
В. В. Володко

Начальник штаба КОР
Р. Б. Воронов

Генерал-майор П. И. Дьяков

Генерал-лейтенант А. Р. Гнечко

Остатки укреплений и японское зенитное орудие на острове Шумшу в бухте Иноземцева [КОКМ ОФ 34349/29; 38]

П. В. Бабич у подбитого им в 1945 г. японского танка. Остров Шумшу, сентябрь 1975 г. Фото О. Дзюбы [НВФ 4575; 1753]

У братской могилы десантников,
остров Шумшу, сентябрь 1975 г.
[НВФ 1718]

Возложение венков к обелиску,
1970 г. [НВФ 256]

У «Ильичёвской амбразуры». Курильская земля на память [НВФ 238]

Колонны ветеранов войны на праздновании Дня Победы, 1970-е гг.
Фото Г. З. Гайдукевича [ККМГИ 29622/77—78]

Военные игры в школе-интернате № 2 г. Петропавловска-Камчатского,
10 апреля 1985 г. Ветераны войны Ф. Д. Таран и Н. Ф. Денисюк
с отрядом, занявшим первое место [КОКМ ОФ 34413/4]

Заседание жюри по подведению итогов военных игр, 10 апреля 1985 г.
Слева направо: мичман в/ч 2376, Н. Ф. Денисюк, Ф. Д. Таран,
сотрудник школы [КОКМ ОФ 34413/6]

Ветераны Великой Отечественной войны треста «Камчатморгидрострой»,
30 декабря 1984 г.:

верхний ряд (слева направо): М. Х. Мандро, Ф. Ш. Мингулов,
Н. А. Шабаш, Н. Е. Козлов, Д. П. Горелов, В. П. Пятахин, В. А. Рымарь;
второй ряд: А. И. Пашков, В. Я. Фролов, В. С. Глумов, С. С. Сопиляк,
И. Ф. Щёголев, Г. Ф. Ларкин, В. И. Уваров;
третий ряд: И. Н. Соколов, П. А. Кулев, Н. Ф. Денисюк, И. П. Кривонос,
А. Е. Архипов, Н. П. Лиферов, А. С. Прасков, Ф. Г. Крюков, А. И. Козяр;
четвёртый ряд: В. В. Водопьянов, В. Н. Малеева, К. П. Бушменкова,
Н. С. Воронкина, С. С. Карелин, Н. Ф. Счастный;
пятый ряд: председатель Ленинского районного совета ветеранов
В. И. Великосельский, председатель Камчатского областного совета
ветеранов П. И. Давыдов, председатель Петропавловского городского
совета ветеранов П. Ф. Грибков, председатель совета ветеранов треста
КМГС Ф. Д. Таран, председатель профсоюзного комитета треста И. С. Лапина
[КОКМ ОФ 34413/1]

Урок мужества в школе-интернате № 2 г. Петропавловска-Камчатского, 6 апреля 1985 г. Выступает ветеран войны Г. Ф. Ларкин. Слева — участники войны Н. С. Воронкина, Л. И. Кирсанова и С. С. Сопиляк [ККМГИ 29622/78]

Петропавловск-Камчатский, пограничный отряд, застава «Налычево», август 1990 г. Участники Курильского десанта прибыли на встречу с молодыми пограничниками. В центре — подполковник в отставке Н. И. Лашманов, бывший капитан, командир сводной роты пограничников.

Справа от него — Д. Е. Игнатьев [КОКМ ОФ 34349/6]

Укреплена была и наша Застава;
Полосинки ее отмыли и битьями
и пощипываниями оружием.

В Петропавловске создавался и обуглаивал
свистав рота Пограничников.
Мне дано и нить системы Задетской и
Знаменца на "Шушину", с Петровым Пуримовым
прошле и 4 берегов Охотского моря.

Пограничные Сооружения Каротин
и Самолеты морского авианосца
Крутоярского Восточного в работе
Миса Попатка и Прошва.

Несмотря на тяжелое время, мы
Петропавловск и посетили самолеты
и на Полюстровой Шини.

Нам Антона Удовалов бывав в Городе
в Кинотеатре, Навстречу Подруг
в Педагогическом Училище.

Вотна восток, а Митов Митовно.

Мне делалось с Судейскими Последними
Русскими хлеба. Когда мы готовились
посетить Училище за Нескормою Дней
и Митов и Митов Училища Светлого
того малосметки Паски собирали хлеб
и сущими Сухари. От Пайки Союзной
Рити отрезали Русские и Крайним.

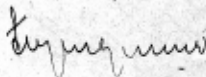
Бывали и так же Консервов Новар Под-
бросил нам. Брани и Каролину
и Помогали девушкам Приготовить
Училища. Им было хорошо и нам отдуши
приятно, что мы Помогали выжить
Итакими друзьями. Вот так же добрый
Господь и Гистав была дружба.

Заслуживает внимания заявление токийского радио и строки из книги "Потопленные": "Мы получили сообщение о наличии подводных лодок противника"... Действительно организация встреч стоянок в порту и выходов проводившихся американским командованием не способствовали сохранению в тайне перехода наших подводных лодок.

Но кто бы не потопил Л-16 с ее экипажем, японцы - с которыми наша страна не находилась в состоянии войны или американцы - союзники по войне с гитлеровской Германией, в обоих случаях допущена вопиющая, ничем не оправданная подлость. Ошибка здесь мало вероятна.

Тихоокеанец, запомни координаты: широта $45^{\circ}41'$ северная, долгота $138^{\circ}56'$ западная! В этой точке на глубине около пяти километров покоятся вечным сном твои товарищи по принадлежности к флоту. В трудное для Родины время они шли защищать ее. Помни о них... соблюдайте бдительность.

Вице-адмирал

Г. Щедрин

Москва
27.03.61 г.

Заключительная страница очерка Г. И. Щедрина
«Западнее Сан-Франциско» [Д-П 2333]

В «военном» фонде музея хранится комплекс материалов о жизни и творчестве известного фотомастера, фронтового корреспондента Георгия Абрамовича Липскерова. В 1936—1937 гг. он побывал на нашем полуострове, сделав ряд замечательных снимков. В число единиц хранения входит книга из серии «Мастера советского фотоискусства» журналиста Игоря Буряка «Георгий Липскеров» (М.: Планета, 1976). На её титульном листе дарственная надпись: «Краеведческому музею, г. Петропавловск-Камчатский. Георгий Липскеров. 29 марта 1977 г.». Так случилось, что этот год стал для героя книги последним в жизни.

Ниже приведены фрагменты этого издания, посвящённые его участию в Камчатской комплексной экспедиции Наркомрыброма СССР и в Великой Отечественной войне.

И. Буряк

Георгий Липскеров

...Камчатка. В один из майских дней 1936 г. Липскеров, недавно прилетевший с Вайгача, встретил Костюковского, начальника Памирской экспедиции. «Вы-то мне и нужны! — обрадовался Костюковский. — Выезжаем через две недели. На Камчатку. На полгода».

26 июня рефрижератор «Днепр» вышел из Владивостока. Вырываясь из трубы, чёрный дым растворялся в сыром воздухе. И снова школьная география становилась реальной, ощутимой. Вот он, «Великий или Тихий». Вот он, Сахалин. Курильская гряда. Камчатка...

На тринадцатый день плавания половина экспедиции Наркомпищепрома высадился в Большерецке — на западном побережье полуострова. Свои первые впечатления о камчатской земле фотокорреспондент передаёт на одном из лучших, сделанных в эту поездку, снимков с экзотическим названием — «Каракурибаны принимают кунгас». Каракурибаны — это приёмщики пристающих к берегу судов с рыбой — катеров, кунгасов, кавасаки. Стремглав летит

на берег катер, ведя на буксире кунгас. Отбросив буксирный канат, катер резко уходит в сторону. Кунгас по инерции идёт на берег. Борясь с морем, по пояс в воде, каракурибаны, уловив подходящий момент, бросают на кунгас верёвку. И вот уже заработала лебёдка — пошёл кунгас по покатам (специально подложенным брёвнам. — *Ред.*) к рыбной пристани.

У пристани Большерецкого комбината стоял пароход «Чавыча». Юркие катера, прыгая по волнам, приводили к нему и буксировали к берегу тяжёлые кунгасы с грузом. Простуженный, с высокой температурой, Липскеров сидел в посёлке «под домашним арестом». Кто-то сказал, что пришла «Чавыча». Грузится и сегодня же уходит. И «лазарет» опустел. Поднявшись по штормтрапу, Липскеров отыскал Анну Ивановну Щетинину, первую женщину в СССР, да пожалуй, и во всём мире, ставшую капитаном дальнего плавания. На обветренном лице — румянец. Ярко горят карие глаза. Строгая капитанская форма, приветливая улыбка. За день до этого радио сообщило об её награждении орденом Трудового Красного Знамени.

Во время заграничного рейса «Чавычи» в одном из портов кому-то срочно понадобилось видеть советского капитана. Щетинина неурочного гостя приняла в штатской одежде. Тот удивлённо сказал, что хотел видеть капитана, а не его супругу. Анна Ивановна молча кивнула и через некоторое время представилась гостю в форме: «Вы хотели видеть капитана?»

...Хотя экспедиция базировалась в Большерецке, отдельные группы её были разбросаны по берегу далеко друг от друга.

Во время одной из поездок вдоль побережья состоялось настоящее знакомство с Охотским морем. Обходя рыбацкие сети и прибрежные мели, катер забирал всё дальше и дальше в море, где его и застал налетевший одиннадцатibalльный шторм. Штурвальный выбился из сил и заснул мёртвым сном. Липскеров его заменил и не отходил от штурвала, пока на вторые сутки не показался берег.

Перед самым отъездом на материк Липскерову посчастливилось участвовать в охоте на горного барана, продолжавшейся несколько суток. «Ты, паря, молодец, — сказали ему охотники на прощание. — Видно, много ходил на лыжах, раз выдержал нашу охоту». Живой, интересный рассказ об этой охоте вместе с фотоснимками корреспондент опубликовал в журнале «Физкультура и спорт» (№ 8 за 1937 г.)...

Война. Начало войны застало Липскерова в Москве. Воскресным утром 22 июня «восьмёрка» гребцов Центрального дома Красной Армии с загребным Липскеровым последний раз прошла по Москве-реке, разошлась и никогда уже не собиралась в этом составе. Несколько месяцев Липскеров проработал на строительстве оборонительных сооружений в Подмосковье. Вернувшись в Москву, пошёл в Главное политуправление и попросил послать его в действующую армию. В начале 1942 г. фотокорреспондент Липскеров был направлен в редакцию газеты 64-й армии. В середине лета войска 64-й, в рядах которой сражались и сибиряки, и части морской пехоты, были брошены на юг, чтобы в составе только что созданного Сталинградского фронта отражать наступление 6-й армии Паулюса, а затем и 4-й танковой армии Гота. В приволжских степях и у стен Сталинграда шли ожесточённые кровопролитные бои. Но и в таких условиях ежедневно выходила армейская газета, по возможности регулярно доставлялись в войска и центральные издания.

Украшением полосы армейской газеты были фотографии героев, отличившихся в бою. Не просто было даже разыскать их, добраться до нужного окопа или блиндажа. Видевший Липскерова не раз «в деле» командарм М. С. Шумилов счёл необходимым после окончания сражения добавить к медали «За оборону Сталинграда» ещё одну. Военный совет армии от имени Президиума Верховного Совета вручил фоторепортёру медаль «За отвагу».

«Утром 31 января, — вспоминает Георгий Липскеров, — меня срочно вызвали в штаб армии. Среди собравшихся

я увидел Шумилова, председателя городского комитета обороны Чуянова. Через час показалось несколько автомашин. Из них вышли начальник штаба Ласкин, начальник оперативного отдела Лукин, начальник армейской разведки Рыжов.

А вслед за ними — Паулюс, начальник его штаба Шмидт и адъютант полковник Адам. Им пришлось подождать у дома, где находился штаб. Как только Паулюс чувствовал наведённый на него фотоаппарат, он отворачивался или высоко вскидывал голову. И вот пора идти. В этот момент Паулюсу было не до выправки. Это видно на фотографии.

Я присутствовал на первом допросе Паулюса. Среди прочих фельдмаршалу был задан Шумиловым вопрос:

— Почему 6-я армия не сдалась сразу, как только стало ясно, что сопротивление бесполезно? Ведь можно было предотвратить бессмысленные потери?

Паулюс отвечал, что обязан был сражаться до последнего солдата.

— Но ведь капитулировать всё-таки пришлось?

Фельдмаршал развёл руками. Я сфотографировал этот момент. Снимки были незамедлительно вручены командующему. Однако очень скоро он вызвал меня снова. У него уже не было ни одной фотографии.

— Отправил в Москву. К Верховному. Остальные разобрали...»

Весной сорок третьего кто-то из штаба армии, где хорошо знали и любили Липскерова, сказал ему: «В такое-то время будь там-то и там-то». Корреспондент прибыл. Небольшое село. Подъехала машина, и из неё вышел, как показалось Липскерову, заместитель Верховного Главнокомандующего маршал Г. К. Жуков. Его встречало несколько человек. Издалека, почти не прилаживаясь, репортёр успел дважды щёлкнуть аппаратом. Но в лаборатории его ждало разочарование. Один кадр оказался нерезким, второй — ненамного лучше. Даже не стал печатать.

Прошло тридцать лет. Разбирая свой военный архив, Липскеров решил этот негатив напечатать. Ни в обстановке, ни в фигуре знаменитого военачальника не было ничего

«героического». Лицо хмурое. Липскеров послал фотографию Г. К. Жукову. В ответ маршал прислал короткое письмо: «Уважаемый Георгий Абрамович! Посланные Вами фотографии мною получены. Сердечно Вас благодарю за память и внимание. К сожалению, я не могу припомнить место и время поездки в 64-ю армию, которая героически дралась с немецко-фашистскими войсками и заслуженно стала гвардейской. От души желаю Вам доброго здоровья и успешной работы. С уважением, *Г. Жуков*. 1 сентября 1972 г.».

Вместе с четырьмя другими снимками Липскерова, посвящёнными войне («Фельдмаршал Паулюс в плену», «Бой за дом», «Сталинградцы вступают в партию», «Германия. 1945 г.»), фотография «Приезд Г. К. Жукова в войска» демонстрировалась на Всесоюзной выставке, посвящённой 50-летию СССР.

Фронтовые годы столкнули Липскерова со многими людьми — и с увенчанными лаврами героями, и с безвестными тружениками войны. Фотографии сохранили их облик. Расскажем о двух снимках.

Сталинград, 1942 г. Партбилет получают отличившиеся в боях. Один из них — краснофлотец М. Зенков. В боях на Дону вместе с тремя товарищами уничтожил сорок гитлеровцев и спас из плена около двадцати наших бойцов. Кто второй, в каких боях отличился — записей не сохранилось. 9 мая 1970 г. эта фотография («Сталинградцы вступают в партию») была опубликована в «Правде». Вскоре в редакцию пришло письмо от жительницы села Керы Пензенской области А. Я. Орловой, её братьев и сестёр, сообщивших, что на фотографии снят их отец — Яков Григорьевич Богачёв, погибший на фронте в сентябре 1942 г.

В 1965 г., 24 марта, в газете «Известия» было напечатано письмо ветерана Л. Фёдорова. В нём он писал, что недавно лечился в госпитале и там рассказал, как во время войны его однополчанин подбил в одном бою шесть немецких танков. Никто не поверил — быть такого не может...

«Это было в июне 1944 г., — рассказывает Г. А. Липскеров, показывая фотографию героя. — В войска 52-й армии, в ко-

торой я тогда служил, прибывало пополнение из освобождённых сёл и городов Украины. Среди прибывших был немолодой, лет под пятьдесят, гранатомётчик Роман Смищук. Чуть ли не в первом бою на позиции отделения, в котором был Смищук, густой лавиной пошли немецкие танки. Смищук остался один в траншее, где были приготовлены противотанковые гранаты и бутылки с горючей смесью. Перебегая по траншее, он вёл бой, пока не увидел, что танки повернули обратно. Перед траншеей пылали шесть факелов. От нервного напряжения и усталости Смищук свалился тут же в траншее и уснул. Случай, действительно, был исключительный. Командарм связался со штабом фронта, штаб — со Ставкой. Оттуда последовал ответ — представить к званию Героя».

После сражения на Курской дуге и освобождения Харькова Липскеров пригласили во фронтовую киногруппу. Десять месяцев, с сентября 1943 по июнь 1944 г., он был заместителем начальника киногруппы 2-го Украинского фронта. И хотя во всяких переделках приходилось бывать не меньше прежнего, а ездить, пожалуй, и больше (слетал даже в Москву!), скоро потянуло к привычной армейской обстановке. Роман Кармен, возглавлявший киногруппу, прощаясь, поблагодарил за работу. С редакцией газеты 52-й армии «Боевая красноармейская» корреспондент прошёл Румынию, Чехословакию, Польшу и встретил День Победы в Германии.

31 декабря 1945 г. Липскеров вернулся в родной дом...
ККМГИ 483

Липскеров Георгий Абрамович родился 3 августа 1896 г. в Москве в семье потомственного почётного гражданина Абрама Яковлевича Липскерова, жившего здесь с 1870-х гг. В 1883 г. тот основал ежедневную газету «Новости дня» и был её редактором до закрытия в 1906 г. Газета публиковала хронику, объявления, фельетоны, печатала таких известных авторов, как В. И. Немирович-Данченко, А. П. Чехов, много места уделяла театру, спорту. А. Я. Липскеров также

редактировал журналы «Русский сатирический листок», «Семья», «Новости иностранной литературы». Он скончался в 1910 г.

В метрическом свидетельстве Г. А. Липскерова, «выписанном из списка родившихся и окрещенных евангельско-реформатского прихода в Москве», указано, что он родился «в два часа по полуночи» в законном браке и «крещён 13 октября на дому пастором Брюшвейлер». Родители: московский купец-редактор Абраам Липскеров и законная жена его урождённая Паулина Соскина. Восприемники: госпожа Анна Кузминишна Саркизова, Николай Петрович Шубинский. На оборотной стороне метрики записано, что «означенный... Георгий Абрамов Липскеров присоединён к Православной Церкви чрез таинство миропомазания сего 1916 года августа 20 дня в московской Николаевской на Песках церкви. В чём с приложением церковной печати свидетельствует означенной церкви протоиерей Василий Миронов, диакон Леонид Воскресенский» [ККМГИ 13633].

Выходит так, что интерес Георгия к журналистике, литературе и спорту оказался «наследственным». Его старший брат — Константин — стал впоследствии известным советским поэтом-переводчиком (умер в 1958 г.). Учась в Московском реальном училище, Георгий увлёкся спортом и в 1911 г. записался в Сокольнический кружок лыжников. В 1914 г. он имел на руках билет «сезонного посетителя» № 105 [ККМГИ 13652]. В 1913 г., в шестнадцатилетнем возрасте стал чемпионом Москвы по лёгкой атлетике. 26 октября 1913 г., как подлежащий воинской повинности, был приписан к 4-му московскому призывному участку. Отбытие «повинности» назначено на 1917 г. Для этого следовало «доставить в московское городское по воинской повинности присутствие не позже 1 марта 1917 г. сведение о семейном составе, согласно Высочайшего повеления 23 июля 1874 г.» [ККМГИ 13647]. 29 июля 1915 г. Георгий получил отсрочку от призыва на воинскую службу до окончания образования в Московском реальном училище И. И. Александрова. Отсрочка дана до 1 октября 1916 г. для поступления в выс-

шее учебное заведение. Для получения очередной отсрочки следовало подать не позднее означенной даты прошение городскому присутствию [ККМГИ 13644].

В 1916 г. Георгий выпущен из училища, обрета среднее образование, и осенью этого же года поступил в Московский коммерческий институт, заплатив за первый семестр пятьдесят рублей [ККМГИ 13648]. Окончить это учебное заведение в связи с разразившейся в следующем году революцией, судя по всему, не пришлось.

В годы гражданской войны он пребывал в Красной Армии. Так, в марте 1919 г. был письмоводителем в московской Основной советской автороте. 3 мая 1919 г., продолжая служить здесь, получил удостоверение в том, «что действительно холост, и поэтому к его браку препятствий не встречается». 12 мая 1919 г. заключён брак с Екатериной Николаевной Павловой «с присвоением последней фамилии Липскерова». Брак зарегистрирован «местным отделом записей актов гражданского состояния при административном отделе городского района г. Москвы» [ККМГИ 13642].

В октябре 1919 г. Липскеров служил уже в 1-й запасной автомотоциклетной роте в должности красноармейца-инструктора спорта [ККМГИ 13639]. В 1923 г. он состоял в профсоюзе рабочих народного питания и общежитий СССР, был инструктором физкультуры [ККМГИ 13651]. 20 сентября 1923 г. принят на работу инспектором в московское казино «Прага». А в 1924 г. трудился «ответственным агентом» в галстучной мастерской Г. Иллис, что на Большой Лубянке, 21 [ККМГИ 13646].

В 1926 г. ему, тридцатилетнему инструктору физкультуры, довелось проложить пятисоткилометровую лыжню: вместе с тремя молодыми лыжниками совершил семидневный пробег по маршруту Нижний Новгород — Москва. В следующий поход взял простейший фотоаппарат с двенадцатью стеклянными пластинами. Несколько снимков с подписью «Фото Г. Липскерова» попало в газеты, в том числе в «Красный спорт». Отныне на всех соревнованиях Липскерова сопровождала фототехника. В январе 1930 г.

он называл себя «преподавателем физкультуры» с десятилетним стажем работы. В этом году бывший ответственный секретарь «Красного спорта» А. Терентьев, а теперь редактор газеты «Догоним и перегоним!» Московского автозавода, предложил ему стать сотрудником этой многотиражки. Так произошло «официальное» посвящение Липскерова в фотокорреспонденты.

Летом 1931 г. Георгий участвовал в экспедиции Наркомвнешторга СССР на Памир. Должности фотокорреспондента в штате экспедиции не значилось, поэтому он числился завхозом. Задача экспедиции, длившейся тринадцать месяцев, — налаживание торговли с Афганистаном. В этой горной стране были организованы несколько факторий, пришлось участвовать в перестрелке с контрабандистами. На Памире Липскеров побывал ещё раз в 1937 г.

Осенью 1932 г. торжественно отмечалось сорокалетие творческой и общественной деятельности «великого пролетарского писателя» А. М. Горького. По предложению журналиста М. Е. Кольцова была создана особая сводная агитационная эскадрилья его имени. В неё вошли самолёты «Правда», «Известия», «Огонёк», «Комсомольская правда», построенные на средства их читателей. Командиром эскадрильи стал Кольцов. Весной 1934 г. по проекту А. Н. Туполева был создан самый большой в мире самолёт, названный «Максимом Горьким». В мае 1933 г. Г. А. Липскеров зачислен в эскадрилью. В это время он состоял в профсоюзе авиационных работников СССР, а в членском билете значилась профессия «бортовой фототехник». Им он был до марта 1936 г.

А 18 мая 1935 г. случилось несчастье — самолёт-гигант потерпел катастрофу, сопровождавшуюся жертвами. В его последнем рейсе должен был участвовать и Липскеров, накануне получивший другое задание...

В 1936 г. он участвовал во втором в истории лыжном переходе по маршруту Москва — Ленинград, длившемся восемь с половиной суток. Советское правительство наградило участников этого рекордного похода орденами «Знак

Почёта». Они стали первыми наградами, вручёнными отечественным спортсменам.

В мае 1936 г. Липскеров поступил в Камчатскую комплексную экспедицию Наркомпищепрома СССР десятником-завхозом, а июне этого года был направлен на полуостров «на полевые работы». Работал, понятное дело, фотографом. Командировка завершилась в январе 1937 г., а в апреле этого года он был официально уволен «по окончании объёма работ» [ККМГИ 13638].

В 1938 г. Г. А. Липскеров стал победителем первенства СССР по академической гребле, показав тем самым завидное спортивное долголетие. В 1941 г., перед самой войной, Московский областной Совет спортобщества «Искусство» наградил «товарища Липскерова Г., общественного инструктора физкультуры группкома № 1, за хорошую работу по подготовке и проведению 3-го всесоюзного лыжного кросса профсоюзов» [Ф 4661].

В первые дни Великой Отечественной войны он вступил в народное ополчение, участвовал в боях под Москвой. В январе 1942 г. направлен фотокорреспондентом в газету 64-й армии. Снимал бои под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге. В августе 1943 г. откомандирован в распоряжение киногоруппы известного режиссёра Р. Л. Кармена. С апреля 1944 г. — в газете 52-й армии. За боевые заслуги отмечен орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями «За оборону Сталинграда», «За отвагу», «За победу над Германией». После окончания войны трудился в Телеграфном агентстве Советского Союза, публиковался в газетах, журналах «Физкультура и спорт», «Огонёк».

С 1935 по 1975 г. его работы участвовали в двадцати четырёх всесоюзных и международных фотовыставках. В том числе: в 1935—1936 гг. — в 30-м и 31-м салонах фотоискусства в Париже; в 1936 г. — в Праге и на 1-й всесоюзной выставке фотоискусства в Москве; в 1938 г. — снова в Праге, получил здесь серебряную медаль. В 1938 г. — очередной салон в Париже, в 1939 г. — выставка советской фотографии в Турции; в 1947 г. — 2-й международный салон

фотоискусства в Каире, в 1948 г. — московская выставка «Великая Отечественная война в художественной фотографии», другие в Бразилии, ФРГ, СССР, Югославии [ККМГИ 383].

В октябре 1967 г. в Москве в Центральном доме журналиста открылся юбилейный показ его работ, посвящённый 40-летию творческой деятельности. Из выполненных на Камчатке здесь были представлены: «На побережье Охотского моря», «Краболов», «Каракурибаны принимают кунгас», «Путь к Корякской сопке», «Рассвет у подножья Авачинского вулкана», «На закате солнца» [Ф 5028]. Последние выставки с его участием: в 1970 г. — международная художественной документальной фотографии, посвящённая 100-летию со дня рождения В. И. Ленина (получил почётный диплом за военные снимки); в 1973 г. — всесоюзная художественной и документальной фотографии «Страна моя», посвящённая 50-летию образования СССР в Москве (награждён почётным дипломом); в 1975 г. — всесоюзная «30 лет Великой Победы» в Москве (отмечен серебряной медалью за серию работ о Великой Отечественной войне) [ККМГИ 383]. Г. А. Липскеров скончался в 1977 г.

Ниже приведён фрагмент статьи из ещё одного печатного издания — журнала «Советское фото» № 2 за 1973 г., также посвящённой Г. А. Липскерову. Она рассказывает об уже известных нам событиях из жизни этого известного фотомастера.

Тридцать лет спустя

**Военные фотокорреспонденты рассказывают
о Сталинградской эпопее**

Сталинград... Человечество всегда будет испытывать чувство благодарности к этому городу. Подвиг его не подвластен столь естественному для людей забвению прошлого. Напротив, с каждым годом, отдаляющим нас от февраля сорок третьего, всё обострённее чувствуется непрерывность связи нынешнего — мирного, строящегося — с минувшим —

пороховым, свинцовым. Потому что сегодняшнее было бы немыслимо без Сталинградской победы. Этой победе исполняется ровно тридцать лет.

Отмечая юбилейную дату, мы с благодарностью вспоминаем сегодня и о тех, кто создал фотолетопись Сталинградской эпопеи — военных фотокорреспондентах. Их вклад в летопись войны и истории страны неоценим. В канун знаменательного тридцатилетия они пришли к нам в редакцию — московские фоторепортёры, принимавшие участие в Сталинградской эпопее: Г. Санько, Э. Евзерихин, А. Егоров, Г. Зельма, А. Капустянский, Ф. Левшин, Г. Липскеров, Я. Рюмкин, В. Темин, А. Фридлянский...

Послушаем самих сталинградцев.

Г. Липскеров: На исходе долгих сталинградских боев меня срочно вызвали в штаб 64-й армии, где я служил фотокорреспондентом. Прибыв в Бекетовку, я увидел среди собравшихся командующего армией М. Шумилова, председателя городского комитета обороны А. Чуянова и узнал, что вскоре привезут пленного Паулюса.

Нужно ли говорить, в каком я был напряжении. Вскоре его привезли. Около дома, где находился штаб Шумилова, Паулюсу, начальнику его штаба и адъютанту пришлось подождать. Как только Паулюс увидел наведённый на него объектив моего аппарата, он приосанился и поднял голову. Но когда его повели в штаб, от офицерской выправки уже ничего не осталось. Плёнку незамедлительно отправили в Москву. Это было 31 января 1943 г...

Ф 4866

Содержание

Предисловие	3
Обращение ветеранов Великой Отечественной войны к молодёжи Камчатской области, 9 мая 1995 г.	5

Документы и материалы

Решение четвёртой сессии Камчатского областного Совета депутатов трудящихся от 20—22 июня 1941 г. «Внеочередное сообщение секретаря обкома ВКП(б) тов. Подозёрова о нападении германских фашистов на советские границы»	9
Отдадим все силы на укрепление Родины! Резолю- ция общегородского митинга трудящихся Петропавлов- ска, 25 июня 1941 г.	11
Сведения о сборе средств в Фонд обороны на 1 янва- ря 1942 г.	12
Приказ по Петропавловскому городскому военкомату № 7 от 26 февраля 1942 г.	13
Связисты Камчатки — на боевые машины	24
Знамя Государственного Комитета Обороны — рыба- кам Камчатки, второй квартал 1943 г.	24
На собственном танке — на фронт	25
Приказ по Петропавловскому городскому военкомату № 58 от 15 сентября 1943 г.	26
Именной список 2-го огневого взвода 7-й батареи 279-го артиллерийского полка	27
Опись лошадей и козовая ведомость 2-го огневого взвода 7-й батареи 279-го артиллерийского полка	28
Моим землякам	29
Приказ по Петропавловскому городскому военкомату № 56 от 17 сентября 1944 г.	33
Решение исполнительного комитета Петропавлов- ского городского Совета депутатов трудящихся № 321 от 10 июля 1945 г. «О проведении мобилизации город- ского и сельского населения на рыбную путину 1945 г. для рыбокомбинатов АКО и рыболовецких колхозов»	35
Приказ Верховного Главнокомандующего войсками Красной Армии и Военно-Морского Флота № 371 от 22 июля 1945 г.	36
От Советского Информбюро (оперативная сводка за 10 августа 1945 г.)	37

Приказ Камчатского областного военного комиссара Петропавловскому горвоенкому № 0346 от 12 августа 1945 г.	38
Приказ начальника Акционерного Камчатского общества № 023 от 14 августа 1945 г.	39
Именной список призванных в команду Военно-Морского Флота, отправляемую из Петропавловского городского военкомата в распоряжение командира	40
Именной список на команду военнообязанных, призванных в Красную Армию и переданных в распоряжение командира 101-й стрелковой дивизии	41
Памятные дни (из дневника рядового-пограничника Н. А. Заварзина)	42
От Советского Информбюро (оперативная сводка за 18 августа 1945 г.)	46
Подарки фронту	47
Распоряжение Камчатского областного военного комиссариата начальникам штабов 128-й авиадивизии, Камчатского оборонительного района и Петропавловскому военному комиссару № 1/00394 от 30 августа 1945 г.	47
Подарок фронту	48
От Советского Информбюро	48
Распоряжение Камчатского областного военного комиссариата начальнику штаба КОР и Петропавловскому горвоенкому № 1/0409 от 6 сентября 1945 г.	49
Распоряжение Камчатского областного военного комиссариата Петропавловскому горвоенкому № 1/0480 от 6 сентября 1945 г.	49
От Советского Информбюро	50
Извещение Усть-Большерецкому районному военному комиссару Камчатской области. Сентябрь 1945 г.	50
Извещение о гибели, декабрь 1945 г.	51
Извещение управления 17-й гвардейской Уманской Краснознамённой танковой бригады	51
Извещение управления по учёту погибшего и пропавшего без вести рядового и сержантского состава НКО СССР от 1 февраля 1946 г.	52
Из переписки бывшего командующего Камчатским оборонительным районом, Героя Советского Союза А. Р. Гнечко со следопытами Петропавловской средней школы № 29, 1977—1978 гг.	52

Ответ Петропавловск-Камчатского городского исполнительного комитета партийному комитету и совету музея Уралвагонзавода на запрос от 13 февраля 1980 г.	57
Ответ Управления кадров Военно-Воздушных Сил СССР командиру войсковой части 54899 (Камчатская область) от 19 октября 1983 г.	58
Обращение ветеранов Курильской десантной операции к Верховным Советам СССР и РСФСР, 1990 г.	60
Список участников Великой Отечественной войны по Усть-Большерецкому району на 15 декабря 1993 г.	61
Список инвалидов Великой Отечественной войны по г. Ключи на 1 августа 1994 г.	82
Список участников Великой Отечественной войны по г. Ключи на 1 августа 1994 г.	82
Список участников Великой Отечественной войны по Быстринскому району на 1 октября 1994 г.	84
Список ветеранов Великой Отечественной войны по Карагинскому району на 1 октября 1994 г.	85
Список участников Великой Отечественной войны по Мильковскому району на 1 октября 1994 г.	86
Список ветеранов Великой Отечественной войны по Олюторскому району на 1 октября 1994 г.	94
Список ветеранов Великой Отечественной войны Соболевского района	95
Список ветеранов Великой Отечественной войны Тигильского района	97
Список ветеранов Великой Отечественной войны Елизовского района на 1 января 2000 г.	112

Галерея ветеранов

Акименко Михаил Иванович	162
Ахметов Гусман Шайхутдинович	163
Бляхер Михаил Мануйлович	163
Болобок Михаил Николаевич	164
Бондаренко Иван Васильевич	164
Бушменкова Капитолина Петровна	165
Водопьянов Виктор Васильевич	165
Воронкина Наталья Стефановна	166
Глумов Владимир Степанович	166
Горелов Дмитрий Петрович	167
Гребенщиков Юрий Прокофьевич	167

Грибовская Зинаида Федотовна	168
Денисюк Николай Фомич	168
Дручинин Егор Прокофьевич	169
Забыкин Василий Романович	169
Иванов Дмитрий Николаевич	170
Карелин Семён Семёнович	170
Кирсанова Любовь Николаевна	171
Киселёв Евгений Петрович	171
Ковригин Алексей Васильевич	172
Ковригина Нина Петровна	172
Козлов Николай Ефимович	173
Козяр Алексей Наумович	173
Кононова Мария Ивановна	174
Кривонос Иван Петрович	174
Крюков Фёдор Григорьевич	175
Кузьмичёв Владимир Ефимович	175
Кулев Павел Александрович	176
Ларкин Григорий Фомич	179
Лебедев Михаил Михайлович	179
Лещинский Илья Давыдович	180
Лиферов Николай Петрович	181
Макеева Вера Нестеровна	181
Мандро Михаил Харитонович	182
Милешин Василий Георгиевич	182
Мингулов Фахрулла Шакурович	183
Минских Вячеслав Петрович	183
Олейников Василий Фёдорович	183
Орищук Александр Лаврентьевич	184
Ощепков Николай Алексеевич	185
Ощепков Пётр Григорьевич	185
Панин Иван Васильевич	186
Пищулин Пётр Никитович	186
Плотникова Елизавета Михайловна	187
Политов Лев Александрович	187
Прасков Анатолий Семёнович	188
Пятахин Владимир Пантелеймонович	189
Рымарь Владимир Алексеевич	189
Свиридов Иван Андреевич	190
Сергеев Валентин Николаевич	190
Сопильняк Семён Степанович	190
Степченко Виктор Прокофьевич	191

Счастный Николай Фёдорович	191
Тринцукова Александра Константиновна	192
Туваев Павел Иванович	192
Туров Владимир Георгиевич	193
Тушинский Андрей Петрович	194
Уваров Василий Иванович	194
Уткин Александр Иванович	194
Фролов Владимир Яковлевич	195
Фролов Пётр Михайлович	210
Хайменов Вениамин Иванович	210
Шабаш Николай Алексеевич	211
Шашков Александр Иванович	211
Щёголев Иван Фёдорович	212
Шовкалюк Афанасий Васильевич	213

**«Это описать невозможно, это всё нужно видеть,
но не дай бог, чтобы такое повторилось...»**

Арсенов Василий Никифорович	226
Бабич Пётр Владимирович	229
Беликов Григорий Григорьевич	230
Белова Полина Павловна	234
Брюхова-Четыркина Галина Николаевна	237
Власов Сергей Александрович	249
Волчанский Андрей Андреевич	250
Выборнов Михаил Андреевич	254
Гнечко Алексей Романович	263
Голованов Пётр Николаевич	271
Горбунова Г. Г.	284
Грибков Павел Фёдорович	286
Григорьев Михаил Михайлович	290
Давыдов Павел Иванович	291
Дорошко Борис Яковлевич	292
Жульев Н. С.	299
Захаров Владимир Фёдорович	303
Звездова Алиса Николаевна	308
Звездов Николай Петрович	309
Зверев Павел Александрович	311
Игнатъев Дмитрий Ефимович	312
Калашников Николай Илларионович	315
Калинин Гавриил Григорьевич	318
Капустин В. Ф.	319

Карвель Феликс Павлович	356
Кирипенко Николай Владимирович	358
Комаровских Виктор Ильич	359
Косыгин Василий Николаевич	367
Меньшиков Афанасий Емельянович	380
Мимоход Василий Александрович	381
Николкин Николай Платонович	386
Овчинников Алексей Иванович	388
Павленко Алексей Денисович	393
Панков Александр Калистратович	394
Переш Апполон Павлович	397
Попов Александр Трофимович	399
Поплевина (Бобрякова) Матрёна Прокопьевна	400
Путин Поликарп Васильевич	418
Родыгин Александр Иванович	420
Семенчук Иван Фёдорович	421
Соловьёв Сергей Петрович	436
Солодилов Иннокентий Иванович	437
Таран Денис Филиппович	439
Тюлькин М. П.	441
Цвангер Люсиль Григорьевна (о П. А. Носыреве)	445

По страницам фронтовых воспоминаний

<i>Щедрин Г. И.</i> Западнее Сан-Франциско	468
<i>Шутов П. И.</i> Десант на Шумшу	500
<i>Фролов П. М.</i> Незабываемые встречи	506
<i>Фролов П. М.</i> Против танков	512
<i>Клемичева А.</i> Они из Курильского десанта	517
<i>Буряк И.</i> Георгий Липскеров	542
Тридцать лет спустя	552

Научно-популярное издание

ГОЛОСА И ЛИКИ НАШЕЙ ПОБЕДЫ

Серия «Из фондов музея»

Редактор-составитель С. В. Гаврилов
Корректор Е. А. Рыбаченко
Макет, вёрстка С. В. Гаврилова
Дизайн обложки О. И. Набутовской

Подписано в печать 10.07.2018. Формат 60х90/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 32,6.
Тираж 500. Заказ 254.

ООО Холдинговая компания «Новая книга».
683032, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, 60.
Тел./факс 8(4152) 41-12-60

Отпечатано в ОАО «ИПК «Дальпресс»».
690950, г. Владивосток, пр-т Красного Знамени, 10